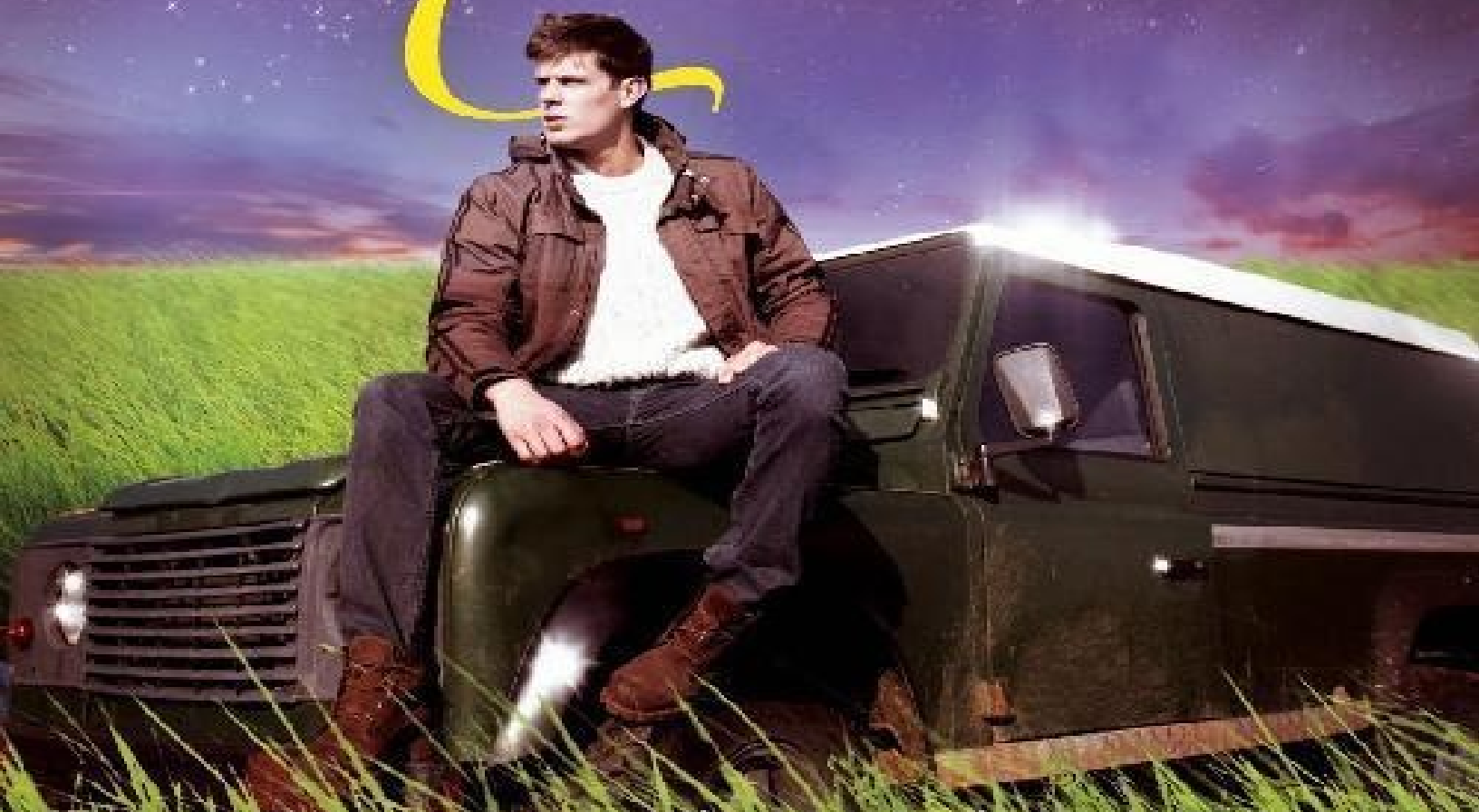

ГЛУХИЦ

Книжный червь Переводы книг
СИНДИ МАЙЛЗ

Annotation

Бракс Дженкинс и Оливия Бомонт — самая завидная пара Уинстона, но так называемое “девственное пари”, организованное братством Каппы, из которого Бракс ушел, практически уничтожило их. Теперь обретает форму новое пари, и оно уж совершенно точно распалит страсти – больше, чем когда-либо за всю историю существования споров. Уинстонская светская львица Харпер Бель не только президент сестринства Дельты, но и прекрасно умеет скрывать свое прошлое. И когда пари братства Каппы наносит очередной удар и подбирается к ее сестринству ближе, чем когда бы то ни было, Харпер придумывает пари в отместку. По ее замыслу, три девушки из сестринства должны найти трех прославленных на весь университет бабников или просто плохишей, потом тайно превратить их в идеальных парней, ну и, конечно же, влюбить в себя. Всегда готовая принять вызов Харпер Бель выбирает своей целью самого большого игрока, какого только может найти — очень красивого и привлекательного старшего сводного брата Бракса Дженкинса — Кейна МакКарти. Внезапно Харпер обнаруживает, что у Кейна гораздо больше интересов, чем девушки, игры и вечеринки. За его сексуальной улыбкой скрывается ранимая и нежная душа, которая отражается в карих глазах. Хватает одной ночи, одного секрета и всего одного поцелую Кейна, чтобы перевернуть мир Харпер. Девушка, которая всегда шла прямыми путями, не сворачивая от поставленных целей, теперь не может думать ни о чем другом, кроме как о потери контроля.

-
- [Синди Майлз](#)
 - [До: Харпер](#)
 - [До: Кейн](#)
 - [После: Харпер](#)
 - [После: Кейн](#)
 - [1. Сейчас](#)
 - [2. Планы](#)
 - [3. Избранник](#)
 - [4. Увлечение](#)
 - [5. Маскарад](#)
 - [6. Падение](#)
 - [7. Шансы](#)

- [8. Кейн](#)
 - [9. Поглощенная](#)
 - [10. Одна](#)
 - [11. Дом](#)
 - [12. Спаситель](#)
 - [13. Потерянная](#)
 - [14. Сожаления](#)
 - [15. Кейн](#)
 - [16. Шрамы](#)
 - [17. Правда](#)
 - [18. Тайны](#)
 - [19. Кейн](#)
 - [20. Сломанная](#)
 - [21. Демоны](#)
 - [22. Кейн](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Синди Майлз

Глупец

Влюбленные глупцы - 2

Переводчик: Анастасия Калинюк

Редактор: Лилия Никитенко

Вычитка: Тори

Переведено специально для группы: https://vk.com/tr_books_vk

**Любое копирование без ссылки на переводчиков и группу
ЗАПРЕЩЕНО!**

Пожалуйста, уважайте чужой труд!

До: Харпер

— Харпер? Ты здесь?

Папочка? Нет, не папочка. Это не может быть он. Это кто-то другой. Кто-то плохой. Мои глаза заledenели, они были сухие, как лист бумаги, и широко открыты, я просто не могла моргнуть. Мне в спину, точнее в мою любимую майку “Красавица и чудовище” упиралось сырая доска, выпирающая из стены под раковиной. В шкафчике было темно и пахло очень неприятно, прямо как старая выцветшая розовая губка, которой мама иногда мыла посуду. Я притянула колени к груди, обхватила ноги со всей силы и зажмурила свои холодные, сухие глаза, запрокинула голову назад, уходя все глубже и глубже в это вонючее влажное место, падая все дальше и дальше, я вздрогнула. *Уходи! Ты один из них! Уходи...*

— Выходи, детка, все в порядке. Тебе больше не нужно прятаться, я обещаю.

Мужской голос просачивался сквозь щели кухонного шкафчика, в котором я пряталась, и нет, ничего уже в порядке не будет. Никогда.

Послышались шаги, тяжелые, со скрипом, как будто кто-то шел по песку, рассыпанному по полу кухни, с каждым шагом царапая пол все больше и больше. Внезапно шаги прекратились:

— Харпер, меня зовут детектив Шанкс, мы с детективом Кримшоу пришли, чтобы помочь тебе.

— Харпер? — на этот раз женский голос — Выходи, детка. Теперь ты в безопасности, — пауза. — Плохие люди ушли, и мы не позволим им вернуться, — еще пауза. — Держу пари, ты голодная, ведь так? Мы отведем тебя за гамбургерами. Ты ведь не будешь против?

Я промолчала. Я вообще едва дышала. Нет, я не хочу никаких гамбургеров. Мне было нехорошо. Голоса звучали очень близко, но казалось, они говорили где-то далеко, и я бы хотела, чтобы они там и остались. Я все еще лежала с зажмуренными глазами, прижимая к груди колени, я прижимала их так сильно, что казалось, кости на груди не выдержат нагрузки. *Пожалуйста, просто уходите...*

— Господи, Шанкс, — прошептала женщина по имени Кримшоу. — Ее вот уже несколько дней не могут найти, — опять пауза. — Ты ведь не думаешь, что она в самом деле сидит здесь?

От приближающихся шагов к месту, где я сидела, у меня перехватило дыхание, из горла вырвался свист. В следующую секунду дверца шкафчика

со скрипом открылась, от этого противного скрипа по моей коже пробежал холодок. Темная голова опустилась вниз и заглянула внутрь, я зажмурила глаза, а мое дыхание стало быстрым-быстрым, и я ничего не могла с этим поделать. Руки стали соскальзывать с колен...

— Кримшоу, она здесь! — большие руки, похожие на руки резиновой куклы, потянулись ко мне, схватили меня под мышки и вытащили наружу, — по пути я ногами опрокинула старую пластиковую бутылку со средством для мытья посуды. Я попыталась закричать, но у меня ничего не вышло, из моего горла вырвался лишь скрипучий шепот, потому что оно пересохло, как старая труба. Меня подняли на руки, и мужчина по имени Шанкс крепко прижал меня к себе, чтобы остановить мои попытки вырваться.

— Тише, тише, Харпер, — успокаивал он меня тихим голосом, глядя при этом по голове. — Просто дыши, просто дыши. Все хорошо, милая, теперь все будет хорошо. Мы из полиции, мы здесь, чтобы помочь и забрать тебя отсюда, — он погладил меня снова. — Тише...

Он из полиции. Он заберет меня отсюда. Я уткнулась головой мужчине в плечо, от него вкусно пахло, запах был как у сосновых шишек, и, хотя он сказал мне, что все будет хорошо, так уже не будет никогда. Мое дыхание стало быстрее, еще быстрее, а потом все вокруг начало темнеть, руки вдруг потяжелели, а ноги просто болтались, как игрушечные.

— Проклятье, Кримшоу, вызывай скорую! — услышала я слова мужчины. — У нее начинается шок или что-то вроде того.

— Я уже позвонила, — ответила женщина. — Господи, Фрэнк. Она ведь была здесь с ними одна столько дней... Боже.

Запах ударил мне в нос, затем дошел до желудка, у меня закружилась голова, я чувствовала себя воздушным шаром, который вот-вот унесет в небо. Комната потемнела, я не могла сказать, закрыты ли мои холодные глаза, или я просто смотрела на куртку мужчины, но знала одно — воздух покидает меня, я задыхалась, темнота заполнила мои глаза. А ведь я уже чувствовала этот запах раньше, когда мама нашла мертвого кота в мусорном баке. Я поперхнулась, продолжая задыхаться, а потом меня начало трясти.

— Бедная девочка, после всего этого она уже никогда не будет в порядке...

До: Кейн

Стекло разлетелось по старому зелено-золотому линолеуму кухни. Моя взгляд тут же метнулся к сестре, у которой глаза расширились от ужаса. Она стояла неподвижно с согнутой рукой, как будто все еще держала только что выскользнувший мокрый стакан. У нее дрожали губы, ведь мы оба знали, что будет дальше. Это был просто стакан с эмблемой какой-то футбольной команды, который он принес из Бургер Кинга, стакан ему дали в подарок к обеденному меню. Дешевый стакан. Глупо, это все так глупо. Но если для него он имел значение, сейчас будет просто конец света.

Шаги доносились из коридора, тяжелые, знакомые шаги, и они приближались.

— Встань мне за спину, Кэти, — я резко прошептал. Она послушалась, и ее маленькие пальцы схватились за петли моих джинс. Ее лицо крепко прижималось к моей спине, я сделал глубокий вдох, успокаивающий вдох.

Он ворвался на кухню, как буря, остановился и вперил взгляд в пол, на осколки разбитого стакана. Его тело полностью загораживало дверной проем, лицо было красным как свекла, нос еще краснее. Налитые кровью глаза пылали, затем он сузил их и устремил свой гневный взгляд на меня:

— Что, черт возьми, ты наделал? — прорычал он, гнев исходил от него волнами.

— Это была случайность, стакан просто выскользнул.

Его туманный взгляд оторвался от меня, пытаюсь сфокусировать взгляд на моей сестре:

— Это она сделала? Ты снова ее покрываешь, Кейн?

— Нет, это я разбил.

Он сделал два шага и уже стоял передо мной, затем схватил меня за воротник майки и дернул к себе так сильно, что майка порвалась, и я упал прямо на кусок разбитого стекла и поморщился, потому что осколок впился в ладонь.

— Лежи смирно, мешок дерьма, — сплюнул он. — Девка, ты это сделала?

Кэти зарыдала:

— Н-н-н-еет, сэр, — сказала она, заикаясь.

Я ненавидел его в тот момент, ненавидел больше, чем когда-либо в своей жизни. Я ненавидел его за то, что он заставляет мою сестру плакать, за то, что она испугалась.

— Ну что ж, один из вас должен заплатить за это, — сказал он невнятно, но я знал, что он не имеет в виду деньги. — Кто из вас будет на этот раз?

Я поднялся с пола, загораживая собой свою сестру:

— Я.

— Так и знал, что ты это скажешь, — сказал он, вытирая рукой подбородок. — Ведь ты всегда ведешь себя, как какой-то долбаный герой, ведь так, Кейн? — его глаза переместились на пол, исследуя осколки разбитого стакана, затем он присел и поднял дно стакана, которое осталось целым, но теперь у него были неровные и острые концы.

У меня внутри все заledenело, но как всегда я запихал страх куда подальше и смотрел, как он встает:

— Снимай футболку, малец, — приказал он. — Стань ко мне спиной и возьми за стул.

Я посмотрел на него, прекрасно зная, что в моих глаза отражается лишь ненависть, он был очевидно больше меня, ведь мне было всего восемь. Но я все же сделал это, сделал то, что он мне сказал — сдернул с себя футболку, бросил ее на пол, развернулся к нему спиной и схватился за спинку стула. Костяшки моих пальцев побелели, ярость и страх переполняли меня, внутри я ощущал себя, как закипающий чайник.

Сестра стояла и рыдала, моя голова внезапно дернулась назад, так как он схватил меня за волосы и прошептал на ухо:

— Пикнешь и заработаешь еще одну букву, — он дернул еще раз. — Еще шесть букв, каждый раз, когда ты будешь все поганить, будешь получать новую букву. Слышишь меня, герой? Теперь будем играть по моим правилам, понял, умник?

Я кивнул и посмотрел на свою сестру, одними губами я сказал ей: «Ни звука».

Мое дыхание участилось, ведь раньше он такого не делал. Страх застрял у меня в горле, я ненавидел его даже больше, чем боль, которая вот-вот должна была меня накрыть. Я неотрывно смотрел на сестру, концентрировался.

Ждал.

Как раз перед тем, как битое дно врезалось в мою спину, я увидел, как моя сестренка прикрыла рот обеими руками и молча кричала. Я чувствовал, как он вырезает на моей спине первую букву. Это была буква “Г”.

У меня гремело в голове, но я смотрел на сестру, а потом больше ничего не мог увидеть, ничего, кроме красноты.

После: Харпер

Когда машина повернула и заехала в большие черные железные ворота, у меня свело желудок. Деревья сливались в одну непрекращающуюся полосу, и она все тянулась и тянулась, захватывая все больше деревьев в ореховой роще, пока я не потеряла из виду дорогу. Водитель не сказал мне ни слова, я тоже молчала. Он лишь ехал, ехал и ехал. Я ждала.

Наконец появилась вспышка белого впереди, она приближалась, превращаясь в огромный дом, таких домов я никогда не видела. У него было две веранды — одна на втором этаже, другая на первом, и когда машина остановилась, я посмотрела в окно. Пожилая женщина стояла на веранде второго этажа, сложив руки на груди. На ней было модное черное платье в пол, и я тут же узнала эту женщину — она была на похоронах.

Это моя бабушка. Мама моей мамы, Коринн Бель.

До похорон я ее никогда не видела.

С неимоверно прямой спиной бабушка повернулась и исчезла в дверях веранды.

Дверца машины открылась, и водитель держал ее, пока я выходила наружу. Я была без чемодана, только с рюкзаком, водитель забрал его у меня и сказал:

— Сюда, мисс, — я пошла за ним по огромным ступенькам.

Как только моя нога коснулась верхней ступеньки, высокие двери распахнулись, моя бабушка стояла там. Она посмотрела на меня, я посмотрела на нее в ответ, мы стояли и молча рассматривали друг друга. Она так долго разглядывала меня, что я начала переминаясь с ноги на ногу, но синие, холодные глаза продолжали буквально сверлить во мне дырку.

— Прекрати дергаться, Харпер, и пойдем за мной, — наконец сказала она, повернувшись на каблуках. Ее голос никак нельзя было назвать дружелюбным, но и ненависти в нем не было, и все же он был холодным и острым, прямо как звук ее каблуков.

Я шла за ней по огромному старому дому, наполненному старинными вещами и вазами, вокруг пахло лимонами. Мы дошли до широкой лестницы, поднялись на второй этаж и шли по длинному коридору. Бабушка даже ни разу не оглянулась, чтобы проверить, иду ли я за ней, думаю, она знала, что иду. На середине коридора она остановилась, открыла дверь справа, затем повернулась ко мне, сложила руки на груди в

ожидании, пока я подойду. Я остановилась возле открытой двери.

— Это твоя комната, — сказала она. — Заходи внутрь.

Неохотно я сделала то, что она просила, ее каблуки последовали за мной. На самом деле я не знала, что мне делать или куда идти, поэтому я пошла к кровати и остановилась возле нее. На ней, заправленной красивым покрывалом, лежала одежда — нижнее белье, носочки с кружевом, блестящие туфли и платье цвета спелой сливы. Рядом лежало большое белое махровое полотенце и мочалка. Я посмотрела вверх на бабушку.

— Давай мне свой рюкзак, дитя, — сказала она, и я, спустив рюкзак с плеча, передала ей. Она взяла его двумя пальцами и расстегнула молнию, как будто весь рюкзак был усыпан микробами. Там ничего практически и не было — всего лишь немного одежды, пара старых сандалий и фотография мамы и папы. Это была очень старая фотография, задолго до... до того, что случилось, но эта была единственная фотография моих родителей. Коринн Бель строго посмотрела на меня:

— Снимай одежду. Всю. И бросай ее сюда, — резко сказала она. — Затем обернись в полотенце и иди за мной в ванную.

Я не решалась сделать то, что он просила, мне не очень хотелось раздеваться перед ней. Может быть, она и моя бабушка, но все же я ее не знаю.

— Прекрати думать, дитя, и, ради всего святого, перестань смотреть на меня так, как будто ты безмозглая. Просто делай то, что тебе сказано. Чем быстрее ты разденешься, тем быстрее обернешься в полотенце.

Я быстро стянула с себя одежду, бросила ее в рюкзак и, завернувшись в полотенце, вдруг поняла, что покраснела. Бабушка смотрела на меня все время не сводя глаз, и теперь мы стояли лицом друг к другу. Я молча ждала.

— Я понимаю, через что ты прошла, по сути, твое существование вообще не твоя вина, Харпер. Тебе ведь всего восемь лет, но условия, на которых ты будешь жить в этом доме, очень строги, их ты должна будешь соблюдать всегда беспрекословно, — полосы вокруг ее рта углубились. — Тебе придется забыть свое прошлое. Свою мать, своего отца и убожество дома, в котором все вы обитали. Твоя фамилия будет изменена на Бель, — она застегнула мой рюкзак. — Ты забудешь обо всем, что лежит в этом рюкзаке, и больше никогда не заговоришь об этом. Никогда. А я узнаю, уж поверь мне, если ты заговоришь о своем прошлом, — она присела, чтобы посмотреть мне прямо в глаза. — Я буду знать о каждом твоем шаге, юная леди. О каждом. Тебе повезло приехать сюда и жить здесь со мной, под моей опекой. Тебе повезло, что у тебя вообще хоть кто-то остался, чтобы забрать тебя, и я надеюсь, ты будешь благодарной, соблюдая все мои

правила и не вызывая беспокойства. Я уже устроила тебя в пансион, ты поедешь туда осенью, там никто тебя не знает, и ты никому ничего не расскажешь о своем прошлом, — ее глаза вспыхнули. — Тебя научат правильным манерам, и ты станешь действующим, полезным и продуктивным членом общества. Ты станешь Бель. Будет так, как будто старой тебя никогда не существовало. Тебе все ясно?

Мои глаза вновь стали сухими и холодными, когда я пристально посмотрела на нее, у меня перехватило дыхание:

— Да, мэм, — едва выдавила я. — М-можно мне мою фотографию?

Коринн осмотрела меня с головы до ног и нахмурившись сказала:

— Это исключено.

Она снова развернулась на каблуках и пошла, я знала, что мне нужно без вопросов идти за ней. Я сражалась со слезами, когда она остановилась в коридоре через две двери от моей комнаты:

— У тебя есть своя личная ванна, Харпер, и я ожидаю, что ты будешь пользоваться ею каждый день, начиная с этого момента, — она посмотрела на меня. — Вымой волосы дважды, — она глянула на мою голову. — Они выглядят просто ужасно. Когда закончишь мыться, оденься и спустись вниз к ужину, там я тебя проверю, прежде чем мы сядем за стол. Тебе все ясно?

— Да, мэм, — ответила я, пытаюсь сдержать свой голос.

Посмотрев на меня еще раз, она выпрямилась, развернулась и пошла по коридору к лестнице, не сказав ни слова, лишь только ее каблуки стучали по полу.

В ванной я закрыла дверь, включила воду и смотрела, как ванна заполняется. В то же время мои глаза наполнились слезами, и как только воды стало достаточно, я сбросила полотенце, залезла в нее и обняла колени.

Меня больше нет...

Я тоже мертва. Так же, как и мама с папой.

Наконец я дала волю слезам.

После: Кейн

— Ты любишь бейсбол?

Я смотрел на матрас над головой и молчал. Я не знал этого паренька, который лежал на верхнем ярусе кровати, а паренек не знал меня. Это была уже моя третья приемная семья за два месяца. Не было необходимости заводить друзей. Они мне не нужны. Через секунду сверху появилась голова, и я посмотрел на парня, который спал на верхней кровати. Он висел вниз головой, и его кудряшки свисали по бокам, а дикие голубые глаза пронзали комнату, освещенную лишь небольшим ночником Ред Сокс. Паренек сказал, что его зовут Бракс. Вокруг одного его глаза разливался большой синяк.

— Ты что, плохо слышишь или что? — спросил Бракс с огромной улыбкой, которая показывала все его зубы. — Кейн, да? Ну так что, любишь? Бейсбол?

— Наверное, — ответил я.

Бракс продолжал смотреть на меня. Он был из местных — южанин. Я мог определить это по его губам. Выглядел он младше меня, ему, наверное, около девяти-десяти.

Бракс поднял бровь:

— Ты здешний?

Я посмотрел на него:

— Дорчестер.

Бракс кивнул, вытер нос тыльной стороной ладони, все еще вися вниз головой:

— Ты долго был в системе?

— Некоторое время, — я не отводил глаз.

— Ну а я всю свою чертову жизнь, — он спрыгнул вниз, мягко приземлившись на носочки, и присел на краешек моей кровати. — А здесь я почти два года, — он пожал своими костлявыми плечами. — Здесь неплохо, гораздо лучше, чем там, где я был до этого, — он наклонил голову. — Хочешь пойти на игру завтра?

Я перевернулся на живот и отвернулся в надежде, что Бракс замолчит и отправится обратно в кровать:

— Нет.

— Ну, давай, — уговаривал Бракс. — На игру намного круче идти с другом.

— Мы не друзья, — пробормотал я. — Мы. Не. Друзья.

В следующую секунду Бракс схватил одеяло и сорвал его с меня:

— Не будь мудаком... — его незаконченная фраза несколько секунд висела в воздухе, я лишь слышал его дыхание. — Господи Боже, — наконец сказал Бракс свистящим шепотом. — Господи.

Я не двигался, не смотрел на Бракса, я молчал и просто лежал, пока Бракс не накрыл меня обратно одеялом. Я знал, что Бракс увидел, увидел мою изуродованную спину, увидел вырезанное на моей спине слово, сморщенные и красные буквы.

— Эй, мне очень жаль, — сказал Бракс, наконец взяв себя в руки, он сказал это тихо, и по голосу было понятно, что ему действительно было жаль. — Я никому не скажу.

— Не важно, — сказал я в подушку.

— Черт, нет, это важно, — сказал Бракс. — Я надеюсь, что тот мудака, который сделал это с тобой, заплатит сполна.

Я ничего не ответил. Просто промолчал.

— Завтра мы идем на игру, — сказал Бракс, и я почувствовал дуновение ветра, — это он запрыгнул на свою кровать наверху. Некоторое время он молчал, и я подумал, что он заснул, пока он не заговорил снова.

— Игра начнется в два. Наши играют с Канзас Сити. И мы пойдем на игру вместе, — сказал Бракс. — Я знаю одного человека в парке. Он пускал меня на игры с тех пор, как мне исполнилось семь. Нам даже дадут по хот-догу, а еще мы можем поймать мяч. Договорились?

Я вздохнул в подушку:

— Договорились, — я готов был сделать все, что угодно, чтобы он заткнулся, и это сработало.

Я закрыл глаза, знал, что мне будет сниться, мне всегда снятся сны. Вот только это не совсем сны, это кошмары. Ужасы. Ночные ужасы, как сказал врач. И Браксу предстоит услышать их.

Очень скоро он будет знать обо мне все.

1. Сейчас

Уинстон

Техас, наши дни.

Начало ноября.

— Дамы, вы все знаете, с чего братство Каппы начинает осенний семестр — с унижительного, обидного и ужасного пари. Прошлой осенью...— я вздохнула и посмотрела на старый деревянный подиум, на котором стояла, этот подиум использовали все президенты сестринства Дельты. Я подняла взгляд, осмотрела такие знакомые лица своих сестер. Пламя нескольких свечей покачивалось от легкого ветерка кондиционера, обдувавшего общую комнату. Я крепко схватилась за подиум. — То, что они сделали с Оливией Бомонт в прошлом году, просто непростительно. И вот эти ребята опять взялись за свое, им не должно сойти это с рук.

— Бедная Марси Уотерс, — сказала Мэгги Гибсон. — Я вообще понять не могу, как она умудрилась влюбиться в этого осла Джоша Колинза. Как она вообще могла подумать, что он на самом деле хочет быть с ней?

— Марси умная девочка, она переживет это, — ответила я. — А вот сможет ли она пережить то унижение, которому ее подвергли во время вечеринки на Хэллоуин перед лицом целой толпы, мы скоро узнаем. Для Марси это был тяжелый жизненный урок, — все было прямо как в “Кэрри” Стивена Кинга, лишь свиной крови не хватало. Джош уговорил Марси одеться в костюм распутной медсестры, затем напоил ее, а потом просто взял и заявил, что все это было лишь ради пари. Идиот.

— Но Оливия победила их, — сказала Джейн Моррис. — Они с Браксом победили.

Волна шепота пробежала по Дельте при упоминании Оливии и Бракса. Веские доводы, не поспоришь. Они победили. Сила и мужество Оливии победили этих дурачков братства Каппы. А Бракс? Что ж, он удивил всех, включая меня. Он доказал, что является чрезвычайно умным молодым человеком, которого я когда-либо встречала, и ко всему прочему он по уши влюблен в Оливию. Так сильно влюблен, что даже покинул братство Каппы. После осеннего пари в прошлом году Оливия попала в список лучших студентов, а Бракс скопил столько рекордов по броскам за сезон, сколько не было ни у одного игрока Сильвербэков за всю историю

существования команды. Их отношения самые обсуждаемые в Уинстоне. Сплетни были как живой, дышащий организм, который просто... просто существовал. Все студенты знали про Бракса и *Грейси* — так называл ее только он и больше никто. Не раз я задавалась вопросом: *каково это? Каково это, когда тебя любят ТАК сильно?* Я не могла представить себя в такой ситуации. Сама идея — быть любимой — казалась мне странной, даже иноземной. В конце концов, от таких мыслей я чувствовала себя опустошенной.

— Боже, то, как он смотрит на нее, — сказала Джейн шепотом. — Как будто он задохнется, разобьется в лепешку, умрет, если только ему нельзя будет прикоснуться к ней.

— Да, это правда, — сказала я, заправляя волосы за ухо. — Оливия просто невероятная. Но все же, несмотря на их победу, их выживание, новая жертва пари была выбрана в этом году. Девушка была унижена. Унижена ради смеха пьяных мужиков. И я — мы — не можем это все просто так оставить. Это просто унижительно. Мы утонченные, умные женщины, о нас не должны вытирать ноги.

Толпа закивала, и прозвучали слова согласия.

— Я думала, пари были запрещены, — сказала Мэгги. — Ну, совсем запрещены.

Я натянуто улыбнулась:

— Да, они запрещены, но здесь уже идет разговор о сексуальном домогательстве и причинении вреда, — сказала я. — Вот только это ничего не значит для братства Каппы, — я снова осмотрела своих сестер. — Это моя точка зрения.

— Ух ты, — послышался до боли знакомый голос. — Мне кажется, я заметила озорной блеск в ваших глазах, Мисс Бель.

Я нашла в толпе Мерфи Полк, которая приехала из Йорка, Англия. Она была моей лучшей подругой. В ее каштановых волнистых волосах виднелись выгоревшие пряди, а модная стрижка подчеркивала скулы. Сейчас же ее волосы были заплетены в две толстые косы по бокам, сходящиеся сзади в одну. Она улыбалась так, что раньше я бы расценила ее улыбку как угрозу. Она была одета по последнему писку моды, но с легкой ноткой богемности, однако Мерфи была такой девушкой, которая впишется в любую толпу в любой обстановке. Все любили ее. А эта улыбка? Прямо как у Чеширского кота из *“Алисы в стране чудес”*. Она не в первый раз толкала меня в «липкие» ситуации, прекрасно при этом зная, что я беспрекословно соблюдаю правила. Злая искорка мелькнула в ее глазах, пока она ждала мой ответ.

Улыбка Мерфи становилась все больше:

— Ну же, давай, детка. Поделись, — она нахмурила брови. — Расскажи все с грязными подробностями.

Я не могла сдержать улыбку от северного йоркского акцента Мерфи и ее любимых сленговых словечек, например, “грязные подробности”. Все это напомнило мне о нашей первой встрече, когда мы еще были на первом курсе Уинстона. Мерфи, как вихрь, ворвалась в нашу комнату в общежитии и вела себя с первой секунды так, как будто мы с ней знакомы целую вечность. Хотя сблизилась мы не сразу. Мерфи... она упорная. Ее невозможно не любить. А вот что я действительно люблю в ней, так это то, что она не задает вопросов. Она просто... просто принимает все как есть. Если конечно это не относится к старым добрым шалостям.

— Я думаю, мы должны отплатить Каппам той же монетой. И у меня есть идея, как претворить все это в жизнь.

Шепоток прошел по залу, девушки сестринства Дельты обменивались взглядами. Лишь только Мерфи смотрела на меня не сводя глаз. Ее улыбка стала еще шире и загадочнее.

— Вау. Ты хочешь сказать... ты хочешь нарушить правила, Харпер Бель?

— Не совсем, — я подняла подбородок. — Мы сильные, целеустремленные женщины. Ни у кого из нас нет среднего балла меньше чем три и девять. Мы не пешки в их дурацких пари. Мы неустанно спонсируем различные мероприятия, чтобы собрать деньги для нашего сестринства, для нашего дома и клубов. А Каппы... они просто пьяные клоуны. Я устала от этого и впервые хочу, чтобы они извлекли из этого урок.

— Ну что ж, давай свой план, — поторопила меня Мерфи и другие подхватили.

На меня смотрели десятки выжидающих глаз моих сестер.

— Преображение плохого мальчика.

Сестры молча смотрели на меня, лишь вопросы читались в их глазах, затем все они одновременно заговорили, и комната стала похожа на пчелиный улей. Мерфи все еще смотрела на меня, и улыбка Чеширского кота медленно расползлась по ее лицу, наконец, она сказала:

— Блестяще.

— Итак, каковы правила? — спросила Мэгги.

Я думала об этом. Стойко терпела их пристальные взгляды.

— Трое из нас выберут жертв. Самых ужасных, неуправляемых парней, каких вы только сможете найти, и полностью переделаете их,

заставите поступать правильно. Обучите манерам. Поощрите участие в наших зимних мероприятиях. Заставите их влюбиться. Сделаете так, чтобы они раскрыли вам свои самые глубокие, самые темные тайны, — я улыбнулась, держа при этом голову высоко поднятой. — И последнее, но не менее важное — сделайте так, чтобы они добровольно пришли на наш праздник. В костюме.

— А они обязательно должны быть из братства Каппы? Вы ведь понимаете, как это все будет проблематично проверить, — сказала Меган Коннерс. — Они все крутые и у большинства уже есть девушки.

Я тоже думала об этом:

— Разумеется, это будет непросто. Если вы сможете найти свободного парня из Каппы, это будет просто замечательно. Если же нет, поищите подходящего среди помощников братства. — Их просто тьма тьмущая трется возле кампуса. Эти парни не в братстве, но они все время тусуются с Каппами.

Несколько охов заполнили комнату и Мерфи заговорила:

— На этот раз, Харпер, ты определенно превзошла себя, — она улыбнулась. — Ты, конечно же, должна быть одной из трех.

Я кивнула.

— Разумеется, согласна целиком и полностью, — я осмотрелась вокруг. — Кто присоединится ко мне?

Рука Мерфи тут же поднялась вверх. И больше никто.

— Спасибо, Мерфи, кто-нибудь еще? — я строго смотрела в толпу. — Нам нужен еще один человек.

Я смотрела в лица сестер. Все мы были известны своим умом, воспитанием, высоким средним баллом, а не достижениями в пив-понге или в шоу мокрых футболок. Мы были выше всех остальных, и большинство из нас гордились всем, что мы делаем. Для меня всегда будет загадкой, как наш дом вообще мог оказаться прямо через дорогу от дома Каппы — мы просто диаметрально противоположности.

Наконец поднялась еще одна рука, и я кивнула.

— Спасибо, Лэсли.

Я снова схватилась за трибуну, и прохлада дерева под моими пальцами практически успокоила мои нервы. Я не люблю игры. Меня не заботят пари. Я определенно не согласна с ними, и именно поэтому не посмела предложить публичное унижение. Я думаю, чтобы победить, мы должны полностью переделать выбранных парней. Разве это не самое лучшее решение для того, чтобы поставить братство Каппы на место?

Каппам просто нужно понять, что они не могут относиться к

девушкам как к мусору. Вот и все.

— У нас есть шесть недель до дня икс, — объявила я. — Поэтому, дамы, выбирайте своих жертв и приступайте к работе.

Пока сестры расходились, обсуждая наш предстоящий квест, Мерфи пошла напрямиком ко мне, ее глаза превратились в щелочки, одна бровь была приподнята.

— У тебя уже кто-то есть на уме? — сказала она обвиняющим тоном. — Не так ли?

Я удивленно посмотрела на нее:

— Нет, а что насчет тебя?

Она тут же загадочно улыбнулась:

— Отвратительный пример, — она подмигнула. — Как только решишь — тут же скажи мне.

— Договорились, — согласилась я. — Ты тоже.

Я не могла заснуть, просто лежала и смотрела в потолок, который больше был похож на попкорн. Мысленно я перебирала не впечатляющее количество парней, которых я лично знала. Никто из них не подходил. Я думала про братство Каппы, любой член братства стал бы просто идеальным кандидатом. Но, как правильно было подмечено на собрании, у многих из них уже есть девушки, и, несмотря на всю мою решимость заставить братство Каппы заплатить за их идиотские пари с Марси и Оливией, я не собираюсь вмешиваться в чужие отношения. Вздохнув, я повернулась на бок, но мысли не давали мне заснуть. Мне нравится, когда поставленная цель не отпускает меня. Это значит, что мне есть чем заняться, и прошлое, наконец, оставит меня в покое. По крайней мере, на какое-то время.

Я поищу кандидата завтра в перерывах между парами. Уинстон был просто переполнен «жуткими джентльменами», как говорит Мерфи. Я подумала про Бракса. Даже сейчас он не потерял статус. Вот только я прекрасно знала его — это просто у него в крови. Он просто вот такой, какой есть, хотя и стал немного мягче с тех пор, как у него появилась Оливия. Теперь он не дерется так часто, как раньше. Но свой статус Бракс определенно не потерял.

Очень трудно не заметить плохого парня в татуировках. Они все непреднамеренно носят татуировки как доспехи. Одежда тоже не имеет значения, просто давайте посмотрим правде в глаза. Плохие парни могут быть одеты в изношенные с дырами на коленях джинсы или в костюм Армани за тысячу долларов. Все это шелуха. Вся фишка в том, как они себя преподносят: всегда уверенные в себе, бесстрашные, смелые, несносные. Я

улыбнулась. Все это идеально описывало Бракса Дженкинса. По Уинстону не ходят такие парни, как Бракс Дженкинс, он определенно единственный в своем роде. Я вздохнула. Это задача будет чуточку сложнее, чем я предполагала. Но я буду искать. Буду искать по определенно плохим качествам, и мне удастся сделать его лучше.

Мои глаза закрылись, и с мыслью о том, что завтра я найду идеальный образец, я заснула.

* * *

На следующий день, в перерывах между парами я начала свои поиски. Мои каблук стучали по тротуару, пока я шла через кампус. Я была полна решимости, всматриваясь в толпу, да и вообще вокруг. Сегодня я хочу найти того самого плохого парня и сделаю все для этого. Пока я смотрела по сторонам, несколько парней привлекли мое внимание, большинство из них были спортсменами, однако рядом с ними постоянно крутились девушки. Ну разумеется, по-другому и быть не могло, они ведь все бабники. Но я не должна сдаваться, мне нужно быть настойчивее, возможно, даже немного агрессивнее. Подумав об этом я отправилась на последнюю сегодняшнюю лекцию.

Во время лекции мой мозг был занят, и занят он был вовсе не Рембрандтом — темой сегодняшней лекции. Да кому вообще нужны реформы? Вместо этого мои глаза сканировали сидевших в аудитории людей. Во-первых, ни одного члена братства Каппы, ну а если всмотреться в присутствующих парней, то все они были обычными, правильными что ли — в общем и целом, ни одного плохого парня. Разочаровавшись, я перевела взгляд на свои заметки.

После лекции я была настроена еще решительнее, чем прежде. Я вышла на улицу, села на одну из бетонных скамеек и стала рассматривать толпу снующих туда-сюда студентов. После полудня солнце стало греть чуть меньше, я подставила свое лицо солнечным лучам, прищурилась, потом заметила, как солнечный свет мерцает и превращается в сливовый, красный, желтый на листьях груши. Это можно было бы назвать красотой, сама по себе осень прекрасна, вот только приближалось время каникул...

— Не подскажете, как найти обсерваторию?

Сладкий голос с северным акцентом заставил меня повернуть голову. Высокий, широкоплечий, но не громоздкий парень с темными волосами и

мягкими карими глазами, смотрел на меня сверху вниз. От его глаз было трудно отвести взгляд. Дымчатые, прямо как зерна кофе, глаза в обрамлении длинных, темных ресниц. Раньше я его не видела. Я была на сто процентов в этом уверена, потому что точно запомнила бы.

Его губы изогнулись в улыбке. Он ждал, ждал моего ответа, глаза парня пристально изучали меня.

— Ой, — сказала я, затем встала, пригладила свой простой пиджак, повернулась и, указав рукой в сторону, продолжила:

— Вам нужно идти вот по этой тропинке, она приведет к Научному комплексу. Ищите здание с большим куполом.

Теперь он улыбнулся мне полностью, губами и глазами, и этим застал меня врасплох.

— Хорошо. Спасибо.

— Да не за что, — сказала я, стоя, как истукан, и наблюдая, как он уходит. Парень оглянулся через плечо, слегка улыбнулся мне и продолжил идти в том направлении, которое я ему указала. А я стояла и смотрела. Кожаная куртка, потертые джинсы, байкерские сапоги, он совершенно не был похож на человека, интересующегося астрономией. Но сегодня ведь среда, а значит, в обсерватории день открытых дверей. Еще несколько секунд я смотрела ему вслед, пока волна студентов, высыпавших из дверей, не поглотила его.

Я откинулась на спинку лавочки и продолжила осматривать толпу. Мало того, что я не нашла подходящего для пари парня, так еще вдруг осознала, что продолжаю искать в толпе незнакомца с дымчатыми глазами и кривой улыбкой. Больше я его не увижу, это вдруг меня расстроило, и я была безмерно удивлена. Солнце стало садиться, похолодало. Все меньше и меньше людей проходили мимо, к концу дня все возвращались в общежития, в библиотеку, в кафе или пабы. Я смотрела, как небо сменило несколько оттенков сиреневого и бледно-лавандового, прежде чем солнце окончательно спряталось. Сегодня был единственный на этой неделе вечер, когда Дельты вместе ужинали. Обычно мы встречались в «Джуно» в университетском городке, поэтому я встала и поспешила по двору, чтобы не опоздать на ужин. Все девушки уже были внутри и ждали меня.

“Джуно” было довольно спокойным заведением, особенно если сравнить его со спортивными пабами, которых было хоть отбавляй в кампусе. Слегка богемное, с нотками утонченности, стены были окрашены в теплых тонах и украшены местными произведениями искусства и старинными музыкальными инструментами. Посередине зала стоял гигантский бар с диваном, четыремя мягкими стульями, рядом с баром

была небольшая библиотека с книгами по искусству и музыке. Я увидела своих девчонок за нашими обычными столиками в углу зала, возле скульптуры мраморного ангела с большим разноцветным шарфом на шее. Я пошла напрямик к ним, повесила сумку на спинку стула и села рядом с Мерфи. Она ту же подтолкнула ко мне небольшое бумажное меню. Ужин в “Джуно” был просто ужином, никаких официальных разговоров, никаких обсуждений или решений. Это было просто время для общения, когда все мы просто собирались вместе. Чаще всего я не хотела приходить ужинать в “Джуно”, даже несмотря на то, что всем студентам давали хорошую скидку на меню, но как президент Дельт я просто не осмеливалась пропустить хотя бы один ужин.

Мерфи склонилась к моему уху:

— Ну что, ты нашла подходящего парня?

Я вздохнула, и лишь продолжила изучать меню. Сегодняшняя беседа с привлекательным незнакомцем, спрашивающим дорогу до обсерватории, всплыла в моей голове, я тут же ее прогнала и быстро ответила:

— Нет, а ты?

Она пристально смотрела на меня целую минуту, затем сказала:

— Чепуха. Я все вижу по твоим глазам, Харпер Бель. Кто-то приглянулся тебе, да?

Я слегка улыбнулась:

— Seriously, я никого не нашла. Битый час после пар просидела на скамейке в поисках, — я вздохнула, про себя думая, как Мерфи так быстро смогла меня раскусить. — Но все без толку, возможно я слишком разборчивая.

— Может быть, — ответила Мерфи и слегка толкнула меня в плечо. — Не переживай, детка, ты найдешь подходящего, — она улыбнулась. — Я вот на двоих глаз положила.

Мои глаза расширились от удивления:

— Seriously? Двоих? Кто они? Я их знаю?

Мерфи улыбнулась:

— Давай просто сделаем вот как: я решу, кого выбрать, а второго просто отдам тебе.

— Ну, спасибо.

Ее улыбка была полна озорства:

— Что будешь заказывать? Только не смей говорить, что закажешь суп, иначе я побью тебя.

Я пожала плечами:

— Я люблю суп, — ну и плюс ко всему он самый дешевый в меню, и

мне хватит тарелки, чтобы наесться.

Мерфи посмотрела на меня своим понимающим, вдумчивым взглядом, как будто она прочитала мои мысли о дешевизне супа. Временами мне казалось, что она знает все мои секреты, что она знает обо мне все, как будто наняла частного детектива, который докопался до всей правды обо мне. Может быть, так все и есть, и мне вовсе не кажется. Если это и так, то она ни разу не упоминала об этом. Ее глаза смягчились, она улыбнулась и сказала:

— Я тоже буду суп.

Я улыбнулась Мерфи, и она улыбнулась мне в ответ. Благодарность без слов. Она даже представить себе не может, как я ценю ее молчание.

* * *

На следующий день я наткнулась на Оливию по пути в библиотеку. Она стояла на тротуаре и смотрела в другую сторону:

— Привет, Оливия, — поздоровалась я.

Оливия Бомонт повернулась ко мне. У нее на ложке было арахисовое масло. Она была в рубашке, узких джинсах и темно синих кедах «All stars», волосы как обычно были заплетены в косу, которая лежала на плече. И без капли макияжа. Я не знаю никого, кто бы мог выглядеть так же круто как она. Никто с первого взгляда не поймет, что она просто чрезвычайно упорная и умная. Она была девушкой-ковбойкой и носила это звание без капли стыда, с гордостью. Я призналась, ну, если честно, только себе самой, что это вызывает зависть у меня. Мне никогда не разрешалось быть такой... такой свободной, да и вообще самой собой. Оливия быстро вытерла рот тыльной стороной ладони.

— Привет, Харпер. Как дела?

— Хорошо, спасибо, — сказала я и пригладила полы пиджака, затем заложила волосы за ухо и, когда Оливия посмотрела через плечо, последовала ее примеру. Ее глаза расширились. Бракс стоял, уперев руки в боки, склонив голову вниз. Перед ним стоял другой парень, тот самый, которому я вчера показывала дорогу в обсерваторию. Он был в тех же джинсах, сапогах, в той же кожаной куртке. Бракс поднял голову и стал размахивать руками. По языку его тела можно было понять, что он... зол. Привлекательный парень спокойно стоял, засунув руки в карманы.

— Кто это там с Браксом? — осторожно спросила я, вглядываясь. —

Похоже, что они спорят о чем-то.

Оливия продолжила наблюдать за спором, затем вздохнула и посмотрела на меня.

— Так и есть. Ну... — Оливия тихонько рассмеялась — Точнее, Бракс ругается. Что-то вроде того. Это его старший брат, Кейн МакКарти. Из Бостона. Они братья с самого детства, некоторое время росли в одной приемной семье, и с тех пор просто не разлей вода. Кейн... вчера удивил Бракса. Он просто появился из ниоткуда в обсерватории, где Бракс помогал мне чистить телескопы. — Оливия посмотрела на меня и улыбнулась. — Неоднозначные чувства, одним словом.

Кейн МакКарти. После нашей краткой встречи накануне, мои мысли все время возвращались к нему. Что-то в его темном взгляде и уверенной позе не отпускало меня. Не раз во время пар я думала о нем. О его ровном голосе, спокойном взгляде, легкой улыбке. А ведь я всего лишь показала ему дорогу к обсерватории. Я наблюдала за тем, как Бракс махнул руками, заложил руки за голову, а потом снова опустил руки на талию. Он сделал несколько шагов, затем повернулся спиной к брату. Кейн все это время просто стоял, стоял и смотрел на Бракса, он был полон спокойствия.

— Почему неоднозначные? — спросила я.

— Ну, — сказала Оливия. — Бракс все еще на испытательном сроке в бейсбольной команде после всех проблем и неприятностей в прошлом году. Он просто не может себе позволить снова влипнуть. Вообще.

Моя спина напряглась:

— У него из-за Кейна могут быть неприятности?

Оливия посмотрела на меня, и ее широко распахнутые глаза смягчились.

— Надеюсь, что нет, но похоже на это, — она вздохнула. — Я первый раз вижу Кейна вживую, но Бракс мне очень много про него рассказывал. Бракс его ужасно любит, но... — Оливия улыбнулась. — Они оба росли на улице ужасной, просто невообразимой жизнью. Браксу удалось сбежать, а вот Кейну, к сожалению, нет, — она снова взглянула на братьев. — Кейн раньше не раз попадал в неприятности. Несметное количество раз. Он попал в криминальную группировку, связанную с наркотиками. — Оливия посмотрела на меня. — Бракс говорит, что Кейн скорее всего здесь за этим. Футбольный сезон и все такое.

— Он что, собирается учиться здесь? — спросила я встревоженно. — Или он здесь только из-за дела? — я посмотрела на Кейна и Бракса.

— Честно, я не знаю, — ответила Оливия. — Он поживет у Бракса некоторое время. Бракс постарается вразумить его. А ты прекрасно знаешь,

каким образом он вразумляет людей.

Я посмотрела на Оливию:

— Кейн опасен? — я снова посмотрела на парней. Кейн все так же спокойно стоял, в то время как Бракс нарезал круги, махал руками и качал головой. Кейн же просто наблюдал за братом.

— Я уверена, что сам по себе Кейн не опасен, — сказала Оливия. — Не пойми меня неправильно, он пережил не одну драку, так мне сказал Бракс, и Кейн может постоять за себя. Но я боюсь этой его “работы”. Это ведь не только незаконно, а еще и опасно, он спрашивал у Бракса про братство Каппы.

Братство Каппы? Я продолжила наблюдать за братьями, при этом задумавшись, пока у меня в мозгу не сформировалась идея.

А что если мне удастся изменить Кейна? Несмотря на то, что его поведение не было похоже на поведение плохого парня, ну, по крайней мере, его внешний вид не кричал об этом, как кричал вид Бракса. Тем не менее, если он рос на улице и теперь занимается нелегальным бизнесом, для меня он уже был плохим. Я могла бы украсть его у братства Каппы, и эта потеря будет для них существенной. А это очень сочеталось с тем парнем, которое было озвучено перед всеми Дельтами.

Должна ли я сделать это? Или правильнее сказать... могу ли я сделать это? Хватит ли у меня смелости и... терпения? Я еще раз посмотрела на брата Бракса.

Я определенно должна все это хорошенько обдумать.

2. Планы

К своему удивлению, я обнаружила, что мне сложно отвести взгляд от Кейна МакКарти, и еще больше была удивлена тем, как меня заинтриговала сама идея, что Кейн МакКарти может стать объектом для моего пари. Хотя, я все же продолжу поиски, на всякий случай, так сказать, вдруг мне подвернется экземпляр получше. Сделав глубокий вздох, я повернулась к Оливии:

— Ну, так что, Оливия, — весело сказала я. — Ты думала над моим предложением вступить в ряды Дельт?

Она покачала головой:

— Спасибо, Харпер. Я понимаю, что вы, девчонки, очень крутые, но ты знаешь, что я думаю обо всем этом.

Я кивнула:

— Понимаю, но я просто обязана была спросить. Ты стала бы феноменальным дополнением к нашему сестринству, мы рады будем тебя принять в любое время, если передумаешь.

— Передумаешь о чем?

Мои глаза метнулись к Браксу, который уже успел подбежать к нам. На нем была бейсболка Силвербэков с перевернутым козырьком и также белая футболка команды. Кофта с пуговицами была расстегнута. Взглянув через плечо, я увидела, что его сводный брат стоит, прислонившись к дубу, на том же месте, где они только что спорили. Руки были скрещены на груди, он смотрел в нашу сторону, прямо на нас. *Кейн МакКарти*. Мне казалось, что он смотрит прямоком на меня, внутрь меня.

— Харпер все еще пытается завербовать меня в их сестринство, — сказала Оливия.

Я повернулась, поразительные голубые глаза Бракса на испещренном шрамами лице изучали меня, в то время как его руки обернулись вокруг плеч Оливии. Он притянул ее ближе, поцеловал в висок, затем улыбнулся.

— Оооо да, удачи тебе с этим, милая. Грейси не ходит и не состоит ни в каких клубах, только если это не клубы Бракса, — он усмехнулся, его сильный бостонский акцент вместе с пронизательным взглядом, которым он изучал меня намного дольше, буквально заставили меня прирасти к тому месту, где я стояла. Я изо всех сил старалась не отводить взгляд. Иногда он смотрел на меня так, словно все знал. Знал все мои секреты, таким же взглядом на меня смотрела и Мерфи. Рот Бракса растянулся в

такой мягкой, дружеской улыбке, которая смягчила все его резкие черты.

— Красивый костюм.

Я посмотрела на свою одежду, затем снова на Бракса. Коринн Бель всегда настаивала на том, что для того, чтобы быть успешной, надо выглядеть соответственно и всегда одеваться со вкусом. А это значит — никаких джинсов, никаких футболок и треников. Только лучшая одежда. Перед началом каждого семестра Коринн специально для меня выбирала гардероб.

Более того, она *настаивала* на этом.

Я не противилась. Сейчас я не могла сказать, было ли это сарказмом или комплиментом, зная Бракса, скорее всего, и то, и другое одновременно, но я решила счесть это за комплимент.

— Спасибо, Бракс.

Он слегка кивнул, затем посмотрел на Оливию:

— Ты иди, — сказал он, поцеловав Оливию в нос. — А я хочу... — его взгляд быстро метнулся ко мне, затем обратно к Оливии, — ...прокатиться с братом. Увидимся позже?

— Конечно, — нежно ответила Оливия.

Внезапно я почувствовала себя лишней. Напряжение скатывалось с Бракса волнами, я прямо чувствовала это, неужели он так разозлился на Кейна? А я ведь уже видела Бракса Дженкинса в гневе, это было, мягко говоря, не очень красиво. Я посмотрела на часы, обхватывающие мое запястье элегантным кожаным ремешком.

— Мне... мне нужно идти, — сказала я быстро и улыбнулась Оливии. — Кстати, ты записалась на соревнования по бегу в субботу?

Оливия улыбнулась:

— Мы оба записались.

Я кивнула:

— Супер, спасибо. Увидимся там.

— О, Харпер, — окликнула меня Оливия, я повернулась к ней, она улыбалась во все лицо. — Я хотела спросить. Какие у тебя планы на День благодарения? Мы хотим пригласить тебя поехать с нами ко мне домой. У нас всегда просто тонны вкусной еды на День Благодарения.

У меня внутри все заледенело, но я успела повесить улыбку на лицо, хотя паника охватила меня.

— Ух ты, спасибо, Оливия, но... я еду домой, — я как-то слегка истерично рассмеялась. И моя ложь вышла такой же неправдоподобной. — Это будет грандиозная вечеринка Бель. В стиле Нормана Рокуэлла, ну, вы поняли, о чем я. Но спасибо за предложение.

Оливия кивнула:

— Если вдруг у тебя что-то поменяется, знай, что наше предложение в силе, Харпер.

Бракс поцеловал Оливию в висок и, пошевелив бровями, сказал:

— Она печет пирожки.

На этот раз мне было гораздо легче улыбнуться. Его любовь к ней буквально была осязаемой:

— Спасибо, Оливия, Бракс.

Я поспешила к библиотеке и на ступеньках повернулась и глянула на ребят через плечо. Парочка медленно шла по пешеходной дорожке, рука Бракса нежно обнимала Оливию, как будто защищая ее от всех опасностей внешнего мира, затем голова Бракса склонилась над ее ухом, они остановились прямо посреди дорожки, ведущей к Научному комплексу, и Бракс притянул Оливию к себе, прижался своими губами к ее губам и долго-долго целовал. Оливия подняла голову, улыбнулась Браксу, он улыбнулся в ответ, развернулся и побежал.

Я даже представить себе не могла, каким будет День Благодарения в мире Оливии. Я знала, что у нее большая семья и предполагала, что День Благодарения у них скорее всего похож на один из фильмов, которые очень часто смотрит Мерфи. Я проглотила вздох разочарования, пытаясь загнать День Благодарения, праздники и индейку подальше, затем повернулась, чтобы еще раз глянуть на брата Бракса.

Как оказалось, он смотрел на меня, прямо на меня. Я не могла сдвинуться с места, не могла отвести взгляд. Наконец, Бракс добежал до него, Кейн отвел взгляд, развернулся и пошел за братом.

Кейн МакКарти. Таинственно тихий и привлекательный. Дитя улицы. Приемный ребенок. Из Бостона. И вот он здесь, чтобы ставить ставки на время футбольного сезона, и одновременно играть. Не так уж много я знаю об этом человеке, а то, что я уже знала о нем, было слишком подозрительным и даже в какой-то степени пугающим. Но все же, к концу моих лекций я вдруг поняла, что думала о нем больше десяти раз точно. Это меня слегка отвлекало при попытках сконцентрироваться на лекции, которую читал профессор Сайзмор, по Династии Мин. Этот тихий, с легким акцентом голос и темные дымчатые глаза постоянно врываются в мои мысли. Все это подрывало мою концентрацию, как минимум. А потом еще эта улыбка...

— Эй, Харпер, — позвал знакомый голос позади меня. Я как раз выходила из аудитории, чтобы отправиться на встречу по ежегодным продажам Греческой выпечки, как Мерфи нагнала меня. Она

приноровилась к моему шагу, так как я боялась опоздать и темп не сбавила.

— Как насчет карри на ужин? — спросила она с сильным английским акцентом. — Я слышала, что открылся новый ресторанчик в Ковингтоне, — она толкнула меня локтем в бок, когда я косо глянула на нее. — Мне сказали, что это просто охрененое место. Я поведу.

Я улыбнулась и покачала головой, пока мы пробирались через толпу студентов Уинстона. Я уже выучила почти все словечки британского сленга и знала, что “охрененое” — это хорошо, хотя звучит оно чересчур грубо.

— Твое вождение пугает меня.

— Ха! Ты ведь прекрасно знаешь, что у меня было всего два нарушения после того, как я переехала сюда, мисс Бель. Мое умение водить просто легендарно, по-другому просто не скажешь.

Я рассмеялась.

— Хорошо, хорошо. Но я не могу, — я посмотрела на нее. — У меня встреча.

— После встречи, дурочка, — стала уговаривать меня Мерфи, и мы обе остановились, Мерфи посмотрела на меня. — Тебе нужно есть, Харпер.

Я раздумывала над приглашением Мерфи. На прошлой неделе я по крайней мере три раза отказалась от ее приглашений. Возможно, мне и вправду не мешало бы согласиться и поехать с ней, хотя бы ненадолго.

— Харпер? — она помахала рукой у меня перед глазами — Ээээй? Есть здесь кто-нибудь? Карри? Такое ароматное и вкусное.

Я улыбнулась:

— Ладно, ладно. Поедем после моей встречи. Ароматное карри.

Улыбка Мерфи была просто феноменальной.

— Круто! Замечательно, иди тогда, дорогуша. Заканчивай свою встречу поскорей, и я заберу тебя возле дома в...?

— Шесть, — закончила я за нее фразу.

— Тогда до встречи, — усмехнулась Мерфи.

С толпой студентов я направилась на встречу по продаже выпечки, и вот опять, мне было сложно концентрироваться на своих задачах. Может быть, это все потому, что информация, которую мне сообщали на встрече, была для меня не нова, продажа выпечки была стандартным Греческим сбором средств, а я провела таких уже несколько. Собранные деньги должны были помочь в финансировании праздника — общего для всех сестринств. Все сестринства, точнее большинство из них, принимали в этом участие. Это было официальное мероприятие, которое проводится каждый год, и каждое сестринство будет организовывать вечер,

посвященный одному блюду из пяти. В этом году это мероприятие будет сопровождаться свиданиями и дресс-кодом — платья и смокинги. Это было практически событие года. За последние три года практически все сестринства принимали в этом участие.

Может быть, я не могла сосредоточиться, потому что по какой-то странной причине Кейн МакКарти ни на минуту не покидал мои мысли. Да это просто смешно, ведь я видела его всего лишь раз, ну ладно, два раза, если считать ту встречу с Браксом. И тем не менее, мыслями я все время возвращалась к нему...

Но все же я поищу настоящего плохого парня для перевоспитания.

Мерфи уже ждала меня дома, когда я подъехала. Черные леггинсы, свободный свитер цвета слоновой кости и в завершении образа коричневые сапоги. Я пригладила свой пиджак и вышла из машины.

— Давай, давай, — поторопила меня Мерфи, садясь за руль своего белого Рейндж Ровера. Я покачала головой, пересекла парковку и села на пассажирское сиденье. Солнце уже село, и кампус погрузился в темноту, пока мы ехали по дороге, засаженной деревьями, напрямик к главным воротам. Я сама себе удивилась, когда вдруг поняла, что всматриваюсь в проходящих мимо людей, ища, конечно же, его, Кейна МакКарти. Я даже сама себе не могу ответить на простой вопрос — ПОЧЕМУ?

Мерфи включила свой любимый диск, чтобы заполнить тишину на время пути, начав со своей любимой британской группы “The Proclaimers”, с самой любимой песни Мерфи “I’m Gonna Be (500 Miles)”. Она включала эту композицию каждый раз, когда садилась за руль. Каждый раз. Честно говоря, я полюбила ее практически так же, как и Мерфи. Мы пели хором, пока песня не закончилась, Мерфи тут же переключила на начало, я улыбнулась и покачала головой.

Слова песни крутились в моей голове. Я представляла мужчину, который действительно сделает то, о чем поется в песне — пройдет тысячу миль, чтобы упасть у двери своей любимой. Может, это был отец, который шел много миль к своему ребенку или мужчина к своей любимой женщине. Все это было просто за гранью, я такого не могла представить в реальной жизни. Это практически мечта, фантазия.

“Карма” оказался небольшим ресторанчиком, расположившимся в небольшой рощице недалеко от шоссе, в черте города Ковингтон. Само здание выглядело как множество ресторанчиков сельской местности Техаса — прочно, как говорится, построенным на века. Когда-то здесь была шашлычная, “Карма”, которая теперь превратилась в индийский ресторан, но прочный внешний вид остался. Над входом висела новая

вывеска с большими красными буквами: “КАРМА”. Мерфи нашла место для парковки возле заднего входа и заглушила двигатель.

Она улыбнулась и сказала:

— Черт, я обожаю эту песню.

Я покачала головой, улыбнулась Мерфи в ответ и ответила:

— Да, я знаю.

— Ну что, пошли, — сказала она, выскакивая из машины. — Я очень голодна.

Я пошла за Мерфи, и мы вместе вошли внутрь. Сегодня четверг, было много народу и нам пришлось ждать, пока нас наконец не усадили за маленький столик у окна. Я глянула на улицу, как только мы сели за стол, всмотрелась в кроны колышущихся деревьев в лесу совсем рядом.

— Предупреждаю: я такая голодная, что готова съесть кого-нибудь, — сказала Мерфи, изучая меню. — О! Я буду супер острое карри, — подмигнула Мерфи, указывая пальцем на строчку в меню. — Здесь есть приписка о том, что это блюда нравится пироманам. Сегодня я буду дышать огнем. А что ты выбрала?

Я быстро просмотрела меню:

— “Гоби саг”^[1]. — Ужин обойдется мне меньше пяти долларов со студенческой картой.

Мерфи моргнула.

— И это все? Немного пряных овощей? — она посмотрела на меня, и ее взгляд смягчился. — Однажды я отвезу тебя к своей маме на тушеное мясо и традиционный йоркширский пудинг, — она улыбнулась. — Ты налопаешься до смерти, — она закрыла глаза. — О Боже, как бы я хотела съесть это все прямо здесь и сейчас.

Я тихонько рассмеялась.

— Звучит привлекательно. Когда-нибудь я припомню тебе эти слова.

Мы заказали еду и пока ждали, Мерфи наклонилась ближе и спросила:

— Я знаю, что спрашивала тебя вчера, но, может, уже появились какие-нибудь перспективы на горизонте?

Я кивнула:

— Вроде того.

Мерфи пискнула:

— Оооо! Рассказывай!

— Ну, — начала я, не желая рассказывать ей все то, что мне рассказала Оливия про Кейна, так что я решила утаить некоторые детали, особенно про наркотики. — У Бракса Дженкинса есть брат. Он из Бостона. Сводный

брат. Мне кажется, он здесь для того, чтобы крутить бизнес с Каппами.

Глаза Мерфи расширились:

— Какой еще бизнес? Подозрительный?

Я пожала плечами:

— Я не уверена, но думаю, что да.

Мерфи подавила рвущийся из нее визг:

— Расскажи мне все. Грязное и не очень. Потому что это, — она пошевелила бровями, — очень заманчиво. А ты прекрасно знаешь, как мне нравится все заманчивое.

— Да-да, — сказала я улыбаясь. — Все об этом знают, — я набрала побольше воздуха. — Случайно услышала, как Бракс говорит об этом Оливии, — я нахмурила брови. — И Бракс был от этого не в восторге. Совсем.

— Ну конечно, он ведь не хочет вляпаться в неприятности, — она посмотрела на меня, и ее глаза орехового цвета практически сверкали. — Ты кстати тоже.

Я подняла подбородок:

— Я не вляпаюсь ни в какие неприятности. И Бракс тоже. Или Кейн.

Мерфи потеряла подбородок:

— Расскажи, как вы с ним познакомились.

Вот и оно, то самое чувство загнанности, как будто меня застали врасплох, и я попала в ловушку, это чувство возникает у меня каждый раз, когда люди начинают задавать мне слишком много вопросов. Тем самым они, сами того не подозревая, заставляют меня врать. Я подавила в себе желание тут же встать и уйти.

— Ну, во-первых, он чисто случайно подошел ко мне спросить, как добраться до обсерватории. А потом он увидел, как я разговариваю с Браксом и Оливией, — я пожала плечами — Я... я заметила, как он смотрел на меня, пока Бракс бежал к нему.

— Это странно, милая, — одна каштановая бровь взмыла вверх. — Возможно, даже немножко с налетом маньячества, а у тебя совершенно точно съехала крыша с катушек, — она широко распахнула глаза. — И это чудесно, он прекрасно подходит, Харпер, — она улыбнулась. — Ты должна выбрать его.

Я наклонилась вперед:

— Я не хочу из-за этого попасть в неприятности, Мерфи. Я... я просто не могу, — строгое лицо моей бабушки мелькнуло передо мной. Напугало меня. Заставило меня вспомнить.

— Что ж, — продолжила Мерфи. — Если он сомнительный, с

непонятными секретными делишками с братством Каппы, в таком случае, я скажу тебе — выбери его, — она улыбнулась. — Ты сможешь, Харпер, все получится, — улыбка Чеширского кота вернулась на ее лицо. — Измени это чудовище, — она откинулась на спинку стула и посмотрела мне прямо в глаза. — Но я, наверное, не говорила бы об этом Оливии. Ну, ты понимаешь? Она ведь с Браксом, а он его брат, она может понять тебя не так или еще что похуже.

— Верно, — согласилась я.

Сразу же эта мысль прицепилась ко мне, ведь Оливия сама была пари Бракса, никому бы это не понравилось. Но я запрятала эту мысль как можно дальше, точно так же, как я делала со многими вещами. С глаз долой. В самый дальний уголок моей памяти, даже если мне придется приложить все усилия, чтобы ее туда запихнуть и не позволить вновь появиться. Никто этого не увидит и никогда не узнает.

* * *

После полудня следующего дня я снова встретила с Кейном МакКарти. Совершенно случайно, он вдруг просто оказался... здесь, на моем пути в библиотеку, он стоял и разговаривал с Клиффом Барнсом президентом братства “Каппа Пхи”. Когда я проходила мимо них, Кейн посмотрел на меня, и я никак не могла отвернуться в сторону, он будто заколдовал меня. Конечно, обмен взглядами был короток, гораздо короче, чем в первый раз, но и этого было достаточно, ведь в этот раз я знала про него гораздо больше. Детали его биографии, которые я пыталась забыть, тут же всплыли у меня в памяти. Темные радужки цвета кофе преследовали меня, казалось, что его глаза тлеют, тают на огне, и этот огонь проходит сквозь меня — так открыто он смотрел. У него была бледная, безупречная кожа, темные брови и ресницы, которые были слишком пушистыми для мужчины. Сильный подбородок и полные губы выглядели так, как будто их только что перенесли с мраморной, точеной статуи. Он был так прекрасен, что у меня закружилась голова. По крайней мере, таким его видела я. Так быстро, как только могла, я отвела взгляд.

* * *

К тому времени, как я закончила свои потуги подготовиться к тесту по искусству и вышла из библиотеки, сумерки уже покрыли ухоженную территорию кампуса. Ранний ноябрьский воздух коснулся моей щеки, проскальзывая сквозь листья. Прохладный ветерок срывал податливые листья с веток деревьев и кружил, как будто в вальсе, а затем опускался на землю, оставляя листья лежать в причудливой мозаике. Зная, что темнота вскоре поглотит все, я поспешила к кофейне, которая была открыта до полуночи. Внутри кафешка была заполнена студентами, которые ели и учились, повсюду были раскрытые ноутбуки, свет от мониторов освещал их лица и стоявшие рядом кружки с дымящимся кофе. Стоя в очереди, я как всегда взяла сэндвич с индейкой и бутылочку лимонада, пока я ждала кассира, сзади раздался голос:

— И это все?

Я подпрыгнула от неожиданности, развернулась и увидела Кейна. Мгновенно я вся окаменела. Он стоял и смотрел на меня сверху вниз, с руками в карманах, а его широкие плечи, так нависали надо мной, что мне казалось, будто он... загнал меня в угол. Мягкие, теплые глаза идеально подходили к его кожаной куртке.

— Эээ, да, — ответила, нерешительно улыбнувшись. — Думаю, я не очень голодна. — Что он вообще здесь делает? Я была застигнута врасплох, а этого чувства я старалась избегать всеми силами.

— Так, что здесь вкусного? — спросил он. Его бостонский акцент явно прослеживался, в его речи не хватало буквы “R”, прямо как у Бракса, вот только... мягче, тише. У него был такой голос, на который собеседник должен обратить пристальное внимание, иначе можно вообще не понять, о чем он говорит.

Я не могла поверить, что он разговаривает со мной. Пожала плечами, сделав вид, что он вообще ни капли не интересен и, подняв вверх свой сэндвич, сказала:

— Индейка?

Он ничего мне не ответил, просто взял три сэндвича из холодильника, его дымчатые глаза были прикованы ко мне, затем он наклонил голову ближе:

— Кейн МакКарти.

Я посмотрела ему в глаза, поразившись, как его голос захлестнул меня, накрыл теплой волной, от его голоса у меня закололо кожу. Я буквально заставляла себя дышать, ведь я не привыкла к таким ситуациям. Обычно парни не замораживают и не подходят ко мне, чтобы только познакомиться. Я в этом убедилась. Но препираться с Кейном не стала. Я

имею в виду, в конце-то концов, Кейн был моим потенциальным парнем для реформы. Ведь так? Слова Мерфи так ясно прогремели в моей голове, как будто она стояла у меня за спиной: *Измени это чудовище!* Я продолжала дышать, затем улыбнулась и ответила:

— Харпер Бель.

И вот опять, его взгляд смягчился, и когда мы подошли к кассе, он кивнул кассирше и склонил голову в мою сторону. Прежде чем я успела сказать хоть слово, кассирша пробила наши заказы вместе, и Кейн протянул ей двадцатку.

Я смущенно на него посмотрела:

— Ой, нет, все в порядке, я заплачу сама, ты не должен...

Кейн посмотрел мне прямо в глаза:

— Нет, — тихо ответил он. — Я должен.

3. Избранник

— Спасибо, — сказала я и испуганно огляделась, чтобы удостовериться, что жест Кейна остался незамеченным. Насколько я могла судить, никто не заметил, кроме кассирши, которая резко на меня взглянула. Что, черт возьми, Кейн МакКарти хочет от меня? Я сжимала в руке купюру в пять долларов, несмотря на то, что сэндвич и лимонад стоят всего лишь три, чек за все лежал поверх сандвичей Кейна. — Но я не нуждаюсь в благотворительности, особенно от незнакомцев, — быстро развернувшись, я направилась на выход. И уже дошла до двери, когда его большая рука открыла дверь, пропуская меня вперед, я молча вышла на улицу, он пошел за мной.

— Мы не незнакомцы.

Я совершила ошибку, посмотрев ему прямо в глаза. Ведь я не должна была этого делать, мне нужно было просто идти вперед, но я этого не сделала. Его полные ярости глаза вспыхнули, и он посмотрел прямо на меня, как будто мы могли разговаривать без слов, одними лишь переглядками. Но мы просто... просто стояли и смотрели друг на друга. Раньше я ни на кого так не реагировала. Никогда. Ни на кого. Карие глубины его радужки казались бездонными, возможно, скрывающими тайны, прямо как и мои собственные глаза.

Я кашлянула, перевела взгляд на тротуар у себя под ногами и направилась в сторону кампуса. Сумерки быстро опускались, принося с собой темноту.

— Конечно же, незнакомцы, — сказала я.

— Мы встречались раньше, — продолжил он тихим, ровным голосом. — Ты показывала мне дорогу до обсерватории и.... — я снова посмотрела на него, и его губы дернулись. — Ты дружишь с моим братом и его девушкой, — он мотнул головой в сторону кафе. — Я представился тебе там и ты тоже, — он наклонил голову, чтобы посмотреть на меня, и его губ коснулась улыбка. — Все. Мы больше не незнакомцы.

Я пошла быстрее, пересекая парковку в неподобающем месте, лишь бы быстрее добраться до своего “Лексуса”. Я взглянула на него и сказала:

— Ладно, мы знакомы. Но я все же не привыкла принимать подачки, даже от друзей, — я смотрела ему в глаза. — Я не люблю быть кому-то должной. Кроме того, мы знакомы всего-то десять минут.

Он рассмеялся:

— Подачки? Я ведь просто... — он вздохнул. — А, неважно. Почему ты так торопишься?

— Я опаздываю на собрание, — соврала я и как всегда в таких случаях почувствовала себя загнанной в угол. Готовой сорваться с места и побежать, что есть сил. Кожу стало покалывать, я уже собралась бежать.

Дыши, Харпер. Просто дыши. Не впускай их. Не дай им себя найти.

Он просто никто.

Еще один глубокий вдох, незаметный для него, и мне удалось стряхнуть с себя ощущение надвигающейся на меня угрозы — замешательство, прорехи в памяти. Коринн Бель называет это *неестественным поведением*. У меня уже давно этого не случалось. Но в течение нескольких секунд Кейну МакКарти практически удалось вызвать эти чувства во мне. Я старалась дышать медленно, контролируя каждый вдох и выдох. Пытаясь сконцентрироваться на *настоящем*. Запихивая изо всех сил то безумие, которое назревало внутри меня и грозило вырваться наружу. Я остановилась возле своей машины, достала ключи и нажала на кнопку открытия дверей. Кейн стоял рядом.

— Было очень приятно встретится с тобой, — сказала я тихо. Я почти что забыла все свои манеры, поэтому быстро натянула на лицо до боли отрепетированную, счастливую улыбку. — Добро пожаловать в Уинстон, Кейн МакКарти.

Когда я села в машину и закрыла дверцу своего “Лексуса”, Кейн отошел в сторонку и молча наблюдал за мной. Странно, но я смотрела на него так, как будто мои глаза были специально сделаны для того, чтобы смотреть на него, как будто им было плевать на то состояние, в которое ввел меня Кейн. Это была ошибка. Не *припадок неестественного поведения*, а какая-то другая... ошибка. Незнакомая, шокирующая. Глаза цвета кофе впивались в меня, настойчиво, медленно, и было здесь что-то еще, что я не могла определить. Не хотела определять. Затем небольшое движение, он уже приподнял уголки губ и вдруг его лицо стало каким-то удивленным — или даже заинтересованным — он кивнул мне, тем самым попрощавшись. Я быстро переключила передачу, проехала мимо него и, надавив на газ, погнала прочь.

Пока ехала по узким улочкам Уинстона, я наконец позволила себе выдохнуть. Наедине с собой я чувствовала себя в безопасности, ведь мне не нужно было ничего скрывать или, что еще хуже, врать кому бы то ни было, за исключением, разве что, себя самой.

Кейн МакКарти. С чего вдруг он заинтересовался мной? Почему он так на меня смотрел? Почему рядом с ним я так нервничала? Все это было

так глупо, правда. Я имею в виду, ведь это я хотела использовать его для пари. Тогда почему я позволила ему вызвать во мне такую реакцию? Он ведь не преследует меня? Это я должна его преследовать. Ох, это вообще все бессмысленно. Вообще. Бессмысленно.

Возле главных ворот на выезде было несколько машин, мне пришлось ждать, пока все они проедут. Как только я выехала за ворота, педаль газа была выжата до предела, я направилась к месту, которое часто посещала. Моему любимому месту. Оно принадлежало только мне. Если потороплюсь, то успею прежде, чем станет очень темно.

Я достигла города Ковингтона, сразу же повернула вправо, вниз по дороге, по обеим сторонам которой росли дубы. Уличные фонари бросали мутные отсветы на дорогу, и вот наконец с левой стороны показался вход в Ардслей-парк. Небольшое, созданное человеком озеро, с беговой дорожкой по периметру и зонами для пикника, в которых по выходным собирались целыми семьями. Не у многих студентов Уинстона была возможность поехать на озеро в прекрасном парке. И вот именно поэтому я сюда приезжала.

Въехав на территорию парка, добралась до своего обычного места и припарковалась. Взяв с пассажирского сиденья сэндвич с индейкой и лимонад, я вышла из машины и направилась к своей любимой скамейке у кромки озера.

Смахнув уже успевшую осесть на лавке вечернюю росу салфеткой из кафе, я села, аккуратно раскрыла сэндвич и принялась его есть. Маленькие птички щебетали и чирикали на деревьях у меня над головой, солнце уже окончательно скрылось, оставив за собой неясный, почти размытый серый туман. Загадочное покрывало, которое окутало все вокруг, готовилось принять всепоглощающую тьму. Я наблюдала за парой, которая бежала по дорожке, едва освещенной лампой от фонаря, время от времени они ударялись плечами, перегоняли друг друга.

Это именно то, чем занимаются нормальные люди? Шутят? Балуются? Любят?

Кейн снова ворвался в мои мысли, но как только его карие глаза и приятный голос возникли в моем воображении, моя бабушка отпихнула их обратно. Я крепко зажмурила глаза, изо всех сил пытаюсь прогнать ее обратно в дальний уголок, туда, где она не причиняет мне вреда. Но ей удалось прорваться. Как всегда.

— Что ты здесь делаешь?

Я стояла на коленках возле мусорного ведра у входа в кухню. Я нашла свой рюкзак, который она выбросила. Я копалась в рюкзаке, и моя рука с

зажатой фотографией, единственной фотографией моих родителей, замерла.

— Отвечай!

Я вскочила с колен, при этом сжав фотографию в комок.

— Ни-ничего, — ответила я, заикаясь.

— Сейчас же достань руку из рюкзака.

Меня начало трясти, когда я стала медленно вытаскивать руку. Подняла глаза, умоляя Коринн Бель.

— Пожалуйста, можно я ее себе оставляю? Я спрячу ее в своем...

Широко улыбнувшись Коринн Бель схватила меня за руку и сильно дернула.

— Ты не оставишь ее. Ты уже забыла то, что я говорила тебе всего час назад? — она наклонилась ближе, так, что я смогла рассмотреть каждую морщину на ее бледном, напудренном лице. — Ты больше не существуешь, так же, как и они! — она выхватила фотографию из моей руки. — А теперь иди.

Но она не отпустила меня, вместо этого потянув за собой в дом, через кухню, мимо кладовой в коридор. В очаге бушевало пламя. Коринн Бель засунула фотографию обратно мне в руку.

— Посмотри на фотографию в последний раз, — сказала она. — А затем брось в огонь.

Слезы застилали глаза, когда я посмотрела ей в лицо — жестокое, старое, злое, наполненное ненавистью.

— Быстро! — проорала она.

Медленно, я отвела глаза и сквозь слезы посмотрела на фотографию. Она выглядела неважно: уголок был оторван, родители получились здесь расплывчатыми, но я все равно могла рассмотреть их, здесь они были молодыми, еще до... до того, как начались проблемы, до того, как появилась я...

— Бросай ее в огонь! — практически завизжала Коринн Бель. — Немедленно!

Я бросила на фото последний взгляд, в надежде сохранить в памяти лицо моей матери, улыбку моего отца, затем позволила огню сожрать ее, с шипением фотография превратилась в пепел за считанные секунды.

Коринн схватила меня за плечи и развернула лицом к себе. Своей костлявой рукой она взяла меня за подбородок, заставляя посмотреть ей в глаза:

— Ты больше не Харпер Льюис. Харпер Льюис мертва. Твои родители мертвы. Эта жизнь мертва, — она встряхнула меня. — Ты слышишь?

У меня расширились глаза, и я кивнула.

— Никогда больше не позволяй себе слушаться меня, девочка. Никогда! Я слежу за тобой. Ты поняла меня? Если не мои собственные глаза следят, следят чьи-то другие. Серьезные последствия будут ждать тебя, если ты вдруг решишь слушаться меня еще раз. Ты знаешь, что это значит?

Я не была уверена, потому покачала головой.

Лицо Коринн напряглось:

— Ты будешь дорого платить за любую ошибку, которую совершишь. Твой дедушка настоял не бить ее в детстве, и посмотри-ка, что из этого вышло, где она оказалась? В могиле! — ее рот превратился в тонкую нитку. — В Библии говорится: “Пожалеешь розги — испортишь ребенка”, я обещаю тебе, Харпер, ты не закончишь так, как твои родители. Как жалкие, бесполезные наркоманы, которые сбегают и занимаются сексом в шестнадцать лет. Грешники! Ты не превратишься в свою неблагодарную, эгоистичную мать. Ты не запятнаешь доброе имя семьи Бель.

У меня участилось дыхание, как будто оно делало все, чтобы сохранить жизнь в моем теле. Возможно, я умирала, как сказала Коринн, возможно, я уже умерла. У меня сдавило грудь, но я не посмела отвести взгляд. Большинство из того, что она сказала, было мне непонятно, но я не осмелилась спросить.

— Теперь пошли со мной, — сказала она и снова дернула меня за руку. — Я очень надеюсь, что ты не собираешься запоминать все правила по-плохому, но я уверена, что и через такое нам придется пройти, — она посмотрела на меня сверху вниз. — Есть куча способов как наказать ребенка, при этом не оставляя следов, и сейчас ты узнаешь, что будет с тобой всякий раз, когда ты посмеешь меня слушаться.

Паника охватила меня, и я стала дышать очень быстро:

— Нет, пожалуйста, — умоляла я. — Простите! Я больше так не буду, не буду! — я даже не знала, что за наказание меня ждет, только знала, что боюсь ее.

— Верно. Больше ты не будешь.

Мы направлялись вверх по лестнице, на третий этаж. Свет был выключен, лишь маленький тусклый светильник был прикреплен к стене посреди коридора. Из-за светильника передо мной возникали причудливые большие тени. Куда она меня ведет? У меня ускорило дыхание и сердце едва ли не выскакивало из груди.

В конце коридора была узкая, толстая дверь с черной железной ручкой. Мы остановились именно возле этой двери, и Коринн Бель встала

за моей спиной:

— Снимай свою чистую, новую одежду, это красивое платье, которое я купила специально для тебя и давай сюда.

Ошеломленная, я ничего не могла сделать, кроме как стоять и смотреть на нее с широко распахнутыми от удивления глазами. Я ничего не могла сказать, не могла двинуться с места, я просто примерзла к полу. Я не хотела отдавать ей одежду.

— Сейчас же! — проорала она.

Медленно, очень медленно, я сняла свое новое платье сливового цвета через голову и передала его Коринн, затем блестящие черные туфли. Я скрестила руки на голой груди.

Наклонившись, Коринн Бель открыла дверь:

— Отсутствие одежды делает нас уязвимыми, это унижает, заставляет почувствовать себя никем. Теперь заходи и подумай о том, что ты сделала, и моли Бога о прощении.

Я застыла. Внутри небольшой комнаты было очень темно. Чернее черноты, я ничего не видела, вообще ничего.

Ее костлявая рука наклонила мою голову вниз и подтолкнула вперед:

— Заходи. Заходи внутрь, немедленно!

С трудом дыша, я прошла в маленькую комнату, которая на самом деле была шкафом. За мной захлопнулась дверь, и в замочной скважине повернулся ключ. Лишь только тоненький луч света проникал в шкаф из маленькой щелочки внизу.

— Не вздумай кричать, Харпер. Не зови на помощь и не реви, — сквозь маленькую трещину я видела, как ее тень перемещается, как будто надвигается на меня, проникает внутрь шкафа. — Ты не издашь ни звука, а если я услышу хоть что-нибудь, то твое наказание будет в два раза дольше.

Цокот ее удаляющихся каблуков по полу резко звучал у меня в голове. Мне хотелось кричать, но она предупредила меня не делать этого, я не хотела, чтобы она оставляла меня здесь, не хотела, чтобы она возвращалась, я просто, просто хотела... хотела исчезнуть. Я крепко обняла себя за плечи и забилась в угол, заплакав так тихо, как только могла. Мне было больно дышать, все тяжелее и тяжелее было выталкивать воздух, но дышала я быстро-быстро, пока у меня не закружилась голова...

— Милая, ты в порядке?

Я вскочила от неожиданности, голос этого незнакомца вытянул меня тех ужасных воспоминаний и вернул к реальности. Я тяжело дышала,

сердце выпрыгивало из груди. Ночь уже полностью опустилась на землю, пока я тонула в воспоминаниях прошлого. Я постаралась как можно быстрее вернуться к реальности — собралась, прокашлялась, улыбнулась и посмотрела на пару, которая смотрела на меня с тревогой:

— Да, да, — поспешно сказала я. — Со мной все в порядке. Это просто аллергия. Она всегда атакует меня в это время года.

Мужчина, приблизительно лет тридцати, мягко мне улыбнулся:

— Хорошо, я просто решил спросить, — затем он потянулся к руке девушки, которая была с ним, красивая, с длинным хвостом каштанового цвета, и они вместе побежали дальше.

Некоторое время я смотрела им вслед, пока они практически сделали круг вокруг озера и уже приближались ко мне. Прежде чем они успели до меня добежать, я встала, выбросила обертку от сэндвича и пустую бутылку от лимонада в стоявшую рядом мусорку и поспешила к машине. Было уже очень темно, и я чувствовала, как на меня накатывают волны тревоги. Я практически никогда не оставалась одна с наступлением темноты, со мной всегда кто-то был рядом.

Вернувшись на территорию кампуса, я припарковалась у здания Дельт закрыла машину и, как только вошла внутрь и прошла через общую комнату, меня остановила Мерфи. Я с трудом избавилась от кошмара, который испытала в парке.

— Угадай, кто выбрал себе подопечного? — сказала Мерфи с блестящими от озорства глазами.

— Ты нашла жертву? — спросила я.

— Это так клево, — продолжила Мерфи, заправляя прядь волос за ухо. — Всего через несколько часов после нашего разговора, я не только нашла жертву, но и успела с ним поговорить, он согласился встретиться со мной завтра в “МакЭлви”, чтобы вместе выпить.

Меня распирало любопытство.

— Кто он?

Улыбка Гринча расплылась по лицу Мерфи, медленно, очень медленно она сказала:

— Джош Коллинз.

Мои брови поползли вверх:

— Я думала, что он встречается с кем-то.

— Он уже свободен, только-только после разрыва, — позлорадствовала Мерфи. — Кроме того, она, похоже, была слегка “ку-ку”, так что хорошо, что они расстались. Она его не стоит, — Мерфи вскинула руку перед собой, изображая дрейфующую рыбу. — Я не трачу время зря,

детка. Я уже в игре, — она пихнула меня локтем в бок. — Круто, правда?

Я не смогла сдержать улыбку:

— Конечно! Ведь он спец по всем Хеллоуинским вечеринкам в братстве Капп. Мерфи, не делай ничего, а то отупеешь.

Ее глаза расширились от насмешливого ужаса.

— Это уж слишком, Харпер, — она улыбнулась. — Я бы не рискнула. А как твои успехи? Ты наконец определилась?

— Нет, я все еще думаю.

— Ты определенно должна выбрать его, детка. Он просто идеальный, — сказала она.

Я покачала головой и ответила:

— Увидимся утром, Мерфи.

— Эй, куда ты так спешишь? — она кивнула в сторону камина, где сидели девушки с открытыми книгами и занимались.

— Мне нужно подготовиться к тесту, — ответила я и посмотрела в сторону лестницы. — Ты же знаешь, что я всегда занимаюсь одна и в тишине.

Несколько секунд Мерфи смотрела мне в глаза:

— Да, я знаю. И кстати, — не отставала Мерфи. — Ты поедешь домой на каникулы? Или все же предпочтешь провести каникулы со мной и моей семьей в не традиционном британском стиле? — она дотронулась до кончика моего носа своим длинным, тонким пальцем. — Жаркое и йоркширский пудинг зовут тебя.

Я улыбнулась.

— Спасибо, Мерфи, спасибо за предложение, я ценю. Но ты же знаешь, что мое семейство всегда закатывает большую... огромную вечеринку на каникулах, и я должна, нет, просто обязана, быть там. — Я рассмеялась тихонько, и мой смех прозвучал торжествующе. Но торжество было фальшивым, и только я об этом знала. — Гигантское празднование семьи Бель.

Мерфи кивнула, но взгляд не отвела.

— Да не за что, — она взяла меня за плечи и развернула в сторону лестницы. — А теперь шагай наверх и займись долбежкой. Не хочу, чтобы у тебя было что-то меньше “А”.

Я улыбнулась. “Долбежка” означает учиться усердно и заучивать что-либо, это то, чем она сама никогда не занималась.

— Спасибо. И поздравляю еще раз с выбором жертвы, ты молодец. — Я поднялась по лестнице, зашла в комнату, закрыла дверь, крепко зажмурилась и глубоко вдохнула. Кошмар, привидевшийся мне в парке,

просто иссушил меня. Кэйн по какой-то причине занимал все мои мысли. А теперь еще впереди замаячили День Благодарения и Рождество. Каждый год происходило одно и то же. Так много предложений поехать домой и отметить праздники в кругу семьи Оливии и Мерфи.

Но каждый год я отказывалась. Они каждый год зовут, а я каждый год отказываюсь.

На полу лежало несколько конвертов. Моя почта. Я положила конверты на прикроватный столик и, сняв наконец костюм, аккуратно повесила его на вешалку. С полки взяла расческу, причесала волосы и собрала их в хвост, затем влезла в свежестыранную пижаму, которая после стирки все еще пахла лавандой, вышла в коридор и направилась в общую ванную, которая, слава Богу, оказалась пустой, и пока я проделывала свои вечерние ваннные процедуры, так никто и не вошел. Я вернулась в свою комнату, заперла дверь и забралась в постель. Никаких учебников. Никакой зубрежки. По крайней мере, не сегодня.

Свет я не выключала. Я никогда его не выключаю.

Вскоре, под смех носящихся по лестнице девочек, мои веки потяжелели, и я уснула.

В тот момент, когда мои глаза распахнулись следующим утром, Кейн МакКарти был здесь. В моей голове. За моими веками, прямо как фотография. На часах пять тридцать утра. Что он делает в моих мыслях в такую рань? Я взяла с прикроватного столика книгу *“Чувство и Чувствительность”*, которую купила в букинистическом магазине в Ковингтоне, и начала читать. Я читала ее десятки раз, но это не имело абсолютно никакого значения. Джейн Остин была женщиной, которой я восхищалась, я любила все ее книги. Коринн Бель настояла, чтобы я прочитала все романы Джейн Остин в детстве, поклявшись при этом, что это сделает меня всесторонне развитой. Она и представить себе не могла, что мне эти книги действительно понравятся. *“Чувство и Чувствительность”* и *“Эмма”* были моими любимыми, обе эти книги я читала и перечитывала по несколько раз. Глубокие слова Остин, казалось, оставались со мной в течение нескольких дней подряд, даже после того, как книга была закрыта и прочитана.

Выскользнув из постели, я как обычно занялась йогой, растяжкой и приседаниями. Затем, пока никто не проснулся, вытащила из-под кровати кроссовки, спортивные леггинсы и легкую кофточку, чтобы заняться еще одним любимым занятием — бегом. Это была еще одна вещь, которую Коринн Бель наверняка бы не одобрила, я скрывала от нее свою любовь к бегу. Когда я вышла на улицу, холодное ноябрьское утро приветствовало

меня вместе со все еще темным небом. Я пошла сразу на парковку, бегать по кампусу я не осмеливалась, а вот парк для бега подходил просто идеально. Доехав до парка, я вышла из машины, сделала еще несколько упражнений для растяжки и, наконец, начала свою утреннюю пробежку. Вначале я бежала медленно, постепенно набирая темп, упиваясь легким покалыванием в мышцах, широким шагом, болью в легких. Бег — единственное, что заставляло меня чувствовать себя живой, чувствовать себя собой. Точнее, той, что от меня осталась.

В парке больше никого не было — только я, дорожка и пруд. Неизбежно, мои мысли снова вернулись к паре дымчато-карих глаз и безупречной коже, спутанной шевелюре. Мне пришлось потрясти головой, чтобы избавиться от мыслей о Кейне МакКарти.

Почему он так беспокоит меня? Разве он не идеальный кандидат для пари? Мерфи думает, что Кейн просто идеально подходит. Я побежала быстрее, как будто пытаюсь увеличить расстояние между нами, и к тому времени, как мне это практически удалось, начало рассветать. Мои легкие просто горели, я сложилась пополам, взялась за колени и вдыхала ледяной воздух. Пот струился по шее, холодный ветер обдувал меня, пока я стояла и дышала...

— Убегаешь от чего-то?

На секунду у меня перехватило дыхание, я подскочила от неожиданности. Кейн стоял у дерева, которое было ближе всего к скамейке, где я вчера сидела.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я удивленно — Ты что преследуешь меня?

Он молча смотрел на меня несколько секунд, затем ответил:

— Да, думаю, да.

Уже почти рассвело, несколько человек начали свою утреннюю пробежку — я была не одна. Несмотря на то, что он меня немного пугал, я все равно спросила:

— Почему?

Кейн, должно быть, почувствовал мое беспокойство, потому не двинулся и продолжал стоять возле дуба, затем пожал плечами и ответил:

— Я был на улице, увидел, как ты выходишь. Думаю, я просто хотел узнать, куда ты направляешься в такую рань, — он изучил меня с головы до пят, затем поднял одну бровь. Я совершенно утратила дар речи, потому просто ждала, что он скажет дальше. — Почему ты отъехала двенадцать миль от кампуса для того, чтобы просто побегать?

И вот снова это чувство. Чувство загнанности, шок, ступор. Я

ненавижу вопросы, а Кейн МакКарти задавал их без остановки.

— Это тебя не касается, — я набрала воздуха, заставляя адреналин, бушующий внутри меня, утихомириться. — И, честно говоря, мне кажется, что это довольно-таки странно — преследовать незнакомца, тем более девушку.

И вот снова — эта медленная, легкая улыбка.

— Опять ты заладила про незнакомцев. Я же тебе вчера сказал, что мы больше не незнакомцы, — он неподвижно стоял возле дерева, со скрещенными на груди руками, так что из-под кожаной куртки виднелась черная майка. Он буравил меня взглядом. — А здесь вообще безопасно? Безопасно находиться такой девушке? — он все еще смотрел на меня, не сводя глаз. — Одной?

Я вытерла пот со лба и направилась к машине:

— Что значит “такой девушке”?

Кейн оттолкнулся от дерева и пошел за мной, пожал плечами и ответил:

— Такой маленькой. Ты легкая мишень, — он потер подбородок. — Пай-девочка. Красивая.

Его слова застали меня врасплох и одновременно разозлили.

— Так что, по-твоему, нападают только на маленьких, красивых девушек? Я так не думаю. Кроме того, я могу за себя постоять. И да, здесь безопасно, — я наклонила голову. — Заместитель шерифа Ковингтона бегают здесь каждое утро до рассвета, — я посмотрела вокруг и увидела шерифа на противоположном берегу озера. У кромки, пожилая женщина кормила уток. Совершенно безопасно.

Когда я была у машины, он догнал меня.

— Я не пытаюсь напугать тебя, — сказал он тихо, стоя так близко ко мне, что я даже почувствовала запах мыла. — Я просто... не хочу, чтобы тебя обидели.

Я открыла машину, села и прежде чем успела закрыть дверь, Кейн уже был тут, он легонько придержал ее, и когда я посмотрела на него тревожным или даже удивленным взглядом, он уже смотрел на меня в ответ, черты его лица были такими нежными, мягкими, полные губы просто пленили меня, прогоняя страх, скопившийся внутри. Это было очень странное ощущение. Бодрящее и в то же время пугающее.

— Все девушки потенциальные цели, Харпер, — в его глазах мелькнуло торжество. — Просто ты красивая, и иногда это ставит тебя в более рискованную позицию, — он отпустил дверцу моей машины и добавил. — Будь осторожна.

Я не знала, что сказать, сглотнула и снова почувствовала то самое чувство загнутой шеи, затем кивнула и ответила:

— Конечно, спасибо, — затем закрыла дверцу, и он отошел в сторону.

Заведя двигатель и развернувшись, я снова взглянула на него, он мне улыбнулся.

И вот опять, от такого рода мужской красоты в глазах рябит.

Я дала задний ход, и он махнул мне рукой, давая понять, чтобы я дальше не ехала, кивнув, переключила передачу и поехала вперед. Перед тем как выехать из парка, я посмотрела в зеркало заднего вида. Кейн стоял, засунув руки в карманы, ноги широко расставлены. Только когда я проехала мимо старого пикапа, припаркованного у самого входа, я задумалась о том, как Кейн сюда добрался. Интересно, это его машина? Скорее всего, да.

Тревога покинула меня сразу же, как только я выехала на трассу, но мысли в моей голове просто свирепствовали, и ни на секунду не успокоились, пока я ехала в Уинстон. В течение двух дней Кейн МакКарти не только без приглашения вошел в мою жизнь, но и узнал один из моих секретов: что я проезжаю двенадцать миль для того, чтобы побегать в парке. Я была уверена, он подозревает, что я не просто так туда езжу, также я уверена, что он будет задавать вопросы. Но так или иначе, я чувствовала, что он оставит мой секрет при себе и никому не скажет.

А вот почему я так решила, не имею ни малейшего понятия. Он был моей полной противоположностью, дальше уже просто некуда. Он не был обычным парнем, который не должен был даже отдаленно проявлять интерес ко мне. Именно это заставило меня остановиться и задуматься.

Позже днем, когда я торопилась на пару по математическому анализу, я заметила впереди себя Оливию и Бракса. Почти нагнав их, я осмотрелась по сторонам, но Кейна нигде не было. До меня долетели слова Бракса:

— Грейси, он снова занялся своими делишками, — сказал Бракс, — прямо в доме братства Капп. Богом клянусь, мне кажется, если его поймают, мне тоже достанется.

Я почувствовала, как побежали по телу мурашки, когда до меня дошел смысл его слов. Занимается делишками? В доме братства?

— Бракс, ты ведь не сторож для своего брата, — попыталась утешить его Оливия. — Ты не виноват в том, что он делает.

— Он мой гребанный брат, Грейси. Черт, да, но просто упрямый, как бык! — Бракс провел рукой по голове, затем потер шею и так резко остановился, что я врезалась прямоком в него.

— О! — выдохнула я. — Бракс, прости меня... я так спешила, что совершенно не заметила тебя!

Его невероятные голубые глаза посмотрели на меня, он усмехнулся и сказал:

— Все в порядке, коротышка. Ты в норме?

— Да, конечно, все хорошо, — ответила я. — Оливия, привет!

Она так тепло мне улыбнулась, от ее улыбки мне всегда становится лучше, только она действует на меня таким образом:

— Привет! Мы собираемся заглянуть в пиццерию, пойдем с нами?

— О, — ответила я, переложив портфель из одной руки в другую. — Спасибо за приглашение, но я не могу, бегу на тест.

Оливия кивнула:

— Ну что ж, тогда в следующий раз?

Я выдавила из себя улыбку:

— Конечно!

Бракс обнял Оливию и подмигнул мне поверх ее головы:

— Увидимся, Харпер.

Я улыбнулась. Лицо Бракса было полностью расслаблено, беспокойства как не бывало, вопрос тут же возник у меня в голове: сколько же хлопот приносит Кейн? Я не так уж много знаю об азартных играх, но могу сказать совершенно точно, что Бракс очень серьезно к этому относится.

— Пока, ребята, — несколько минут я смотрела им вслед, как они идут обнявшись, как Бракс притягивает Оливию к себе, отбрасывает ее кошу с плеча и целует в шею, как Оливия отстраняется и визжит. Моя рука тут же метнулась к моей собственной шее, я задумалась, насколько это может быть щекотно, когда тебя целуют в шею.

— Это так романтично, правда? — Я подпрыгнула от неожиданности, Мерфи сказала мне это прямо на ухо, показывая на удаляющихся Оливию и Бракса. От ее дыхания у меня шевелились волосы. — Черт, у него такой соблазнительный зад, — она посмотрела мне в глаза. — Чертовски привлекательный. Правда ведь?

Мерфи была одной из немногих, кто мог заставить меня по-настоящему улыбнуться, как сейчас. Я покачала головой, а она все еще продолжала пялиться на Бракса:

— Ты бессовестная!

Она легонько боднула меня головой.

— Да, это одно из моих любимых качеств. А ты не опаздываешь на тест?

— Вот блин! — выдохнула я и побежала на пару.

Всю дорогу до аудитории, лавируя в толпе между спешащими

студентами, я думала. Извилины шевелились в моём мозгу. Кейн МакКарти занимался своими грязными делишками прямо в доме Капп, а ведь по нему не скажешь, что он мошенник или бандит, ну если только не считать затуманенный взгляд и кожаную куртку, вообще он был больше похож на шероховатое, острое здание архитектора Аберкромби, независимое. Тем не менее, он делает незаконные вещи. Вещи, которые презирает Бракс. Из-за которых он может попасть в серьезные неприятности, и Бракс, скорее всего, тоже.

Кейну МакКарти нужна встряска.

Он просто нуждается в переделке.

И к тому времени как профессор закончил лекцию, предупредив о переносе теста, я приняла решение.

Я нашла подходящую кандидатуру. На самом деле, выбрав Кейна, я оказывала большую услугу не только Браксу, но и самому Кейну. Просто двойной выигрыш, если мне все удастся, и я одержу победу, братство Каппы проиграет.

Вполне возможно, я сошла с ума.

Пока я собирала со стола вещи и аккуратно складывала их в свой кожаный портфель, тысячи идей и вариантов крутились у меня в голове. Я не могла отрицать, что в Кейне было что-то притягательное. Он был красив, дико красив. Я была напряжена, мне казалось, что я — не я, чувства страха и уязвимости не покидали меня.

Впервые в жизни, я решила сделать что-то, несмотря на все чувства, борющиеся внутри меня. Несмотря на предупреждения.

Кроме того, это ведь переделка, переделка к лучшему. Никакого вреда она никому не причинит, даже наоборот — спасет не только Кейна, но и Бракса от возможной угрозы. Из всех людей на земле Бракс уж точно не заслужил всего этого — попасть в передрыгу из-за непутевого брата.

Так для всех будет лучше, ведь правда? Оливия, Марси и любая другая девушка, которая пострадала от дурацких пари братства Каппы, будет отомщена. Братство Каппы лишится Кейна. И, очень на это надеюсь, получит хороший урок.

И, может быть, мы положим конец дурацким пари братства Каппы.

4. Увлечение

И вот опять я стояла перед своими сестрами в общей комнате на неофициальной, незапланированной встрече. Я подняла подбородок и сказала:

— Итак, наше собственное пари с этого момента официально началось.

Девушки легонько захлопали в ладоши.

Вначале я посмотрела на Мерфи.

— Мерфи Полк каким-то образом удалось заполучить Джоша Колинза.

— Успехов тебе в его исправлении, Мерф, — прокомментировала Марджи. — Он такой самовлюбленный.

— Да, Мерфи, тебе придется потрудиться.

Мерфи поднялась с дивана, поправив при этом свою красную клетчатую пижаму. Затем грациозно повернулась, на ее попе красовалось вышитое слово “КОРОЛЕВА”. Она показала на него пальцем и сказала:

— Лишь это слово заставляет меня носить эти жуткие шаровары, — Мерфи заискивающе улыбнулась и вытянулась. — У меня Колинз, нет проблем. Он безусловно нуждается в полировке. Пожалуй, начну с маникюра.

Все засмеялись.

Я осмотрела комнату.

— Лесли, что насчет тебя?

Лесли сидела на полу, со скрещенными ногами, ее светлые, короткие волосы были заложены за ухо:

— Джейк Соверинсон? Он в команде по бейсболу, дружит с Каппами, но не в братстве.

Снова легкие аплодисменты. Я кивнула.

— Хорошо, Лесли.

— Отлично, мисс Белль, — начала Мерфи. — Приоткрой завесу тайны. — Кто твой избранник? — она подмигнула мне. Ведь она все и так знала.

Я сделала глубокий вдох.

— Ну что ж, вы его вряд ли знаете. Я сама видела этого парня всего пару раз.

Все с нетерпением ждали продолжения.

Я наклеила улыбку себе на лицо и собрала все мужество, что было у меня внутри. Неужели я на самом деле способна сделать это? Произнести вслух, связав мысленное и материальное. Я выдохнула:

— Его зовут Кейн МакКарти. Он... он старший брат Бракса Дженкинса.

Шепот усиливался, все девочки ахнули и стали это комментировать, а потом все одновременно посмотрели на меня в ожидании дальнейших слов. Я сцепила руки в замок и продолжила:

— Он не студент Уинстона. На самом деле я недавно узнала, что он, возможно, занимается темными делишками с Каппами. И будет с ними на все время футбольного сезона.

Я наблюдала за тем, как лицо Мерфи расплывается в улыбке, затем она ободряюще кивнула. Она знала, что я была не уверена насчет Кейна, и, похоже, была рада, что я приняла правильное решение.

— А это разве... разве законно? — спросила Энни Холл. Ее каре — боб — было закручено на концах.

Я кивнула:

— Да, это незаконно. Именно поэтому им срочно нужно заняться. Все это также ставит под угрозу Бракса, а мы все прекрасно знаем, что ему проблемы сейчас ну никак не нужны, особенно — риск попасть в такую ситуацию. Именно поэтому я надеюсь, что все сказанное здесь, останется здесь, в этой комнате, и не выйдет за ее пределы. Я собираюсь положить конец темным делишкам Кейна, ради его же блага и ради Бракса тоже. — Все знали Бракса Дженкинса, особенно их историю с Оливией, ведь дела Кейна могут навредить и ей. Бракс уже попадал в неприятности, он просто не может себе позволить еще больше проблем.

Мерфи улыбнулась.

— Великолечно, я знала, что ты выберешь кандидата с умом. Кстати, твой выбор даже переплывает Джоша Коллинза.

— Возможно, ты права, — сказала я. — Хорошо, девочки, запомните, что это секретная информация, только для пользования внутри нашего сестринства Дельт. Если хоть что-нибудь выйдет за эти стены, хоть какая-нибудь информация, Каппы сразу же об этом узнают, или, что хуже, полиция кампуса, — я строго на всех посмотрела. — Нам все это не нужно. Так что давайте начинать. И да, еще один момент, не забудьте, что в эту субботу у нас соревнования по бегу. Даже если вы сами не участвуете, приходите, чтобы поддержать своих сестер, да и просто, чтобы подавать воду и закуски. Еще напоминаю вам про рецепты для продажи выпечки. Мы будем голосовать и выберем пять разных рецептов.

Все согласились, возражений не поступило, поэтому наша неофициальная встреча закончилась. Как всегда после таких собраний, Мерфи прямиком пошла ко мне. Она подошла, взяла меня за руки, но почувствовав мое напряжение, тут же отпустила.

Я всегда так реагировала на прикосновения, и ничего не могла с этим поделать. Неважно, в какой ситуации это случалось, моя реакция была всегда одна и та же. Я знала, что она вовсе не собирается меня обидеть, вообще такое поведение нормально для друзей — брать за руки, обнимать и т.д. Вот только я не совсем нормальна. И как бы это странно ни звучало, единственным человеком, который, как мне казалось, подозревает меня в этом или когда-либо подозревал, был Бракс Дженкинс. Ну и, наверное, Мерфи, ведь я это здорово скрывала. Другого поведения от меня и не ожидали.

Мерфи была просто невероятной. Ведь она ни разу за все время нашего знакомства не спросила меня об этом, никогда не осуждала. Вот как, например, сейчас, когда она отпустила мои руки, ее глаза сразу смягчились. Не из жалости, а потому что она чувствовала, что такая моя реакция неизбежна, и что я не разыгрываю ее, Мерфи действительно хочет быть моим другом.

Бывали моменты, правильнее сказать очень много моментов, когда мне просто хотелось рассказать ей все. Впустить ее в свой мир, в свое сердце, чтобы стать настоящими подругами. Но я не рассказывала, просто не осмеливалась, каждый раз в последнюю секунду прикусывала язык.

— Итак, ты собираешься увести его с кривой дорожки! Какой план?

Я посмотрела Мерфи в глаза:

— Для начала, я пойду прямиком в дом братства Капп и сделаю ставку, пусть знают, что я знаю.

Мерфи склонила голову набок, кристаллик у нее в носу блеснул в свете лампы.

— Ты ведь ничего не понимаешь в ставках, в номерах и подсчетах, Харпер Бель, — она сузила глаза. — Кроме того, это ведь незаконно.

Я улыбнулась:

— На самом деле, я не собираюсь делать ставку, я просто хочу привлечь его внимание.

Снова эта улыбка Чеширского кота.

— Ты нравишься мне, Харпер Бель, очень-очень нравишься.

Я знала, что Кейн в доме Капп, его пикап стоял у них на парковке. Я сняла костюм, который всегда носила в учебное время, и вместо него надела облегающее фигуру черное платье, телесные колготки, кожаные сапоги на молнии до колена, рыжий шелковый шарф повязала на шею, а волосы собрала заколкой с черепашкой. Образ дополнила кожаным клатчем. Выйдя на улицу, я быстренько перебежала дорогу к дому Капп и посмотрела на Мерфи, которая с биноклем наблюдала за мной из окна.

Музыка грохотала вовсю, пока я поднималась на крыльцо, оно буквально вибрировало подо мной, я подошла к двери, постучала и стала ждать. Через несколько мгновений дверь открылась и мне в нос ударил запах пива и чего-то еще, что я определенно не собиралась пробовать. Джейсон Уиллис стоял, опершись локтем о дверной косяк, и от его улыбки у меня внутри все сжалось. А о его прическе вообще молчу — как будто корова языком лизнула.

— Ух ты, какие люди, святая Харпер, — прокричал он. — Чем обязаны такой чести?

Я приклеила на лицо широкую, фальшивую улыбку.

— Привет, Джейсон, можно войти?

Голова Джоша Коллинза появилась из-за двери. На нем была кепка Силвербэков, надетая козырьком назад.

— Черт, да! Такая горячая штучка как ты может приходить к нам в любое время, — он раскрыл дверь настежь. — Подвинь свою задницу, Джейс, дай даме пройти, — он подмигнул мне. — Добро пожаловать в царство Капп! Будешь пиво?

— Эм, нет, спасибо, — как только я вошла в полутемную общую комнату, от запахов и невероятного количества людей я почувствовала себя в ловушке, но я проигнорировала это чувство. Задвинула в дальний уголок. В гостиной я повернулась и столкнулась с Джошем. Он стоял и не двигался, смотрел на меня сверху вниз и улыбался. А он ничего такой, симпатичный. Просто... ну, надеюсь, что Мерфи удастся сделать его лучше.

— Итак, что же тебе нужно, красотка? Мы все уже записались на соревнования по бегу, — сказал он, а затем улыбнулся. У него блестели глаза, когда он наклонился ко мне. — И, если ты не знаешь, мы не печем, поэтому распродажа выпечки закрыта.

Несколько ребят, слышавших его слова, засмеялись, один даже фыркнул.

— На самом деле я здесь, чтобы встретиться с вашим новым другом, Кейном МакКарти.

Выражение лица Джоша переменялось, оно стало каким-то хищным что ли.

— Неужели?

— Да, я к нему.

Джош несколько секунд смотрел на меня, затем рассмеялся:

— Черт, детка, — он показал в сторону лестницы. — Иди за мной.

Я пошла за ним, поднявшись на второй этаж, мы повернули направо, и, пройдя мимо двух дверей, подошли к третьей, Джош открыл ее. В комнате было как минимум полдюжины Капп, остальных я не знала. В центре комнаты за столом сидел Кейн. Когда мы вошли в комнату, он поднял голову. Эти бездонные глаза сфокусировались на моих, я заметила, что они расширились от удивления. Он взял себя в руки и как ни в чем ни бывало откинулся назад на спинку стула. Коричневые глаза, теперь по цвету совпадающие с эспрессо, медленно изучали меня, с головы до ног. Закончив осмотр, он посмотрел мне в глаза.

— Ты пришла сюда, чтобы сделать ставку? — спросил он своим выразительным голосом.

Я собрала всю волю в кулак и воззвала к глубинам мужества и силы, улыбнулась так непринужденно, что даже сама удивилась, а потом сказала:

— Да.

Все стали шутить, свистеть, бубнить и делать все те вещи, которые обычно делают парни, чтобы получить полное удовольствие от ситуации вообще. Я стояла на месте, не двигалась и никак не реагировала, я просто продолжала смотреть на Кейна, а Кейн смотрел на меня.

Внезапно он встал, прошел через всю комнату ко мне, взял меня за локоть, посмотрел на меня сверху вниз и сказал:

— Пойдем.

Его пальцы обжигали мою кожу, пока он тянул меня прочь из комнаты, полной смеющихся и улюлюкающих гиен Капп. Я стала нервничать, даже забыла, что он все еще держал меня за локоть. Я дернулась, но он не отпускал.

— Ч-что ты делаешь? — спросила я, пытаюсь усмирить все нарастающую с каждой секундой панику и в то же время играть роль желающей сделать ставку девушку. — Ты что, не слышал, что я сказала?

Он не смотрел на меня, потому что теперь тащил меня вниз по лестнице.

— Я слышал.

— Отпусти меня, — настояла я. — Пожалуйста, сейчас же.

Он не отпустил, и когда мы проходили мимо Джоша, он просто улыбнулся, пожал плечами и сказал:

— Хорошая попытка, Дельта, — он подмигнул, мне даже захотелось его ударить за это. — Припаси для меня немного печенья и передай Мерфи от меня привет!

Смех за нашими спинами все нарастал, пока мы шли к входной двери. Выведя меня на улицу, Кейн наконец меня отпустил. Я резко повернулась к нему, но потом сделала шаг назад, сохраняя дистанцию.

— Как... как ты посмел! — меня начало трясти; я мысленно приказала своему телу перестать, но меня по-прежнему трясло, поэтому я начала ходить из стороны в сторону, чтобы Кейн не заметил.

Он стоял, скрестив руки на груди, и смотрел на меня изучающе. Молча, тщательно. Сейчас говорили только лишь его глаза, моментами в них вспыхивали искорки гнева.

— На что ты смотришь? — спросила я.

Еще несколько болезненных секунд он продолжал смотреть на меня.

— Пока не знаю.

Я напряглась:

— Что значит “пока не знаю”?

Он провел руками по волосам.

— Я не могу понять тебя, — он склонил голову, сунул руки в карманы и сделал шаг ко мне. Я, наоборот, сделала шаг назад. Он вел себя так, будто не заметил моего движения. — Ты выглядишь как типичный сноб высшего общества, — снова осмотрел меня с головы до ног, я затаила дыхание. — Красивая одежда, дорогая машина, — он почесал подбородок. — Вокруг тебя в воздухе витает что-то, ощущение, что ты лучше других, — прежде чем я успела вдохнуть воздуха, он уже стоял рядом, прямо передо мной, не прикасаясь ко мне, но явно желая этого. Тепло его тела окутало меня, словно невидимые руки обняли нас и соединили вместе. — Я думаю, что ты блефуешь. — Теперь он прикоснулся ко мне, аккуратно, пальцем он приподнял мой подбородок, чтобы наши глаза были на одном уровне, я молчала, не могла сказать ни слова, не могла дышать, пока он так пристально смотрел на меня. — Если я и знаю что-то в этой жизни, Харпер Бель, так это блеф, и как его распознать.

Я едва смогла сделать вдох, вышло так, будто я задыхаюсь, я чувствовала, что вот-вот расплачусь, и как бы глупо это не выглядело, я ничего не могла с собой поделать. Кожу стало покалывать — то самое чувство перед панической атакой, как будто я снова оказалась запертой в

темноте. Я с трудом сглотнула, убрала его руку с моего подбородка и сделала шаг назад. Расстояние помогло, но я все равно едва могла дышать. Я никак не могла это скрыть.

— Ты... ты меня совсем не знаешь. *Я не такая.*

Его смех был удивительно мягким, без всяких издевательств.

— Я знаю больше, чем ты думаешь, — он снова подошел ко мне, но больше не прикасался. Фонарь был у него за спиной, в результате чего на его лице гуляли странные тени, местами была видна его бледная кожа. — Я знаю, что заставляю тебя нервничать. Веришь ты мне или нет, Харпер, я этого не хотел, это не мое намерение.

— Меня... меня не волнуют твои намерения, — тихо сказала я дрожащим голосом, — и я знала, что он услышал эту дрожь. Я сделала ещё один шаг назад, чтобы быть подальше от него, и уже в следующую секунду сошла с дорожки, наступила на холодную зимнюю траву, мой острый каблук провалился в еще мягкую землю и застрял прежде, чем я успела понять, что происходит, я уже падала вниз. Я взмахнула руками в жалкой попытке восстановить равновесие и не упасть, клатч полетел на землю...

Кейн прыгнул, поймал меня и вернул в вертикальное положение. Он сделал все так быстро, что я даже не успела сообразить, что теперь в его руках. У меня расширились глаза от испуга, когда он посмотрел на меня сверху вниз, все тело пробрала дрожь — это было неизбежно. Он продолжал обнимать меня, не отпуская.

Бархатисто карие глаза смотрели на меня.

— Не знаю, почему я не могу перестать смотреть на тебя, — сказал Кейн тихо. От его спокойного голоса в контрасте с резким бостонским акцентом у меня побежали мурашки по коже.

Кейн убедился, что я твердо стою на ногах, наконец отпустил меня и сделал шаг назад. Затем сунул руки в карманы, склонил голову набок и сказал:

— Уходи отсюда, Харпер Бель, — его губы с легкой тенью, создающие контраст с алебастровой кожей, растянулись в улыбке. — Тебе все это не нужно, — он кивнул в сторону дома Капп. — Тебе, возможно, нужно что-то другое, но точно не это, и я пока не могу разгадать что.

Почувствовав под ногами твердую землю, я наконец смогла дышать, выпрямилась, вновь подняла подбородок, но внутри я все еще дрожала. *Держи это в тайне, Харпер, чего бы это ни стоило, не позволяй им увидеть себя.*

— Ты совсем не знаешь меня или того, чего я хочу, — ответила я слабым голосом, даже почти шепотом. Я ненавидела себя за эту слабость,

но ничего не могла с собой поделаться.

Все. Иного выбора у меня не было, поэтому я развернулась и пошла так быстро, как только могла.

Пока я шагала через дорогу, обратно к дому Дельт, я знала и чувствовала, что он за мной наблюдает. Я знала, что он даже не двигался с места, что он все еще стоял там. И, когда я поднялась по ступенькам крыльца, я знала лишь одну вещь — очень хорошо знала, я была просто на сто процентов уверена.

Это была не последняя наша встреча с Кейном МакКарти. Независимо от того, что я всеми клеточками своего тела и души хотела прекратить еще не начавшееся пари и поменять выбранного мною Кейна на кого-нибудь другого. Несмотря на то, как я нервничала рядом с ним, я знала, что мы снова увидимся. Скорее всего, мы не будем делать ставки, но что-то точно будет. Я совершенно точно знала это. Как будто эта мысль всегда была со мной, просто я ее игнорировала.

В тот момент, когда моя рука лишь коснулась дверной ручки, она распахнулась настежь, на пороге стояла Мерфи с круглыми, обезумевшими глазами, в вязанной шапке.

— Что *это* было? — запыхавшись спросила она. Как обычно, когда она была взволнована или возбуждена, ее акцент усиливался. — Ну же, Харпер. Выкладывай!

Странно, но гостиная была пуста, поэтому мы пошли к дивану и сели. Мерфи нетерпеливо ждала, буквально подпрыгивая на подушках от нетерпения. Я боролась с желанием закрыть глаза, чтобы очистить свой разум от этой ужасной сцены — как Кейн тащит меня из комнаты, вниз по лестнице, прочь из дома Капп.

Это его сверхъестественное восприятие, как он понял меня, от этого воспоминания я тоже хотела избавиться.

Я вдохнула. Медленно выдохнула. Старалась изо всех сил выглядеть нормально, а не такой истощенной и разбитой, какой я на самом деле сейчас была.

— Ну, — наконец сказала я, посмотрев в широко раскрытые глаза Мерфи. — Кейн МакКарти не так прост, как я думала.

Ее длинные ресницы коснулись щек, когда она моргнула, как будто в замедленной съемке.

— Почему это?

Я покачала головой и посмотрела на едва горевший газовый камин.

— Ну, во-первых, он не среднестатистический Каппа, правильнее сказать — он независимый Каппа. Он даже не среднестатистический

плохой парень, — я вздохнула и посмотрела на нее. — Он высокомерный и авторитарный, делает предположения и не боится их высказывать вслух.

Рот Мерфи расплылся в улыбке.

— Неужели? Так, что еще, мисс Догадка?

Я проигнорировала ее игривый подкол.

— Он бросил мне вызов, Мерфи. Но он даже понятия не имеет, с кем связался, — это, конечно же, была наглая ложь, он как раз-таки знал. Знал все слишком хорошо. Я поняла это по его глазам.

Ну вот и она, эта знающе-понимающая улыбка на лице Мерфи.

— Нет, он и не представляет.

Этой ночью я лежала в постели без сна. Я ворочалась из стороны в сторону, наконец поняла, что не засну, встала, подошла к окну и села на подоконник, понаблюдать за чернильно-черной ноябрьской ночью. Я приоткрыла окно и запустила холодный ноябрьский воздух. Погода Техаса такая переменчивая, даже в разгар зимы может наступить жара как в Аду, но только не в этом году. Холод пришел еще в середине октября, и мне это нравилось. Чувствовалась... чистота, свежесть.

Машины Кейна на парковке не было, наверняка он вернулся к Браксу. Я проигрывала каждую секунду нашей сегодняшней встречи, каждый взгляд, каждое прикосновение, каждое слово. Я до сих пор чувствую запах его кожаной куртки. Больше всего, конечно, меня зацепили его слова. Они сильно повлияли на меня, гораздо сильнее, чем подумала Мерфи. На самом деле, я скрыла очень много фактов от нее о нашей встрече с Кейном. Я не сказала ей, что у меня чуть не случился приступ панической атаки. С последнего приступа прошло больше года, как правило, они следуют за мучавшими меня ночными кошмарами о моем прошлом. Обычно они случались после моих поездок домой. За несколько лет терапии я пыталась забыть обо всем, Коринн Бель настояла на моей терапии. Здесь я тоже соврала, я соврала врачу, соврала Коринн.

Я ничего не забыла. Вообще ничего не забыла о том времени, не забыла о тех страшных днях моей жизни, когда мне было всего восемь лет. Я не забыла о том, что случилось с моими родителями, не забыла того, что видела тогда. Более того, я даже помнила полицейского, который нашел меня в ту ночь.

И то, что случилось после, в доме моей бабушки, я тоже помнила.

Все это я держала глубоко в себе. Коринн Бель предупредила меня, чтобы я никому об этом не рассказывала — никогда, чтобы никто не узнал о том, кто я есть на самом деле. Иначе будут последствия, и я об этом пожалею, поэтому до сих пор я не рассказала ни единой душе. Та Харпер

Бель, которой я стала, была полностью слеплена и воспитана Коринн Бель. Если, конечно, это вообще можно назвать воспитанием.

И пока все это остается так — пока я остаюсь такой — все будет в порядке.

Но потом появился Кейн МакКарти. Мне казалось, что его глаза видят меня сквозь, всю мою ложь. Эта мысль пугала меня больше, чем мучавшие меня с детства ночные кошмары. Как такое вообще возможно? Ведь я едва знаю его, я видела его всего пару раз. Как он мог знать всю правду обо мне, тогда как для всех других мой иллюзорный образ не вызывает вопросов?

Я попыталась представить его лицо, его безупречную кожу, жесты, голос. Было в нем что-то такое, что пугало меня, кроме того, в нем было что-то загадочное, как будто он тоже что-то скрывал, хранил тайны. Забавно, ведь я тоже производила такое впечатление, но гораздо в меньших масштабах, для Бракса.

Теперь пути назад не было. Перчатка брошена, пари началось. Если я выйду из пари, все начнут задавать вопросы, требовать ответы. Я была не готова к этому. Так что теперь мне остается только одно — найти способ, как заполнить Кейна МакКарти.

Вот только перед этим мне надо научиться контролировать абсолютный ужас, который он поселил внутри меня.

Если у меня не получится справиться с этим, все узнают. Они увидят настоящую меня.

А это просто невозможно. Это не должно случиться.

Никогда.

5. Маскарад

Я совершила кое-что такое, чего не делала никогда, за исключением болезни, конечно, а болела я редко: сегодня я пропустила утреннюю пробежку.

Ведь Кейн был бы там, по-прежнему стоял, прислонившись к дереву, или сидел бы на моей лавке. Я знала это точно, как и то, что могла дышать. Это меня пугало, я словно находилась в плену и не могла сделать то единственное, благодаря чему стала бы свободной.

В конце концов, я разозлилась на Кейна за то, что чувствовала страх, и на саму себя.

Я протерла влагу с запотевшего зеркала и посмотрела на свое лицо. Коринн Бель всегда говорила, что у меня одни глаза на все лицо, и она была права, глаза у меня очень большие, почти как у инопланетянина, голубовато-зеленые. Я смутно помню, что такие же глаза были у папы. Потрогав свои мокрые волосы — прямые, светлые, чуть ниже плеч, — повернула голову из стороны в сторону, рассматривая свои острые черты — как у птицы — так говорит Коринн.

Практически точная копия папы.

Коринн Бель изменила мое имя, но не черты моего лица. За это она бы отдала свою правую руку на отсечение, уж я-то знаю.

Я поспешила завершить свои ваннанные процедуры, и пока все не проснулись, вернуться в свою комнату. Завернувшись в полотенце, я стояла перед шкафом и выбирала, что надеть, сегодня я остановила свой выбор на темно-коричневом кашемировом кардигане, который всегда носила с кремовой шелковой майкой и коричневыми брюками, мой образ дополняли коричневые кожаные туфли от Мэри Джейн. Пока я сушила голову, мысли так и кружили: математика, литература, распродажа выпечки, соревнования по бегу.

Кейн МакКарти.

Его слова ужалили, несмотря на то, что я действительно намеренно вела себя так — типичный сноб высшего общества, лучше, чем все остальные.

Эти описания были далеки, очень-очень далеки от правды.

Я выключила фен, села на кровать, и мои глаза наткнулись на круглую, виниловую коробку от шляпы, которая стояла у меня на туалетном столике. На ней были нарисованы винтажные открытки с островом Фиджи, Гавайи,

Лондон, Австралия, в этой коробке я хранила деньги, которые посылала мне бабушка на еду, на новую одежду, другие расходы. Она была старомодна в этом плане и потому настаивала на отправке именно наличных денег, а не чеком или просто переводом на счет. Хотя счета у меня не было и никогда не будет — ну, по крайней мере, пока я учусь в университете. В конце концов, я и не заслуживаю этого. Ее деньги — не мои деньги. И как она однажды сказала, я должна буду ей все вернуть, все до пенни. За каждый клочок ткани, на покупке которой она настаивала, чтобы выглядеть прилично, за “Лексус”, за каждую сумочку, каждую пару кожаной обуви — за все.

Именно поэтому я тратила, как можно меньше, не хотела быть должной ей или вообще кому бы то ни было за развлечения и развязный образ жизни, я расходовала ее деньги скромно. Это, собственно говоря, и была главная причина, по которой я не ходила все время гулять с Мерфи или с Браксом и Оливией в пиццерию, или в торговый центр с девочками из сестринства, но это не касалось случаев, когда деньги были заработаны мной лично или мы шли покупать что-то для кого-то.

Никто не знал, какая я есть на самом деле, да никто и не узнает.

Я накрасилась, причесалась, заправила за уши волосы, оделась. Наконец убедилась, что выгляжу так, как надо, затем в раздумьях посмотрела на коробочку с деньгами, в животе нещадно урчало.

Ладно, нужно позавтракать.

Я открыла коробочку и вытащила 3 однодолларовые купюры, закрыла ее и аккуратно сложила купюры пополам. Завтрак всегда был самым дешевым приемом пищи за день, особенно со студенческой скидкой. Очень жаль, что на общей кухне в доме сестринства просто нереально хранить еду, раньше я пыталась, но обычно никто не помнил, где чья еда, поэтому я приняла решение выбрать один прием пищи в день за деньги, ну, а в остальное время — хлеб, индейка и хлопья на кухне Дельт.

Я вышла из комнаты, спустилась вниз по лестнице на улицу. На крыльце я остановилась и вдохнула. Шесть утра, тишина и спокойствие, все еще спали, а я стояла и просто упивалась абсолютной тишиной поздней осени. Было темно, на небе все еще были видны звезды. Утренняя темнота как-то по-другому воспринималась, нежели вечерняя. Не как угроза, она не была пугающей. Чем старше я становилась, тем меньше боялась утренней темноты. Особенно в Уинстоне, в котором были фонари по всему кампусу. Я вдохнула утренний воздух еще раз и пошла.

Каблуки стучали по дорожке, пока я шла в кафе. Дул легкий ветерок, листья цветущей груши мягко шелестели на ветру. Здания Уинстона

вырастали из темноты, как древние крепости, в качестве маяка была обсерватория Оливии — мне очень нравились все эти замысловатые здания, возникающие, как немые солдаты из темноты.

Кафе только что открылось, внутри было тепло и пахло имбирным печеньем. Девушка за прилавком не училась в Уинстоне, но мы были с ней знакомы. Она обычно работала в утренние смены и знала, что я, как всегда, буду ее первым посетителем.

— Привет, Лили, — сказала я, при этом взяв, как обычно, пакетик овсянки с изюмом и орехами и небольшую коробочку цельного молока. Все это я протянула ей.

— Доброе утро, Харпер, — ответила она, широко улыбнувшись. Лили была немного старше меня, у нее была бледная кожа и рыжеватые светлые кудри. — Доллар пятьдесят, пожалуйста.

Я передала ей два доллара, она дала сдачу в пятьдесят центов, чашку и ложку для моей каши, я же, как обычно, бросила ей доллар в коробку с чаевыми.

Она улыбнулась:

— Как и всегда, спасибо тебе.

Я улыбнулась ей в ответ и легонько кивнула.

— Нет проблем.

Я быстренько приготовила овсянку, залив ее кипятком и разбавив водой комнатной температуры. Заварив кашу, вышла обратно на улицу и пошла к фонтану. Подойдя к нему, я села на скамейку напротив и размешала овсянку.

— Ты всегда ешь одна?

Я подскочила от неожиданности. Это был Кейн, он вышел из тени, и его алебастровая кожа буквально светилась, контрастируя с его темными волосами, которые казались еще темнее в утренних сумерках.

— Почему ты следишь за мной? — спросила я, не поднимая глаз. Зачерпнула кашу и отправила ложку в рот.

Он подошел ближе и опустил на скамейку рядом со мной, мой нос уловил запах кожаной куртки и свежести мыла. От него пахло мятой, и мне этот запах нравился. В одной руке он держал дымящийся стакан кофе из кафе, горький, насыщенный аромат которого поднимался облачком из дырочки в крышке стакана. Он наклонился вперед, уперся локтями в колени и посмотрел прямо перед собой на фонтан, затем сделал глоток кофе. Удивительно, что я еще не подскочила со скамейки и не побежала прочь.

— Возможно, потому, что ты сводишь меня с ума, — наконец ответил

он. — Я вовсе не слежу за тобой, Харпер, просто увидел, как ты выходишь из кафе, — он посмотрел на меня через плечо, сделал еще один глоток кофе, пожал плечами, а затем улыбнулся так, что у него даже искорки в глазах вспыхнули. — А вот уже потом я пошел за тобой.

Я молча продолжила есть кашу, потому что не знала, что ответить на все это, глотнула молока и съела еще одну ложку каши, а потом сказала:

— Я люблю вставать рано, люблю утро, пока все еще спят, — я глянула на него. — По утрам так... так спокойно.

— Да, — согласился он. — Во всяком случае, здесь это так. Но дома? Дома — никогда.

Никогда. У него был интересный бостонский акцент, присущий, как мне казалось, только ему: сильный, чувственный, мягкий и все это одновременно. Все буквы “р” он опускал. Мне нравилось, но я держала это при себе.

Я прокручивала в голове все возможные темы для разговоров, пытаюсь найти, что сказать. *Помни про пари, Харпер. Это должно стоять на первом месте, все остальное потом, не стоит забывать об этом. Он занимается незаконными делишками: принимает ставки прямоком в доме братства Капп. Останови его, выведи из игорного бизнеса, подложи свинью Каппам, окажи услугу Браксу.* Я зачерпнула ложкой остатки каши, отправила в рот, прожевала, проглотила, глотнула молока, собралась с духом и наконец спросила:

— Не хочешь помочь мне завтра на соревнованиях по бегу?

Кейн откинулся на спинку скамейки, вытянул ноги, посмотрел на меня и спросил:

— Что это?

— Пятикилометровый благотворительный забег, который мы спонсируем каждый год перед днем Благодарения, — ответила я. — Люди платят за входной билет, а мы, в свою очередь, обеспечиваем всех гостей водой и снеками, две трети доходов идут на покупку индеек для полевых кухонь и приютов в округе.

Кейн кивнул:

— А мы — это...?

— Мое сестринство.

Он провел рукой по волосам, сделав и без того беспорядочную прическу еще беспорядочнее.

— Ну вот, опять ты это делаешь?

Я моргнула:

— Что делаю?

Кейн склонил голову набок и заглянул мне в глаза. Чернильное, темное утро начало рассеиваться, и его лицо казалось безупречным и одновременно призрачным. А его глаза... такие не по годам мудрые, я не могла пока сказать что, но что-то в этих глазах казалось мне знакомым... и в то же время — нет, это меня пугало.

— Мы как будто на маскараде, — сказал он мягко. — В один момент со стороны ты выглядишь богатой, идеальной, лучше, чем все остальные, а потом — одна ешь кашу быстрого приготовления в парке на скамейке в шесть утра. Скрупулезно отделяя себя ото всех, даже от своих сестер, — его губы изогнулись в уголке. — А еще ты собираешь деньги на индейку для бездомных, — он безотрывно смотрел мне в глаза. — Серьезное противоречие, мисс Бель.

Я проглотила свой страх от его четкого, такого точного описания, и тихо ответила:

— Что ж, это просто удивительный обзор моего поведения и характера, особенно для человека, который увидел меня впервые всего несколько дней назад, — теперь я смотрела на него в упор, стараясь изо всех сил не отводить глаза. — Для парня, который блуждает по кампусу в сотнях миль от дома лишь для того, чтобы принимать ставки в доме братства, — я наклонила голову. — Что ж, впечатляет. Хорошо подмечено для бандита.

Его глаза цвета кофе просто сияли, пока он рассматривал меня, изучал мое лицо, разбирая меня на части, пытаясь увидеть меня настоящую под маленьким шрамом, который, как мне казалось, очень искусно спрятан. Все эти годы я была очень осторожна и все же... и все же он, как мне кажется, подобрался очень близко — ближе, чем кто бы то ни было. И делал он это очень быстро.

Мои слова его совсем не зацепили, он выглядел абсолютно спокойным, как ему это удалось? И, конечно же, он ни капельки не стеснялся напрямую сказать мне о моих предполагаемых качествах. Он может догадываться кое о чем, но он и близко не подошел ко мне настоящей в своих описаниях.

— Я думаю, у всех есть парочка секретов, ведь так? — сказал он хриплым голосом, смешавшимся с утренней тишиной. Его слова застали меня врасплох, так же, как и внезапная вспышка в его глазах. Они всегда казались мне мягкими, нежными даже, а сейчас? Эта вспышка была настолько быстрой, почти незаметной. Но я заметила. — Во сколько?

Я моргнула.

— Прости, что?

Он улыбнулся.

— Соревнования по бегу. Или ты отменяешь свое приглашение? Ну, например, потому что я бандит и все такое?

Я почувствовала, как горячая волна идет по моему горлу вверх и выливается на щеки от моих собственных слов, вылетевших теперь уже из уст Кейна. Я не привыкла оскорблять людей, особенно незнакомых, это оставило неприятный привкус у меня во рту.

— Начало в шесть утра, у дома моего сестринства.

Кейн встал.

— А что если я хочу бежать?

Я тоже встала.

— Тогда тебе нужно будет заплатить вступительный взнос.

Он повернулся ко мне, внезапно оказавшись близко-близко. Его глаза, ухххх. Он так смотрел на меня, словно прикасался. Никогда раньше я не встречала людей, вызывающих такие эмоции только лишь глазами. От этого что-то внутри меня шевельнулось. Я не могла решить, что это, нравится мне это чувство или мне стоит его бояться?

— Вступительный взнос? И сколько?

— Тридцать долларов, — я никак не могла отвести от него глаза, как будто была под гипнозом.

Он придвинулся ближе, руки были в карманах куртки, что казалось совершенно безвредным, но я знала, что это не так.

— А если я заплачу сто, это гарантирует мне место рядом с тобой?

Я незаметно вдохнула, медленно выдохнула. Постаралась говорить как можно спокойнее, чтобы он не догадался, как его слова повлияли на меня.

— Нет, вовсе нет, все зависит от того, как ты бегаешь.

Я смотрела на него, и в эти предрассветные часы его лицо казалось еще красивее, чем я думала раньше. Как это вообще возможно? Ход моих мыслей прервали звуки — где-то на территории кампуса завелся мотор газонокосилки, хлопнула дверца машины, ветром доносились голоса. Когда это Уинстон успел проснуться? Как я могла не заметить?

Я смотрела прямо на его губы, пока он говорил, просто не могла сдержаться.

— Я рискну, — сказал он своим хриловатым, с явным бостонским акцентом голосом, затем развернулся и пошел, напоследок бросив через плечо. — Увидимся утром.

Я смотрела Кейну Маккарти вслед, как он шел через парковку, до тех пор, пока легкая утренняя дымка не скрыла его. Его походка точно такая же, как и голос — легкая и свободная — несла на длинных мускулистых

ногах такое же мускулистое тело. Прямо как неземное существо, он просто... просто исчез, как призрак, как дух. А он вообще настоящий? Было ли все это на самом деле? Был ли этот разговор наяву? Возможно, это был просто сон или даже кошмар.

Ну нет, мне снилось много кошмаров, но Кейн МакКарти точно не был одним из них.

Это, несомненно, была именно та ситуация, в которой я однозначно чувствовала себя глупо, мне нужно срочно научиться это контролировать, если я, конечно же, все еще собираюсь участвовать в этом пари против братства Каппы. Я не могу позволить Кейну залезть мне под кожу.

Весь остаток дня, пока я бегала с пары на пару в окружении своих сокурсников, девочек из сестринства, просто знакомых, я поняла одну вещь: несмотря на то, сколько разговоров за день у меня было, сколько фальшивых улыбок я раздала — одно я знала наверняка.

Я была совершенно одна. Одна, я это понимала. Я как будто стояла спиной к стене, и рядом никого не было, вокруг тоже, но так я чувствовала себя в безопасности. Пока я держу людей на расстоянии, они и не подозревают, какая я на самом деле, не задают лишних вопросов, не пытаются подобрать код и взломать мой внутренний сейф.

Сейф. Безопасность. Это значит для меня так же много, как и доверие для всех остальных. И я знала почему; всегда знала.

Когда только я начинала задумываться над этим, все сводилось всегда к одному и тому же.

К маленькому, тесному, вонючему кухонному шкафчику.

Оставшаяся часть дня тянулась, как резина, и я тянулась вместе с ней. Моя бодрость и жизнерадостность иссякали по какой-то причине. Раньше было довольно легко держаться на людях и притворяться кем-то другим. Почему вдруг теперь стало тяжело? Еще вчера все было хорошо, а теперь вдруг нет. Что со мной не так?

Позже вечером дом сестринства Дельта гудел, как улей. Подготовка к завтрашнему событию шла полным ходом: устанавливалась финишная лента, вешалась вручную разрисованная растяжка над дорогой — между нашим домом и домом братства Каппа Пхи. Кейна за весь день я так ни разу и не увидела, и это меня даже расстроило. Он, конечно же, мог быть бандитом, но он умный, хорошо разбирается в людях, и мне искренне нравилось с ним разговаривать — лишь за исключением тех моментов, когда он указывал на мои предполагаемые недостатки. Было в нем что-то такое, что интриговало, интересовало, и мне нравилось то, как он смотрел на меня, как изучал каждую черточку на моем лице перед тем, как

заговорить со мной. Никто и никогда не интересовал меня раньше, я просто не могла выкинуть его из головы.

Как только стемнело, все сестры собрались в общей комнате для того, чтобы нарисовать порядковые номера, которые уже завтра будут цеплять к майке каждого участника. Ящики с бутилированной водой стояли возле входа. Я занялась приготовлением шоколадного печенья для участников, которые будут раздавать всем, пересекшим финишную черту возле выставочного комплекса Киллана. Мерфи сидела на столе с пакетом шоколадных чипсов в руках.

Она закинула одну чипс в рот и сказала:

— Что с тобой такое? Выглядишь так, как будто копаешься в дерьме.

Я повернулась к ней и едва сдержала улыбку от вида ее бровей, сложившихся домиком. Я выровняла муку в стакане ножом и добавила ее в тесто.

— Думаю, я просто устала, — сказала я и стала размешивать муку, затем включила миксер. — Кейн придет сюда утром и будет помогать с подготовкой к соревнованиям, — я всыпала второй стакан в тесто и исподтишка глянула на Мерфи.

Похоже, она удивилась.

— А еще он будет участвовать в забеге, — продолжила я.

— Ну хватит, замолчи, — сказала Мерфи положив при этом еще одну чипс в рот, затем сузила глаза до маленьких щелок и, ткнув меня локтем в бок, сказала: — Теперь понятно, почему ты так выглядишь. Похоже, ты очень постаралась выудить все это из него, — она улыбнулась. — А я всегда знала, что это в тебе есть, — она закинула в рот еще одну. — Джош тоже придет помогать. По сути дела, его помощь заключается лишь в погрузке воды в свой пикап и доставке ее на место проведения забега, — она наклонила голову. — Расскажи мне о Кейне. Какой он?

Я знала, что она задаст этот вопрос.

— Он умный, учтивый и чрезвычайно... проницательный.

Мерфи придвинулась ближе.

— Как это?

Я пожала плечами, закончила вымешивать тесто для печенья и стала перекладывать его на противень, предварительно застеленный бумагой для выпечки. При помощи ложки я выкладывала ровные порции теста на противень в ряд.

— Ну, я не знаю, как это описать, он как будто запоминает каждое мое слово, впитывает каждый мой жест, каждое движение, — я посмотрела на Мерфи. — Он словно видит меня насквозь.

У Мерфи потеплели глаза.

— Да? — легкая улыбка тронула ее губы. — Звучит суперски, ну, за исключением незаконной деятельности, само собой.

Я улыбнулась.

— А что Джош? На самом ли деле он... — я задумалась над правильным описанием.

— Бесполезный, зажавшийся придурок? — закончила за меня Мерфи и рассмеялась. — Но если серьезно, то когда рядом нет его дебильных дружков или кого-то из братства, то он очень даже милый, — она посмотрела на миску с тестом. — Господи, я бы продала одну из своих почек на e-bay лишь за ложечку этого теста.

Я просто не могла сдержать улыбку.

— Ладно, так уж и быть, но только одну ложечку, — ответила я и поставила противень в духовку.

— Ура! — она взяла ложку из ящичка с приборами, зачерпнула тесто и тут же запихнула ложку себе в рот, закрывая от удовольствия глаза. — Господи, женщина, — она улыбнулась. — Тебе совершенно точно необходимо взять курс по юриспруденции и открыть чертову пекарню, — она снова закрыла глаза, в блаженстве жуя тесто. — Ужасно и прекрасно, все одновременно, Богом клянусь, если моя задница станет слишком большой, это будет твоя вина.

Я улыбнулась, пожала плечами и включила вытяжку. Я сама училась печь, и, как бы это ни звучало, мне нравилось этим заниматься. Мой талант пригодился в нашем сестринстве, потому что у нас постоянно были всякие ярмарки, распродажи и т.д.

— Вернемся к Кейну, — начала Мерфи, смотря мне прямо в глаза. — Он тебе нравится, да?

Я пыталась найти подходящие слова для ответа, ведь я и сама не знала, что я на самом деле думаю о Кейне МакКарти и как к нему отношусь, конечно, за исключением того факта, что я никак не могу выбросить его из головы. Я вздохнула.

— Он... он очень интересный, не такой, как Бракс. Он не такой шумный, на самом деле даже учтивый.

— Что ж, — сказала Мерфи, спрыгнув со стола и глянув в духовку. — Жду не дождусь увидеть его вживую завтра, — обернувшись, она прислонилась к столу и на ее лицо тут же вернулась та самая улыбка Чеширского кота. — Еще новости про Джоша: в воскресенье мы идем на карри, — она пошевелила бровями, — в “Карму”, и я поведу.

У меня округлились глаза.

— Ого.

Она с гордостью на лице кивнула.

— Угадай, что еще?

— А есть еще что-то?

Мерфи захлопала ресницами.

— Он поедет со мной на шоу Бродвея в Даллас.

Теперь мои глаза стали еще больше.

— Ты что шутишь?

— Абсолютно нет! — она облизала свой палец и взмахнула им в воздухе. — Очко в пользу Йорков!

— Как ты заставила его на все это согласиться?

Она посмотрела на меня и подмигнула.

— Мы всего лишь немного целовались, вот и все.

Я просто не могла сдержать свой смех.

— Ты сумасшедшая, — сказала я ее любимую фразу, которую она частенько говорила мне.

Мерфи пожала плечами.

— Давай просто признаем, что мы обе поймали нашу добычу, — улыбка на ее лице была просто широченной, какой-то ненормальной. — А то, как мы этого добились, уже не важно.

6. Падение

Только выйдя за порог сестринства Дельт, я тут же увидела Кейна, прислонившегося к одной из колонн. Я не знаю, почему удивилась, но я и правда не ожидала его здесь увидеть.

— Ты ведь сказала в шесть утра, так ведь? — спросил он.

Закрыв за собой дверь, я подошла к нему ближе.

— Да, все верно.

Я рассматривала его одежду: черная свободная футболка с удлиненными рукавами, черные шорты, едва достающие до колен, и черные кроссовки. Когда я подняла глаза, он, как оказалось, уже смотрел на меня, ища в моих глазах одобрение или поощрение. Я же была не готова что-либо говорить. Кейн посмотрел на свою одежду, пожал плечами и сказал:

— У Бракса одолжил.

— Я даже не сомневаюсь в том, что у него вся комната забита одеждой для бега, — я улыбнулась. — Они с Оливией постоянно бегают вместе по утрам вокруг кампуса. Поэтому ты решил тоже? — спросила я и пошла вниз по ступенькам мимо него, остановившись внизу, на дорожке. — Спасибо тебе за помощь. Джош Коллинз уже развез почти всю воду по местам, мы загрузим остальную воду ко мне в машину и...

— В моем пикапе предостаточно места, — сказал Кейн и спустился ко мне на дорожку. Кивком указал на стоянку, и тут вдруг я поняла, насколько он выше и больше меня. — Вон там, — он улыбнулся, его всезнающий взгляд остановился на мне. — Так ты и Джоша заманила сюда?

Я покачала головой:

— Не я, одна из девочек сестринства.

Он потер подбородок.

— Заговор, да?

Мое сердце едва не остановилось. Он ведь не мог знать.

— Да нет, нет, вовсе не...

Кейн улыбнулся мне.

— Да я просто прикалываюсь, — он кивком указал на машину. — Готова грузиться?

— Да, — быстро ответила я и отвернулась к крыльцу. — Спасибо. Давай...давай грузить воду, — я побежала вверх по ступенькам, на самой верхней обернулась. — Или ты можешь...

Но он уже был здесь. Так близко, что мы дышали одним воздухом, он смотрел мне прямо в глаза. Каждый его выдох превращался в маленькое облачко, смешиваясь с прохладным воздухом. Он был так близко, что я чувствовала тепло его тела. Кейн стоял всего на одну ступеньку ниже меня, так что наши глаза оказались на одном уровне, хитрая улыбка коснулась его губ. Воздух застыл в моих легких, как будто на секунду оказавшись в ловушке. Тут же я поняла, что совершенно не могу говорить, не могу двигаться, как будто меня приковали к этой верхней ступеньке.

— Точно... Дом, полный девчонок, сейчас шесть утра, да... я подожду здесь, — тихо сказал он, с веселыми нотками в голосе. — Нет проблем, — он наклонился чуть ближе, — Теперь можешь дышать, Харпер, — последняя фраза вышла совсем тихой, предназначавшейся только лишь для моих ушей.

И я задышала. Тепло моего дыхания смешалось с ноябрьской прохладой и превратилось в белые облачка.

— Я быстро, — развернувшись к двери, мгновенно шагнула внутрь. В общей комнате был полный хаос, больше половины девушек все еще вышагивали в пижамах, совершая последние приготовления к соревнованиям по бегу.

Внутри стало только хуже. Мерфи и другие девушки, оказывается, стояли у окна. Мерфи, почувствовав себя виноватой, тут же отскочила от окна.

— Мы наблюдали за вами, — призналась она, виновато улыбнувшись. — Мне он понравился.

— Мне тоже, — сказала Лэсли. За ними последовало еще несколько одобряющих слов.

Вздохнув, я повернулась к двери и открыла ее настежь. Кейн стоял на том же самом месте, где и утром, подпирая плечом столб.

— Кейн? — сказала я. — Это девушки сестринства Дельты. Девушки, это Кейн МакКарти.

Он посмотрел мимо меня, на девушек, столпившихся у меня за спиной, и широко им улыбнулся.

— Дамы.

Мерфи протолкнулась вперед, на ней все еще была пижама — клетчатые штаны и ее любимая футболка с флагом Великобритании. Волосы были заплетены в две косички. Я про себя взмолилась, чтобы она держала себя в руках.

— Меня зовут Мерфи, дорогой, — сказала она, представляясь, и они пожали друг другу руки. — Лучшая подруга Харпер. Ты готов к бегу?

Кейн взглядом нашел меня, и его глаза сразу смягчились. Он улыбнулся.

— С нетерпением ждал всю ночь, когда же наступит этот день.

Мерфи повернулась ко мне, в ее глазах плескались искорки.

— Мечтаешь о хорошем состязании, да?

Кейн не сводил с меня глаз.

— Да.

Внутри я немного дрожала. Его слова, его взгляд, я не перестаю поражаться тому, как он смотрит вглубь меня, так раньше никто не смотрел. Смущенно улыбнувшись, я оставила их на крыльце и стала собирать оставшиеся бутылки и выносить их на улицу.

Ох, чувствую сегодняшний день будет очень и очень долгим. Я знала, что в конце дня Мерфи Полк будет распирать от вопросов. Я уже готовила себя к этому. В данный момент мне все же предстоит иметь дело со своим пари-проектом. Позволить девочкам увидеть, как он влияет на меня, я не могу. Это совершенно не входит в мои планы.

В течение следующего часа я, Кейн и Мерфи проехали вдоль всех необходимых мест по маршруту и выгрузили воду, а также шоколадное печенье, завернутое в пищевую пленку, то самое, которое я испекла вчера. Мерфи приставала к Кейну с вопросами о Бостоне, смеялась над его акцентом. Кейн, в свою очередь, тоже смеялся, но не смог ничего сделать, чтобы высмеять ее собственный акцент. На каждой станции сидел кто-то из нашего сестринства, чтобы присматривать за вещами и не позволить проглотитам с бездонными желудками слопать печенье и закуски, особенно тщательно нужно было смотреть за моим печеньем. Кейн зарегистрировался для бега и, к моему удивлению, действительно заплатил сто долларов, ну, чтобы бежать рядом со мной.

Мысли в моей голове перепутались, сталкиваясь одна с другой, я думала о том, сколько парней братства потеряли родительских денег из-за Кейна. Это злило меня, очень. Но злилась я не потому, что парни потеряли деньги, ведь это была их собственная вина, а потому что Кейн решил зарабатывать на жизнь таким образом. Это меня даже слегка пугало. Это может быть опасно. Ведь может же?

Как раз к началу забега Бракс и Оливия присоединились к нам у стартовой отметки, натянутой между нашим сестринством Дельта и братством Каппа Пхи. Кэтти Маллиган вешала нам номера на грудь и на спину — все как положено. Бракс был как всегда в своем репертуаре:

— Грейси! — выкрикивал он, нарезая вокруг нее круги. — Ты же знаешь, что я выиграю? — поддразнивал он ее. Он был одет точно так же,

как Кейн, за исключением лишь бейсболки Силвербэков, надетой козырьком назад. В прохладе утра его лицо казалось жестким, но судя по нежным взглядам Оливии, она так не думала.

— Бракс Дженкинс, это не гонка, — возразила Оливия и легонько ущипнула Бракса. — Это благотворительный забег.

— Все равно я выиграю! — рассмеялся он и, наклонив голову, сказал: — По крайней мере, я сделаю все возможное, чтобы обставить своего старшего брата. — Так же, как и черты лица, бостонский акцент Бракса казался более явным, чем у Кейна.

— Да уж, ты можешь, — Кейн улыбнулся ему в ответ, затем посмотрел на меня. — Но думаю, мы должны оставить место для интриги.

— Как ты уговорила его участвовать, коротышка? — спросил у меня Бракс. — Я даже и не знал, что вы знакомы, — он подбежал ко мне ближе, склонил голову и посмотрел на меня своими сумасшедшими бледно-голубыми глазами. — Ты что, околдовала его или что-то еще сделала?

— Бракс, прекрати. Харпер, ему просто завидно, потому что он спрашивал Кейна раньше, — она озорно улыбнулась. — И Кейн сказал, что слишком занят. Да, Кейн?

Когда я посмотрела на Кейна, он вовсе не выглядел смущенным от слов Оливии и, более того, даже не отвел глаза, наоборот — смотрел на меня неотрывно, своим таинственным, мрачным, сексуальным взглядом, который был только у него.

— Да, как-то так я и ответил.

— Да неважно, — Бракс пихнул Кейна в плечо и начал прыгать с ноги на ногу, пружинить, словно готовясь к матчу по боксу, затем повернулся через плечо и посмотрел на меня.

— Коротышка, держись от него подальше, слышишь? — он снова ударил Кейна в плечо и повернулся ко мне, склонив при этом голову. — Мальчишки из Дорчестера противные ребята.

Я нерешительно улыбнулась в ответ и кивнула. Затем посмотрела на Оливию и, хотя Бракс, похоже, был не в курсе, она знала, я это увидела. Я, конечно, должна была задаться вопросом: насколько хорошо Бракс знает Кейна? Знал ли он, что его брат преследовал меня? Ехал за мной на озеро? В кафе? Бракс, казалось, просто шутил, но так ли это было на самом деле?

Вскоре мы все выстроились цепочкой в ожидании гудка старта, Кейн, верным своим словам, стоял рядом со мной.

— Ты спрашивала о ставке, — сказал он, наклонившись над моим ухом. — Ты все еще хочешь?

Я напряглась, не зная, как ответить, ведь я не хотела участвовать в его

темных делишках. Частью моего собственного задания было заставить его бросить это дело. Вот только сейчас слишком рано ему об этом говорить. К счастью, мне не пришлось давать ответ.

— Если я выиграю у тебя в соревновании, ты пойдешь со мной на свидание, — сказал он своим чарующим голосом. Когда у меня от удивления расширились глаза, его улыбка тоже расширилась. — Я выберу место.

И вот опять я наблюдала, как его теплое дыхание, смешиваясь с холодным воздухом, превращается в облачка. Кожа светла, за исключением легкой щетины, а глаза такие бездонные, что мне было ну очень сложно сказать “нет”.

— А что, если выиграю я? — вместо ответа задала свой вопрос.

— Не выиграешь, — широко улыбнувшись, сказал он.

Прозвучал гудок, мое сердце, казалось, пропустило удар — как и у всех бегунов вокруг меня, включая Кейна. Некоторое время он бежал рядом со мной, я ускорялась, он тоже. Время от времени я поглядывала на него, иногда повернувшись, я замечала, что он уже смотрит на меня с победоносной улыбкой на лице. Не то чтобы я не хотела идти с ним на свидание, в конце концов, это же и было целью пари, чтобы выбранный тобой парень влюбился, конечно же, только лишь для перевоспитания из плохиша в хорошего парня. Звучало глупо, когда я думала об этом. Во что вообще я ввязалась?

Наконец, я набрала свой темп, позволила воздуху выйти из моих легких. Я наслаждалась ощущением в мышцах, горящих под моими черными леггинсами Nike, идеально подходящими к гольфу из черного нейлона. Меня вдруг осенило. Я вовсе не возражала сходить на свидание с Кейном, это было не из-за пари, а просто потому что я... что я хотела пойти с ним. Он заинтриговал меня. Один лишь его взгляд вызывал покалывания на моей коже, сердце начинало биться чаще. Мне было трудно дышать рядом с ним. Все эти вещи были новы для меня. Я никогда не чувствовала ничего подобного раньше.

Мне никогда не позволяли. Более того, это было запрещено. Невозможно даже, с неусыпно следящей за мной Коринн Бель. Я посещала только школы для девочек и мне никогда не позволялось ходить на танцы, когда они организовывались. Раньше я была слишком напугана, чтобы даже замечать парней, и это продолжалось после поступления в Уинстон. Но Кейн был другим. Он беспокоил меня, волновал, занимал все мысли и не уходил.

Что бы подумала об этом, Коринн?

Единственное я знала наверняка: она совершенно точно не должна узнать, и я сделаю все от меня зависящее, чтобы сохранить все это в строжайшем секрете.

Вскоре ряды бегунов начали редеть. Я ускорила Кейн тоже, но сделал это с такой легкостью, будто бег был для него обычным делом, да он даже не запыхался, а даже наоборот, поднял руки над головой, приподнимая шапочку и выглядел как... как будто его ноги бежали отдельно от тела, просто поглощая тротуар, сантиметр за сантиметром, и это все у него не вызывало ни малейших усилий. Да кто он вообще такой? Не студент. Без работы. Вдали от своего дома. Занимается нелегальными ставками в доме братства Капп.

Он сбивал меня с толку и одновременно приводил в ужас. Не выдав ему ни одного секрета, ни одной тайны, даже больше — ни намек ни на то, ни на другое, он все равно подозревал. Видел это внутри меня. Знал. Я чувствовала это.

Мне придется быть очень осторожной с Кейном МакКарти. Вне зависимости от того, насколько он мне интересен.

Минуты текли, финиш был уже близко. Мерфи и Джош поджидали нас с водой, но никто не потрудился сбавить бег, чтобы взять бутылку, поэтому мы просто промчались мимо. Джош стоял рядом с Мерфи в майке соревнований, завидев Кейна, он слегка ему кивнул. Мерфи же шутливо нахмурила брови и улыбнулась мне. Я улыбнулась в ответ, но темпа не сбавила. Мне было интересно, о чем сейчас думал Джош, увидев его счетовода, бегущего рядом со мной.

Как только вдали показался выставочный комплекс Киллана, Кейн улыбнулся и рванул вперед. Впереди рядом бежали Бракс и Оливия, но как только Кейн промчался мимо, Бракс тут же рванул за ним. Я приближалась к Оливии, ее коса двигалась в такт движениям. Завидев меня рядом, Оливия посмотрела на меня и закатила глаза.

— Похоже, они оба думают, что их ждет какая-то награда при выигрыше, — сказала она слегка запыхавшимся голосом.

На ней были черные леггинсы, похожие на мои, но в комплекте с футболкой Star Wars. Я кивнула.

— Что ж, полагаю, награда есть.

— Что ты имеешь в виду? — она приподняла бровь в удивлении.

Я уже отругала себя за то, что собиралась сказать Оливии. Не то чтобы она не заслуживала доверия или еще что, просто... просто я обычно не разговариваю о таких вещах. Но так как она девушка Бракса, она все равно узнает, поэтому пусть она лучше узнает от меня:

— Кейн вроде как поспорил со мной, и если он выиграет у меня в соревновании, то я пойду с ним на свидание.

Оливия улыбнулась.

— Понятно, — она посмотрела вперед, и улыбка ее не угасала. — Предупреждаю, — она посмотрела на меня, — Браксу это не очень-то то понравится, — она снова улыбнулась. — Ты ему нравишься, а к своему брату сейчас он относится очень скептически.

У меня перехватило дыхание.

— Тогда почему ты улыбаешься?

Она усмехнулась.

— Потому что мне нравится Кейн. Он очень заботливый парень, и я думаю, у него большой потенциал, даже больше, чем он сам думает, особенно, если рядом с ним будет правильный человек.

Мы с Оливией одновременно пересекли финишную черту. Впереди Бракс и Кейн стояли согнувшись пополам, схватившись за колени и жадно хватая воздух. Кейн повернул голову, увидел меня и, как мне показалось, в его глазах мелькнула улыбка. Это заметила и Оливия.

— Видишь, вот это я и имею в виду, — сказала она, все ещё громко дыша.

Возможно, я не решалась это признавать, но я совершенно точно это заметила.

— Сразу видно, что эти двое братья, — сказала она, слегка растягивая слова, и когда я ничего не ответила, посмотрела на меня и, улыбнувшись, добавила: — Их уверенность время от времени может надоедать.

Я так ничего и не ответила, лишь кивнула, а про себя подумала, что Оливия Бомонт, наверное, самый честный и откровенный человек, которых я когда-либо встречала. Как и Мерфи, она не совала нос куда не следует, не подкалывала, не дразнила. В ней этого просто не было. Она излучала силу, как маяк. Я прекрасно помнила ее боль, и то, как она страдала после последнего пари братства Каппа Пхи. Как она не сдавалась и держала голову высоко поднятой, не давая никому себя в обиду. Даже после смерти деда, она оставалась твердой, как скала. Я также помню, как Бракс боролся за нее.

Всем этим я восхищалась в ней. В нем.

Если бы я могла быть такой...

— Увидимся, Оливия, — сказала я тихо.

— Эй, если ты после ничем не будешь занята...

— Я... я не могу, — я запнулась на полуслове. — Спасибо, что всегда приглашаешь меня, — я чуть не сказала ей правду, почему не могу пойти, я

даже чуть не согласилась пойти с ней в этот раз. Но я не сделала ни того, ни другого.

Оливия нежно улыбнулась.

— В любое время, Харпер.

Я подбежала к таблицам у финишной черты, где несколько девушек из сестринства раздавали шоколадное печенье. Я взяла со стола полупустую тарелку и тоже начала помогать, всего через несколько минут у меня остались лишь крошки. К этому моменту как раз подошла Мерфи. Ее волосы все еще были заплетены в косички, на ней были белые шорты, разноцветные полосатые носки до колена и футболка соревнований по бегу.

— Хочешь узнать, сколько мы собрали? — спросила она загадочным, взволнованным шепотом, а затем пошевелив бровями продолжила. — Чертовски много: один или два шиллинга, вот сколько.

Я примерно знала сколько мы собрали, потому что сама лично принимала деньги со всех участников забега. Я недоуменно на нее посмотрела.

— Сколько?

Ну вот опять эта улыбка Чеширского кота:

— Около трех тысяч фунтов стерлингов!

У меня расширились глаза от удивления.

— Сколько-сколько?

Она наклонилась ближе, так близко, что я почувствовала легкий аромат ее цветочного лосьона для тела.

— Три. Три тысячи. Три тысячи американских долларов.

Я моргнула, быстро пересчитала все в голове.

— Но как же так, семьдесят пять человек приняли участие в соревнованиях. Когда я в последний раз считала, выходило две тысячи триста пятьдесят долларов. — И это только потому, что Кейн отдал сотню.

— Что ж, по всей видимости кто-то то заплатил в последний момент, — она улыбнулась. — Представляешь! — она посмотрела на меня и вздохнула. — Ты вся потная, детка. Подбросить тебя домой? — она глянула через плечо. — Мы все уберем, — опять улыбка. — Джош соберет столы и снимет растяжки, сегодня мы пойдем выпить. Я уговорила его заехать в салон в Ковингтоне на маникюр-педикюр. Детали опустим.

— Спасибо, очень мило с твоей стороны молчать об этом, — я засмеялась. — И нет... пожалуй, я пробежусь обратно, — я помахала рукой, — увидимся позже.

Я побежала обратно в кампус. Если срезать, то в кампусе я буду минут

через двадцать, если, конечно, не сбавлять темп. А я могу. Вот что в точно могу, так это бегать.

Не успела я покинуть территорию выставочного комплекса, как Кейн оказался тут как тут, и уже бежал в ногу со мной.

— Решила кинуть меня? — спросил он.

Я посмотрела на него.

— Возможно. Мне не очень-то нравится общаться с бандитами.

— Я не бандит. Я бизнесмен. А еще я победил в нашем споре.

Я ничего не ответила, и мы продолжили бежать молча. Солнце припекало, словно и не зима стояла на дворе. Вокруг висела серая дымка. Температура воздуха была около +15, мне стало жарко в майке, я начала задыхаться...

Ну, по крайней мере, я думала, что это было из-за майки.

— Ты что, боишься идти со мной на свидание?

На светофоре мы были вынуждены остановиться. Я посмотрела на него слегка запыхавшись. Это было скорее не от бега, а от его прекрасных черт, ну или от глаз с искорками.

— Наверное, я больше боюсь того, как это скажется на моей репутации.

Он посмотрел на меня, своим глубоким, пронизывающим взглядом.

— Я заеду за тобой завтра ровно в шесть, — он хитро улыбнулся, уверенный в себе. И проигнорировав мой легкий удар добавил. — Одевайся теплее.

Когда светофор показал зеленый, Кейн рванул и побежал налево, где, как я полагала, находилась квартира Бракса. Несколько секунд я смотрела ему вслед, на его легкий бег, и сама удивилась своей реакцией, когда он повернулся и помахал.

Тепло подступило к горлу, сердце затрепетало. И когда я пересекла дорогу и пробежала сквозь главные ворота Уинстона, я осмелилась признаться самой себе, что жду-не дождусь, когда наступит завтра, и он приедет за мной ровно в шесть.

7. Шансы

Я жутко нервничала. В доме никого не было, все девчата разбежались по делам, Мерфи с Джошем уже поехали на карри, я осталась одна. Я чувствовала себя как-то неправильно, ходила по комнате туда-сюда, с нетерпением ожидая шести часов вечера. Меня всю просто трясло, раз сто я посмотрела на часы, висевшие в общей комнате. Минутная стрелка тикала так громко, что мне хотелось прикрыть уши. Пять сорок. Еще немного. *Если Коринн Бель узнает об этом...*

Всю ночь шел дождь, и когда я проснулась утром, на улице заметно похолодало. Холодный циклон приближается, значит в течение нескольких дней температура навряд ли будет выше десяти градусов, а ночью и того ниже — будет ноль и ниже.

Должно быть, Кейн проверял погоду, когда просил меня одеться потеплее.

Кейн МакКарти — бизнесмен из Бостона. *Ты что, сошла с ума, Харпер? До сегодняшнего дня ты ни разу не была на свидании, и вот с НИМ ты решила пойти на свое первое в жизни свидание? С человеком, занимающимся нелегальными, подсудными делишками? И что? Все ради пари?*

Я прошла мимо зеркала на лестничной площадке и мельком глянула на себя. Я ведь на самом деле не знаю, что делаю. Со мной такое впервые. Обычно у меня все четко спланировано — не важно, организовывала мероприятие я или кто-то другой. Конечно, такое обычно редко бывало, когда кто-то что-то планировал для меня.

У меня не было любимой, нравящейся мне одежды. У меня была лишь... одежда Бель. Утонченная, успешная, скроенная и сшитая на заказ. Всю одежду для меня выбирала и покупала бабушка. Так что лучшими из того, что я могла выбрать для сегодняшнего вечера, были желто-коричневые теплые леггинсы, которые я одолжила у Мерфи, высокие черные сапоги «Фрай» и черная водолазка. Моя дизайнерская шерстяная куртка висела на вешалке у входа вместе с тонким клетчатым шарфом и перчатками черного цвета. Я снова посмотрела на часы. Надела куртку, шарф, взяла перчатки и положила их в карман.

Надеюсь, я оделась достаточно тепло.

Я заплела волосы в косу и от сильного волнения нанесла еще один слой бальзама для губ. Я ходила по комнате туда-сюда в ожидании. В моем

желудке все переворачивалось, хотя в глубине души я знала, что находиться рядом с Кейном вовсе не означает, что у меня будут неприятности. Ведь чтобы реально оказаться в опасности, меня должны схватить с поличным за участие в азартных играх. Или я делала все специально, зная, что это запрещено Коринн Бель? А что если меня поймают? Я съежилась, лишь на секундочку представив все те мириады наказаний, которые последуют.

Может быть, меня просто пугал тот факт, что Кейн занимается чем-то незаконным? Так или иначе, я вдруг поймала себя на мысли, что хочу, желаю каждой клеточкой, чтобы он... чтобы он был лучше, чтобы его репутация стала чище.

Может быть, мне удастся убедить его.

Стук в дверь вырвал меня из раздумий, возвращая в реальность. Мои сапоги стучали по полу, пока я шла к двери. Распахнув ее, я увидела Кейна. Он молча на меня смотрел, изучая, осматривая с головы до ног, при этом ни одна мышца на его лице не дрогнула. Позади него было темно, а светящийся за спиной фонарь придавал его лицу рыжеватый оттенок.

Его ноги были расставлены на ширине плеч, он протянул мне руку — легонько, заманчиво, словно приглашая.

— Ты веришь мне?

У меня перехватило дыхание.

— Не совсем, — ответила я. Пару секунд поколебавшись, не привыкшая к прикосновениям даже с друзьями, я все же приняла его руку. У Кейна была большая, мозолистая, теплая рука, он сжал мою руку в своей и дернул меня к себе. Совершенно чуждое мне чувство захватило меня, мне вроде как даже понравилось. Мы спустились по лестнице и пересекли двор, прошли к стоянке в тишине. Он остановился возле своей машины, открыл дверь и посмотрел на меня. Он был как обычно в кожаной куртке, из-под которой виднелась черная рубашка в клетку, темные джинсы и сапоги, на оттенок светлее, чем куртка. Вид у Кейна был опрятным и привлекательным, он словно сошел с обложки журнала.

— Садись, — мягко сказал он.

Как это ни странно, я без слов сделала то, что он сказал. Несколько недель я не садилась в машину к Мерфи, ну, за исключением того случая, когда мы вместе ездили в “Карму”. С приподнятым подбородком и расправленными плечами я забралась в машину и села на переднее сиденье рядом с водителем. Холод от сидения пробрался сквозь ткань леггинсов. Я пристегнулась, положила ногу на ногу, а руки на колени. Не переставая, я осматривала парковку, в поисках хоть кого-нибудь, кто бы видел нас, кто мог бы наступать.

Кейн сел за руль, закрыл дверь и посмотрел на меня. В салоне было так же темно, как и на улице, тени на лице делали его еще загадочнее, чем я думала. Его глаза излучали нежность.

— Расслабься, Харпер, — сказал он своим уникальным, и как ни странно, успокаивающим голосом. — Я не опасен.

Я сделала глубокий вдох, потом выдох.

— Возможно, — я посмотрела на него. — А Бракс знает, что ты ведешь меня на свидание сегодня?

Кейн улыбнулся.

— Бракс пригрозил мне, чтобы я оставил тебя в покое, — признался он. Его глаза вновь смягчились и, казалось, затягивали меня, как омут. — Но я просто не мог так поступить, не мог сдержаться.

Мои щеки тут же покраснели от его слов, я не знала, что сказать, руки невольно сжались в оборонительной позе.

— Но ты ведь даже не отсюда. Откуда ты знаешь, куда ехать? — я посмотрела на него. — Кстати, а куда *мы* едем?

Он легонько рассмеялся.

— Увидишь, — Кейн завел машину. — Оливия рассказала мне об этом месте. Я подумал, что мне стоит посетить его хотя бы раз.

— О, — я посмотрела в окно. — А почему решил пойти туда со мной?

Кейн несколько секунд молчал.

— А почему нет?

В течение нескольких секунд я думала над его словами. А может быть, и несколько минут. Я смотрела на мелькающие мимо дорожные знаки, мы проехали Киллиан и ехали на север. Деревья казались недостижимыми черными гигантами. Машин на дороге было мало: воскресный вечер, на дороге все спокойно. Я не переставая думала о том, что бы сказал Кейн, если бы узнал, что я раньше никогда не была на свидании. Мне двадцать лет, и сегодня у меня первое свидание, а я должна держать это в секрете. Должна скрывать это. Молиться, чтобы моя ложь осталась в тайне. Ведь я врала о свиданиях, о парнях, о любви и обо всей своей фальшивой жизни.

— Хорошо, я отвечу за тебя, — сказал Кейн. Я посмотрела на него, но он смотрел на дорогу, а я, воспользовавшись моментом, рассматривала черты его лица, которые менялись в зависимости от освещения, от света мелькающих мимо фонарей и огней проезжающих машин. Мне это нравилось.

Он мне нравился.

Это определенно точно было что-то новенькое.

— С самого первого дня, как только я тебя увидел впервые, ну, когда

спрашивал дорогу к обсерватории, — он улыбнулся, слегка усмехнувшись, — и потом, наблюдая, как ты разговариваешь с Оливией и моим братом, и каждый раз, видя тебя с тех пор, — он пожал плечами, — я не могу перестать думать о тебе, Харпер, не могу выкинуть тебя из головы, — он вздохнул. — Кое-что в тебе напоминает мне... — он посмотрел на меня. — Кое-что в тебе напоминает мне меня. Что-то сломанное. Что-то, чего никто другой в тебе не видит. И это притягивает меня к тебе.

Его слова потрясли меня.

— Но ведь я не преступница, — сказала я. — Как я могу напоминать тебе, хм... тебя?

Я снова сказала обидные слова, а они снова его совершенно не задели. Но ведь это было правдой — я не преступница.

— На самом деле, ставки, азартные игры значат очень мало в моей жизни, ты не знаешь меня, — сказал он и снова посмотрел на меня, его глаза как бассейны, наполненные кофе, заглядывающие внутрь меня. — Веришь ты или нет, но это так.

Я знала, что он не так прост, потому что всякий раз, когда мы оказывались на расстоянии вдоха, что-то внутри меня пело. Я ведь не наивная дуручка. Ведь тот факт, что я раньше не была на свиданиях, или из-за того, что у меня не было секса, не означает, что я слепа к явным знакам внимания, слепа к реакциям моего тела. Я знала, как все происходит. Мерфи была ходячей Википедией знакомств, свиданий, поцелуев, секса и отношений в общем. Она, сама того не зная, научила меня многому. Может, конечно, не всему, но многому.

— А с чего ты так уверен, что я сейчас свободна, что у меня нет парня?

— Я спросил.

— А, — кроме этого мне просто нечего было сказать. Все мои большие планы насчет пари, казалось, вернулись ко мне в виде бумеранга, оказавшимся этим красивым парнем, с глазами цвета кофе, умными и понимающими не по годам. Я смотрела в окно, как мелькают темные фигуры.

Прошло несколько минут, может, больше, Кейн свернул с трассы на темную, не асфальтированную дорогу.

— Не волнуйся, — сказал он. — Я знаю, что все это выглядит жутковато, но на самом деле у меня ничего такого в мыслях нет. Обещаю, это просто дорога.

— Я верю тебе только потому, что знаю Бракса Дженкинса, — сказала я уверенно. — Он убьет тебя, если ты сделаешь что-нибудь со мной.

Кейн рассмеялся.

— Да, он уже предупредил меня, сказал, чтобы я держался от тебя подальше, и можешь быть уверена, он будет зол как черт, когда узнает, что я тебя сюда возил, — он подмигнул мне. — Но ведь я старший брат, понимаешь? Где, ты думаешь, он научился всему, что умеет? — затем, сбавив скорость, он посмотрел на меня. — Я хорош в счете, хорош в ставках, знаю, на кого ставить, я как супер букмекер, но, Харпер, я не жульничаю с сердцами. Я не такой.

Я поверила его словам.

— Это... это хорошо.

Через несколько метров он затормозил, остановил машину и, повернувшись ко мне, спросил:

— Готова?

Внутри я вся тряслась. На улице было темно, а я ненавидела темноту, поэтому у меня тут же перехватило дыхание. Я изо всех сил пыталась заглушить панику, но чувствовала, как она ползет по моему позвоночнику, я не хотела, чтобы Кейн видел это, поэтому ответила:

— Пожалуй.

Кейн вышел из пикапа с одеялом в руках, которое взял на заднем сиденье и, обойдя машину, помог мне выйти. Из кармана он вытащил маленький фонарик, включил его, и я тут же почувствовала себя лучше, лишь только увидев этот тоненький лучик света. Кейн взял меня за руку и повел к шлагбауму. На шлагбауме висел знак: “ВХОД ВОСПРЕЩЕН. ПРАВОНАРУШИТЕЛИ БУДУТ НАКАЗАНЫ”. Я застыла на месте, Кейн резко остановился и посмотрел на меня.

— Что случилось?

— Туда нельзя, это... правонарушение, — запнулась я. — Видишь, что написано, Кейн? *Наказаны*. Мы можем вляпаться в неприятности.

Кейн развернул меня, как бы создавая вокруг нас безопасную зону своими широкими плечами. Он нарушил мое личное пространство, и в этот раз я почему-то почувствовала себя под защитой. Он не прикасался ко мне, но я все равно чувствовала себя защищенной. Голосом, глазами он делал то же самое, заверяя меня еще больше — опасности нет.

— Харпер, ты когда-нибудь делала что-нибудь рискованное, смелое? — мягко спросил он. — Что-нибудь такое, от чего у тебя зашкаливал адреналин?

— Конечно же, нет — быстро ответила я. — Особенно, если это означает последующее попадание в тюрьму!

Линии вокруг его глаз и рта смягчились.

— Все в порядке, Харпер. Оливия знает владельца, я позвонил ему перед тем, как сюда тебя привезти. К тому же, Бракс пару дней назад привозил сюда Оливию, — хотя и было темно, но я видела, как он склонил голову, чтобы лучше видеть меня. — Твое лицо скрыто, — сказал он тихо. — Но я знаю, что ты напряжена, чувствую это. Я просил тебя доверять мне. Неужели это так сложно?

Если бы он только знал.

— Показывай дорогу.

Мы пригнулись под шлагбаумом и пошли вверх по тропинке. Мы поднимались все выше и выше, пока не сбилось дыхание.

— Что-нибудь видишь? — спросил Кейн.

— Нет, — ответила я, слегка запыхавшись.

Кейн рассмеялся, и мы продолжили подниматься, рассекая темноту узким лучиком фонарика.

Наконец, мы перестали подниматься, вокруг совсем не было деревьев, как оказалось, мы стояли у обрыва.

Внезапно сверху взревел двигатель и, когда я подняла голову наверх, чтобы посмотреть, у меня перехватило дыхание — самолет, казалось, сейчас чиркнет по моей голове.

— Ух ты! — ахнула я снова. — Кейн!

Он снова рассмеялся, будто разбавляя тишину своим смехом, затем расстелил одеяло у наших ног и сказал:

— Садись.

Я села, стараясь не испачкать одеяло.

— Где мы?

Кейн уселся рядом со мной так, что наши плечи соприкасались, и выключил фонарик. В ту самую секунду паника накатила на меня с новой силой, перехватив горло, что я помимо воли ахнула.

Он посмотрел на меня.

— Что случилось?

Я постаралась успокоить дыхание.

— Я просто... — запинаясь, начала я. — Я просто не люблю темноту, — я не хотела признаваться ему в этом, но пришлось, у меня просто не было другого выхода. Мое тело каждой клеточкой хотело, чтобы я сейчас же встала и побежала прочь без оглядки. — А точнее, ненавижу ее.

— Эй, — сказал он. — Я ведь здесь, я не позволю ничему плохому случиться с тобой. Обещаю.

Я кивнула, вздохнув.

— Это не ты. Это темнота.

Он положил фонарик мне в руку.

— Вот что я тебе скажу: если ты нервничаешь, можешь включить его, но знай, что я рядом.

Я сжала фонарик в руках, и словно по той причине, что он был у меня, что я могла включить его в любую секунду, паника отступила.

— Спасибо, — мягко ответила я, осматриваясь вокруг. — И все же, где мы?

Только луна освещала обрыв, но я могла рассмотреть его профиль, пока он говорил.

— Ты неверишь, но мы на ферме за аэропортом, — он наклонил голову назад. — Главная взлетно-посадочная полоса прямо там, — он посмотрел на меня. Мы сидели рядом, очень близко. — Нужно лечь на спину, чтобы полностью почувствовать атмосферу.

Сказав это, он развернулся и лег на спину, вытянувшись на одеяле, скрестив ноги и положив руки под голову. В лунном свете виднелись лишь его бездонные глаза. Он улыбнулся.

— Рискни хоть разок, я не кусаюсь, честно.

Еще один самолет взлетал, я снова ахнула, а Кейн засмеялся.

— Скорее ложись на спину, пока не пропустила еще один.

Вздохнув, я растянулась на одеяле рядом с ним, наши плечи соприкасались, а головы были совсем рядышком. Я все еще крепко сжимала фонарик в руках.

— Я никогда не видел так много звезд, — его голос дрейфовал в ночной тишине. — Наверное, ты к этому привыкла.

Я сосредоточилась на звездах. Конечно же, я видела звезды, много звезд, но замечала ли?

— Небо... оно такое... такое большое, — сказала я вслух, взгляда не хватало, чтобы охватить все небо сразу — Оно просто необъятное.

Некоторое время Кейн молчал, затем сказал:

— Еще один самолет на подходе.

Мы оба задержали дыхание на несколько секунд, пока гигантский самолет словно скользил по небу, как по растопленному маслу, прямо у нас на глазах.

— Тебе не холодно? — спросил Кейн.

Тепло, излучаемое его телом, было так близко, для меня это в новинку, захватывающе, пугающе.

— Нет, — ответила я, хотя и вздрогнула.

Он слегка рассмеялся, потом затих.

— Кто же ты, Харпер Бель?

Я все еще была сосредоточена на небе и звездах, но мои внутренности сжались в комок.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты президент женского сообщества, тем не менее, у тебя нет друзей. Ты присутствуешь на различных заседаниях, собраниях, но ты никогда и нигде не участвуешь, кроме внутренних дел сестринства. Ходишь только на занятия и в библиотеку, — легкий ветерок коснулся моей щеки, а это значит, что он повернулся, поэтому я тоже повернулась, — отказываясь от пиццы в кафе, от посещения кино, местных пабов.

Я пыталась не измениться в лице, старалась держать маску.

— Судя по всему, ты провел небольшое расследование.

Карие глаза, бездонные, как небо, смотрели прямо на меня.

— Нет. Я лишь узнаю себя в тебе, вот и все, — он повернулся на бок, подперев голову ладонью. — Страх — наша общая черта, Харпер, — сказал он мне, и его слова окутали меня волной тепла. — Сломанное видит сломанное. Это также отличает нас друг от друга.

Теперь уже я повернулась на бок, к нему лицом, и подперла голову рукой. Мое сердце билось, как сумасшедшее от его пронизательности.

— Преступник-философ. Интересненько, — сказала я, изо всех сил стараясь, чтобы голос не дрогнул, чтобы он не понял, насколько близок к правде. — Я уже говорила тебе раньше, Кейн МакКарти, ты ничего не знаешь обо мне.

— Но я пытаюсь узнать, — сказал он мягко и тут же улыбнулся, ему так шла улыбка, мне сложно было отвести глаза от его губ. — Все же я знаю кое-что.

Страх и паника мгновенно охватили меня. Позвоночник застыл, я не могла шевельнуться, кожа превратилась в колючую субстанцию. Неужели он узнал о моем прошлом? Узнал о том, кто я на самом деле?

— Например? — медленно спросила я, стараясь не перегнуть палку. Знал ли он, что со мной случилось? Знал ли, что внутри меня?

В кого я могу превратиться?

Его взгляд медленно переместился на мое лицо, так медленно и мучительно он осматривал каждую черточку моего лица.

— Например, что ты родом из богатой, обеспеченной семьи, изучаешь право. Ты встречаешься, но не с тупыми студентами. А еще ты никогда не нарушаешь правила. Никогда, — его взгляд остановился на моих губах. — Ты ешь сэндвичи с индейкой в одиночестве, бегаешь одна за пределами кампуса, чтобы тебя никто не видел и не разговаривал с тобой. Ты ешь овсянку тоже в одиночестве и никому не веришь, — он перевел взгляд с

моих губ на глаза. — Но, несмотря на все это, ты приехала сюда с едва знакомым человеком, — он улыбнулся. — Который может быть — а может и не быть — бандитом. Зачем?

Секунду я подумала об этом.

— Если честно, я сама себе удивляюсь, что приехала сюда с тобой, — ответила я. — Доверие является очень мощным даром, который я раздаю очень-очень осторожно, Кейн МакКарти. Если бы мне нужно было одарить кого-то, — я немного подумала, — я бы отдала его Оливии Бомонт. Именно поэтому я сейчас здесь с тобой. Кажется, она тебе доверяет, — это была лишь одна часть правды, вторая заключалась в том, чтобы получить Кейна для пари. — Что же касается других “обвинений”, — я вздохнула. Странно конечно, но часть меня хотела... хотела просто все ему рассказать, выпустить все из себя, чтобы Кейн знал правду, всю правду. Внезапно я осознала, как я устала от секретов, от тайн, я устала бояться. — Это все, конечно же, полуправда. Мерфи — моя подруга. И иногда я гуляю. Просто не хочу тратить ни цента семейных денег на развлечения и гулянки, я хочу получить образование, — я отчетливо видела, как он наблюдает за мной, и от этого еще больше нервничала. — И по поводу изучения права я еще не до конца определилась, — если честно, это вылетело само собой, я даже не знаю, почему так сказала.

— А что тогда? — спросил он, перевернувшись на спину, наблюдая, как пролетает самолет у нас над головами. — Если твоя семья не настаивает на изучении права, — он снова смотрел мне в глаза. — А я готов поспорить, что они настаивают. Так что же Харпер Бель делала бы со своей жизнью?

Вот опять его предположения правдивы. Однако по какой-то причине я знала, что все сказанное Кейну МакКарти останется при нем, и он никому не расскажет.

— Я очень люблю фотографировать, — наконец сказала я, подумав о стареньком фотоаппарате, который смогла купить, откладывая долгие месяцы. Я подумала о тех фотографиях, которые сняла, уезжая из колледжа за много миль. Но я держала это в секрете. Никто кроме меня не знал. Я посмотрела на него. — Хотя в фотографии я новичок, только учусь. А если бы Кейн МакКарти не был занят принятием незаконных ставок в братстве Каппа Пхи, чем бы тогда хотел заниматься?

Кейн, так же как и я, лег на спину и внимательно смотрел в небо.

— Хммм... честно? — он несколько секунд молчал, раздумывая над ответом. — Ты не согласишься.

— Скажи.

— Стал бы копом.

После его слов мы оба молчали. Пока голос Кейна не нарушил тишину:

— Забавно, — сказал он мягко, слегка удивленно. — У меня такое ощущение, что мы оба только что сделали что-то совершенно нетипичное для нас.

Ему даже не нужно было объяснять свои слова, ведь я и сама об этом думала.

Внезапно в эту секунду до меня дошло, что все это время мы лежали в темноте, а чувство паники и ужаса прошло и совершенно не ощущалось.

В моей руке по-прежнему лежал фонарик, в моей власти, под моим контролем.

Но от того, что Кейн был рядом, он был мне совершенно не нужен.

8. Кейн

Она мало что знала обо мне, так же как и я о ней. Ну, кое-что я все—таки знал: провел небольшое расследование, позадавал вопросы тут и там, хотя Оливия Бомонт рьяно сопротивлялась моим вопросам. «*Спроси у нее сам*», говорила она. Бракс, конечно же, сказал: «*Оставь ее, черт возьми, в покое, Кейн, я серьезно*». Но я не мог этого сделать. Она занимала все мои мысли с той самой первой встречи, когда я спросил у нее дорогу. Я чувствовал, что Харпер, так же как и я, видела меня настоящего сквозь лживую маску, которую нам обоим приходилось носить. Я знал это, потому что такие люди в масках, защищающих от внешнего мира, легко находят точно таких же людей в толпе, словно чувствуя их. Мне кажется, это дар — вот так с легкостью определять, чувствовать людей.

Харпер Бель сложная душа. Она скрывала что-то за своей грустной улыбкой, и это не очень хорошо. Могу поспорить, что так она надурила многих людей, но меня не проведешь. Я раскусил ее так же быстро, как и признал своих собственных демонов. Это высокомерие богатенькой девочки из влиятельной семьи? Да, возможно, она выросла в обществе богачей, но она совершенно не такая. Вообще прямая противоположность.

И еще — она очаровала меня. Полностью.

Вовсе не из-за внешности — ее красота не играла для меня большой роли. Мне было важно то, что внутри, под этой безусловно красивой кожей, выразительными глазами и фигурой бегуна. Я практически мог коснуться ее внутреннего мира, в котором было много чего-то такого... странно, но я бы назвал это болью. Болью, которая пряталась за внешней красотой. Она интриговала меня. Мне хотелось вмешаться, остановить ее боль, прекратить навсегда, надрать задницу тому, кто являлся ее причиной.

— Ты совершенно не такой, как твой брат, — сказала она в своей деликатной техасской манере растягивания слов. Мне нравилось, как она говорила. Теперь мне стало понятно, почему Бракс сходит с ума от Оливии.

— Да? — спросил я.

— Да, — сказала она и заправила волосы за ухо, я в ту же секунду сжал руку в кулак, чтобы не сделать это за нее.

— Так какой же я? — мне действительно было любопытно.

— Ну, — начала Харпер, я заметил, что она нахмурила брови, она всегда так делала, когда думала о чем-то, — Бракс такой громкий, несносный, постоянно ругается матом, хотя после того как он начал

встречаться с Оливией, мне кажется, стал ругаться чуть меньше, — она посмотрела на меня. — Не пойми меня неправильно, я думаю, что Бракс действительно замечательный, умный парень, но... он жестче, чем ты.

Я наблюдал за ней, заинтригованный движением ее губ и тем, как она прикусывала губу зубами, когда не была уверена в чем-то. Я хотел поцеловать ее, очень сильно хотел, но не решился. Не сейчас. Я уточнил у нее:

— Так что, ты намекаешь на то, что я слабак?

Она рассмеялась, и на этот раз смех был искренним.

— Нет, вовсе нет. Ты больше похож на тихий шторм. У тебя спокойный тип силы, — сказала она, а я наблюдал за ее профилем в лунном свете. — Даже твой акцент звучит мягче, чем у Бракса. Не знаю, в тебе как будто есть невероятная мудрость. Бракс такой громкий. Использует свои кулаки. На самом деле ты выглядишь так, словно постоянно машешь кулаками, но ты этого не делаешь. Или... — она быстро глянула на меня, у нее были такие большие глаза, что я практически рассмеялся от ее неловкого удивления — ...все же используешь?

Я тут же заверил ее:

— Мне очень редко приходится пускать в ход кулаки.

— Я так и думала, — сказала она, облегченно вздохнув. — Ты... ты все обдумываешь, прежде чем сделать. Своим молчанием заставляешь других себя уважать, и то же самое ты делаешь глазами, — она снова глянула на меня, и то, как сощурились ее глаза, когда она пыталась рассмотреть меня при лунном свете, прямо пронзило меня насквозь, ее взгляд был таким пронизательным, всезнающим. — Ты очень много говоришь одними глазами. Это невероятная сила, — она посмотрела на звездное небо. — И она впечатляет.

Она меня раскусила. Вот что впечатляет.

— Что ж, пока я бегая вокруг, весь такой молчаливо-сильный, — сказал я, повернувшись к ней лицом, — вы надеваете маску, которая, как мне кажется, не очень-то идет вам, мисс Бель.

Даже в темноте было заметно, что в ее глазах что-то мелькнуло, такое до боли знакомое.

Страх.

Черт, я прекрасно с ним знаком.

— Ты сам сказал, что у всех есть секреты. Почему это не может оставаться секретом?

Ее мягкий, дипломатичный тон заставил меня улыбнуться.

— Потому что мне кажется, я хочу знать о тебе все.

— О, — выдохнула она, — что ж... я бы предпочла, чтобы ты перестал заниматься незаконными вещами с братством Капп, ведь ты ставишь под удар не только себя, но и своего брата. А это просто эгоистично. Так что мне кажется, мы оба хотим чего-то, что не можем иметь.

— Почему тебе так важно то, чем я там занимаюсь? — я должен был спросить, потому как кроме Бракса никогда и никому не было важно. Но даже он не знал моих истинных намерений.

Она села и подтянула свои стройные ноги под себя. Я же остался лежать на боку и внимательно наблюдал за ней. Она напоминала мне пугливую лань, которая от страха готова вскочить и убежать куда подальше при любом шорохе. Именно поэтому я просто... просто слушал.

— Потому что это незаконно. В чем суть такой жизни? То есть, ты вообще планируешь заводить семью? А детей? Ставки будут твоим наследием? *«Дети, я был чертовски хорошим преступником. Лучшим в округе»*. Я хочу сказать... — сейчас она выглядела раздраженной, как будто пыталась заставить меня увидеть ту точку зрения, которую я сам ни за что бы не увидел. Она снова нахмурила брови, и это показалось мне очень милым. — Эта работа включает в себя накопления по пенсионному счету? Медицинскую страховку и скидку на стоматологические услуги?

Я не мог сдержать улыбки. Ее слова были правдивы, что-то похожее я слышал от Бракса буквально на днях.

Если бы они только знали, почему я на самом деле делаю то, что делаю, они, возможно, не судили бы меня так строго. Я потер подбородок и почувствовал, что щетина уже пробивается, хотя я брился совсем недавно.

— У меня есть на то свои причины, Харпер.

— Понятно, — сказала она и резко выпрямилась, как будто у нее в спине был штырь. — Что ж, полагаю, все эти преимущества будут не нужны тебе в тюрьме.

Я сел. Нет, я вовсе не хотел попасть в тюрьму. И я не попаду, потому как сразу после Уинстона все брошу и пойду, наконец, своей дорогой.

— Я не собираюсь в тюрьму, — сказал я, смеясь, хотя в ночи этот смех вышел каким-то язвительным. — Никогда, — я согнул ногу в колене и положил на него подбородок, она, так же как и я, внимательно за мной наблюдала. — Но твоя забота о моей пенсии и о моем будущем... трогательна.

Харпер наклонила голову.

— Как такое вообще может быть: ты занимаешься незаконными ставками и в то же время тайно мечтаешь стать полицейским?

Я тут же задумался, вероятно, из-за ее слов.

— Отморозки заполняют мир, Харпер. Не такие, как я, которые занимаются подсчетами и помогают делать ставки за деньги. Я говорю о тех, кто вредит людям, — я посмотрел на нее, изо всех сил желая, чтобы она все поняла без слов, чтобы мне не пришлось признаваться ей. Для меня это впервые. — И эти отморозки должны поплатиться за свои преступления.

— Ясно, — мягко сказала она, глядя в одну точку на своем плаще. — Ты жертвовал дополнительные деньги на соревнованиях по бегу? — она резко повернулась ко мне, большие, ярко светящиеся в темноте глаза ждали ответа.

— Я хорошо заработал накануне, — ответил я. И это была правда.

— Это был щедрый взнос, который накормит много семей.

Я кивнул и придвинулся к ней ближе. Как будто так мог почувствовать частичку ее тепла, избавить ее от страхов.

— Я рад, — мы сидели очень близко, оба смотрели перед собой, наши плечи соприкасались, мне так хотелось наклониться и поцеловать ее. Пусть даже всего на секунду.

Она чувствовала то же самое. Я знал. Она выглядела смущенно, как будто не была уверена в том, что было между нами, не была уверена, знает ли, что это. Зато я знал — чувствовал это с самой первой встречи, когда наши глаза встретились. Я не мог этого объяснить. И не имеет значения ее внешняя красота, хотя, на первый взгляд... конечно, имеет. Я заметил, что она красива. Да кто бы не заметил? Она была элегантна, деликатна, с безупречной кожей и пухлыми губами, которые словно молили о поцелуе.

Ее глаза запечатлелись у меня в голове, я все время жаждал их видеть. Большие, миндалевидные, таких странных сине-зеленых глаз я еще не встречал, они прятали что-то в своих глубинах, хотя, вероятно, этого никто кроме меня не замечал. Печаль. Боль. Одиночество. И, конечно же, страх. Сломленная, но не безнадежная. Она так похожа на меня.

Харпер откашлялась.

— У меня есть идея или вроде того...

Я посмотрел вниз на наши руки, которые лежали на покрывале так близко, практически соприкасаясь. Посмотрел на нее.

— Какая?

Она села слегка по-другому, ближе. Тем не менее, ее глаза трепетали, она смотрела не на меня, а вдаль, в темноту ночи. Я наблюдал, как она делает глубокий вдох, как будто готовясь к чему-то ужасному. Выдохнув, она повернулась ко мне и посмотрела прямо в глаза.

— Мне кажется, это испытание для нас обоих. Тебе, вероятно,

понравится, потому что это сродни ставкам.

На сей раз я придвинулся ближе, но не слишком. Я улыбнулся.

— Просто умираю от нетерпения, говори.

Слабая улыбка заглушила ее слова, смотря на свои сапоги, она казалась застенчивой, неловкой и привлекательной. Затем вдохнула побольше воздуха, словно собираясь с духом, и когда повернулась ко мне, маска снова была на ней.

— Я предлагаю вызов. Вызов правды, — она сплела пальцы вместе и аккуратно положила сплетенные руки на колени. Каждое ее движение очаровывало меня. Она была... была такой другой, не такой как все. — Ты говоришь мне что-то, а я, в свою очередь, говорю тебе, — она приподняла одну бровь. — Мы должны торжественно поклясться говорить правду, только правду и ничего, кроме правды, и да поможет нам Бог. Это должно остаться между нами. Знать об этом будем только ты и я.

Я искал ее глаза, изучая при этом черты лица в лунном свете. Она подозревала, что у меня так же много секретов, как и у нее. И по какой-то причине ей хотелось узнать правду, мою правду. Я готов раскрыть несколько. Не все из них, лишь часть. Я улыбнулся и кивнул в знак согласия.

— Я в игре, мисс Бель, — сказал я.

— Отлично, но ты начинаешь первый, — поспешно сказала она.

Я придвинулся немного ближе. От нее вкусно пахло — это были не духи, а что-то другое. Может быть, это был запах сосны, они здесь были повсюду. Пахло чем-то, к чему я определенно не привык в Бостоне. Я ждал. Думал о том, что заставляет ее жить, что ей не нравилось.

— Ну? — наконец не выдержала она.

— Я хочу поцеловать тебя еще с того самого первого дня в парке.

Ее глаза округлились от удивления, делая их еще больше, чем они есть на самом деле.

— Правда? — она облизнула губы, боже, она ведь и не подозревала, что этот ее невинный жест значил для меня, я не переставал наблюдать.

— Да. Правда, — я посмотрел ей в глаза. Она не убежала после моих слов, а это очень хорошо. — Теперь твоя очередь.

И вот опять. Страх. Я заметил, как он вспыхнул внутри нее, разгораясь все сильнее, как нечто живое, поэтому она слегка поерзала на одеяле. Я потянулся к ней рукой, заметив, что она не носит перчатки, у нее были холодные пальцы.

— Эй, — сказал я так нежно, как только мог. — Не говори ничего такого, отчего тебе хотелось бы встать и убежать.

Ее взгляд тут же стал мягче, она повернулась ко мне.

— Хорошо, — Харпер сглотнула, посмотрела вдаль на самолет, пролетающий мимо нас. Теперь она не смотрела на меня, и только так я понял, что она говорит правду.

— Я никогда не целовалась раньше.

Я не мог скрыть шок, изо всех сил пытался избавиться от него, но не мог. Я верил ей.

Как так может быть? Девушка в двадцать лет никогда не целовалась? *Как?*

— Ты мне веришь? — тихо спросил я. Я очень хотел, чтобы она сказала «да», очень-очень.

Но она ничего не ответила, только лишь кивнула. Уязвимость скатывалась с нее волнами, я прямо чувствовал это.

Правильно или нет, я просто не мог сдержаться. Это, конечно, может сделать меня сволочью, полным кретином, но, клянусь Богом, я просто не мог сдержаться.

Я наклонился и поцеловал ее.

9. Поглощенная

Я изо всех старалась не отводить глаз от Кейна, когда он наклонил голову, приближаясь ко мне, в лунном свете его длинные ресницы мягко обрамляли глаза. В тот момент, когда его холодные, твердые губы прижались к моим губам, я закрыла глаза и выдохнула. Кейн, казалось, проглотил мой выдох, вдохнув его в себя. Он не двигался, был очень нежным, мягким, и когда переместил губы, чтобы попробовать мой кончиком языка, я ахнула, и он снова проглотил мой выдох.

Он отстранился, посмотрел мне в глаза, я, конечно же, тоже, что в общем-то удивительно. Его глаза цвета кофе смотрели на меня, они буквально кричали, хотя сам Кейн не проронил ни слова. Я тоже молчала, не могла ничего сказать, вообще едва дышала.

— Ты в порядке? — наконец Кейн нарушил тишину. Он не отодвинулся от меня, просто слегка отклонился, все еще нарушая границы моего личного пространства, но сейчас меня это совсем не пугало.

— У меня сердце выпрыгивает из груди, — призналась я. — Как будто я только что бежала, а еще у меня онемели губы.

Он тут же улыбнулся и прикоснулся к своим губам, его белозубая улыбка светилась в темноте.

— Это хорошо?

— Не уверена, — сказала я и посмотрела на него, внимательно наблюдая за его глазами. — Я... мне кажется, ты сейчас думаешь о том, что все это странно, и хочешь знать, как так вышло, что двадцатилетняя девушка ни разу не целовалась?

Он не дрогнул, ни одна черточка на его лице не изменилась, лишь только глаза смягчились. Они излучали искренность, как будто Кейн не умел прятать свои чувства.

— Странно? Вовсе нет. Удивляет ли меня это? О, да! — он прикоснулся к моей руке, я ее не отдернула, и тогда он взял мои руки в свои. — Но больше всего это вызывает чувство привилегированности.

Я наклонила голову набок, удивленная.

— Почему?

— Что значит “почему”? Привилегия быть первым.

Я кивнула.

— О, — ток, искорка, которая была между нами, все еще никуда не делась, она была здесь, практически осязаемая. — Так что, поцелуй был

экспериментом?

— Это было очень сильное желание, — он сжал мои руки. — Я снова хочу это сделать.

Кивнула.

— Я тоже.

Самолет промчался у нас над головами, и мы одновременно подняли головы вверх, чтобы посмотреть на него.

— Мне нужно идти, — наконец сказала я. — Неделя перед днем Благодарения всегда самая загруженная. А еще у меня тест...

Губы Кейна накрыли мои, заглушая слова, удивляя, пугая и захватывая меня одновременно. Теперь поцелуй был другим... не таким неловким, не таким легким, он был пьянящим. Я почувствовала легкий привкус мяты. Рукой он легонько коснулся моего подбородка, придерживая мою голову и углубляя поцелуй, мое сердце забилося еще быстрее, чем в прошлый раз. Мне казалось, я погружаюсь в него, тону. Несколько секунд спустя он отстранился и посмотрел мне в глаза.

— Я ничего не мог с собой поделать, но за это извиняться не буду.

Задышавшись, я не могла отвести от него взгляд.

— Я тоже не буду, — сказала в ответ.

Улыбка тут же озарила его прекрасное лицо, он молча поднялся и потянул меня за руку за собой. Я разминала ноги, пока он встряхивал и складывал покрывало, затем засунул его себе под мышку, взял меня за руку, и мы стали спускаться с обрыва.

— Забавно, что теперь мы прекрасно обходимся без фонарика, так как привыкли к темноте, — сказала я.

Кейн посмотрел на меня сверху вниз, не останавливаясь при этом.

— Почему тебе не нравится темнота?

Мой мозг тут же подбросил картинку маленького, мокрого, промозглого кухонного шкафа, внутри которого была крошечная темнота и рядом никого не было. Только я. Именно с него все и началось. Я содрогнулась, пытаясь прогнать воспоминания. Я знала, что не смогу сказать об этом Кейну сейчас, да и вообще никогда, поэтому ответила:

— Мне снились кошмары, когда я была маленькая, — это не было ложью, это была истинная правда. Я просто не упомянула о нескольких критических моментах. — Просто не могла их перебороть. — Мне хотелось узнать о Кейне больше, и это удивило меня. Никто и никогда не интересовал меня так, чтобы мне хотелось задавать вопросы, чтобы узнать что-то из их прошлого. Что же на счет Кейна? Я чувствовала влечение к нему, меня еще никто так не привлекал. Я бросила взгляд на него и

увидела, что он уже смотрел на меня, как будто ждал или даже предвидел, что я посмотрю на него.

— Ну давай же, спрашивай.

— Ух ты! — я улыбнулась.

Кейн резко остановился, и я тоже. Я во все глаза смотрела под ноги.

— Что там? Змея? Я не люблю змей.

— Я редко вижу твою настоящую улыбку, — он провел пальцами по моей щеке. — Она потрясающая.

Я не знала, что мне сказать. Горячая волна подкатывала к шее и щекам, я вдруг обрадовалась, что вокруг темно. Я не привыкла к комплиментам, особенно от парней, реально существующих парней.

Комплименты Кейна были настоящими. Так ведь? Я чувствовала, что были, но все же...

— Это поцелуй говорит за тебя? — я не смогла удержаться и спросила. Почему мне вдруг стало важно все выяснить? Я удивлялась сама себе, а еще — моей реакцией на его поцелуй. Мой первый поцелуй.

— Я не могу ответить точно, — признался Кейн, в его голосе слышался смех, и когда я посмотрела на него, то заметила смешинки и в его глазах. — Возможно, придется чуть больше поэкспериментировать. Ну, поцелуй — улыбка — повтор.

У меня побежали мурашки по коже при мысли об этом.

Страх сменил дрожь.

— Кейн?

— Да?

— Не пойми меня неправильно, — начала я, — я полагаю, что теперь ты догадался, что все это *«она никогда не встречается с неприятельными парнями в универе»* означает *«она никогда ни с кем не встречалась»*, — я пролезла под шлагбаумом, он последовал за мной, возле его пикапа мы оба остановились. Он молча ждал, пока я закончу. — У меня есть свои причины так себя вести, потому что имею определенную репутацию в Уинстоне и хочу, чтобы так же все и оставалось. Ты спрашивал, верю ли я тебе?

Его глаза казались двумя темными пещерами в контрасте с бледной кожей.

— Да, спрашивал.

Я подняла подбородок.

— Тогда я верю тебе, если ты веришь мне. Я не хочу, чтобы о нас узнали.

Он кивнул, но его глаза говорили что-то еще, и это что-то я не могла

определить.

— Президент сестринства бесспорно не должна быть замечена целующейся с известным бандитом.

— Да, совершенно верно, — сказала я. — Не говоря уже о том, что я не хочу, чтобы у людей возникали подозрения и вопросы. Вопросы, на которые я не готова отвечать. Никому не готова, — я посмотрела ему в глаза. — Ты меня понимаешь? — последний вопрос задала как можно мягче, чтобы не ранить его чувства, ведь для меня это была данность, я не хотела, чтобы кто-то узнал. Если только Коринн Бель узнает...

Несколько минут он молчал, просто смотрел мне в глаза, наверное, пытался сквозь них увидеть все мои секреты. Независимо от того, как сильно ему хотелось узнать правду, видел он лишь то, что я хотела ему показать. Затем Кейн поднял руку, нежно провел по моему подбородку и, коснувшись косы, отвел ее за спину.

— Мы сможем увидеться снова? Вдали от кампуса?

Интересно, что было между мной и Кейном? Флирт? Он ведь даже не жил здесь, так... что же дальше? За очень короткий период времени я позволила ему подойти ближе к настоящей мне, ведь раньше я вообще никого не подпускала, а тут... Тем не менее, он был очень непредсказуемым, я даже не могла себе представить человека более непредсказуемого, чем он. Я посмотрела ему в глаза.

— Как долго ты планируешь быть здесь? Я имею в виду, в Уинстоне, в гостях у своего брата?

— Думаю, мое пребывание здесь зависит от многих вещей.

Я кивнула.

— Тогда — да, мы можем снова увидеться, вне кампуса, — я посмотрела на него. — Только если это не благотворительная акция на территории кампуса, тогда можем увидеться там. — Затем я улыбнулась.

Губы Кена тут же растянулись в улыбке.

— Супер, садись, — мы сели в его пикап, и он завел мотор. — У тебя есть мобильник? Я ни разу не видел его у тебя в руках.

Я кивнула.

— Да, есть, просто он не приклеен к моим рукам, как у большинства людей.

— Еще один плюсики в твою пользу, — он потянулся к пепельнице, вытащил оттуда свой мобильный и протянул мне со словами:

— Можешь вбить сюда свой номер?

Это действие вызвало еще одну незваную улыбку на моем лице.

Обратная дорога в Уинстон по темной однополосной дороге была куда

менее тревожной, как раньше. Мы особо не разговаривали, да это было и не нужно. Кейн держал меня за руку, и я прекрасно понимала, что *он прекрасно понимает* о сквозившем между нами сильном притяжении. Я на сто процентов уверена, что, если бы я сейчас чиркнула спичкой, салон пикапа Кейна тут же загорелся бы. Мне нравилось ощущать шероховатую кожу на костяшках пальцев Кейна, то, как его пальцы прикасались к моим, тепло, которое исходило от наших сплетенных вместе рук. Внезапно я подумала о том, а не так же ли у Бракса и Оливии все начиналось? Наверное, так и ведут себя все нормальные пары, все они чувствуют притяжение. Коринн Бель называла это чистым грехом. Было ли это грехом? Я думала о чувствах, которые вызывал Кейн внутри меня. Это что-то новенькое, такое непривычно непонятное. Как вообще что-то, от чего тебе хорошо, может быть грехом?

Я думала о том, сколько доверия подарила бы Кейну МакКарти.

Когда мы подъехали к подъездной дорожке Дельт, я увидела силуэт человека, стоявшего на парковке рядом с моей машиной.

— Вот черт, — пробормотал Кейн.

Это был Бракс, он сидел на своем байке. Я напряглась, зная, что эта встреча будет не очень приятной.

— Эй, — нежно сказал Кейн, повернувшись ко мне. — Не волнуйся, Харпер, ничего не случится. Обещаю. Просто иди внутрь, а я тебе потом напишу смс.

Я посмотрела на него.

— Спасибо, — сказала я тихо. — За сегодня, — показала на фонарик, лежащий рядом со мной. — И за это.

Глаза Кена наполнились нежностью.

— Всегда рад. Спокойной ночи, Харпер Бель.

Я улыбнулась.

— Доброй ночи, Кейн МакКарти.

Он проводил меня до крыльца, улыбнулся и, развернувшись, пошел навстречу к своему брату. Я остановилась в дверях и глянула через плечо. Бракс уже слез с байка, его руки лежали на бедрах, даже отсюда я чувствовала его злость, до меня долетали грубые слова, его лицо со шрамами при свете фонаря выглядело еще более злым.

— Что за черт, брат, — сердито сказал Бракс. — Ты что сошел с ума? Харпер?

Если гнев Бракса был виден даже через парковку, то Кейн казался чертовски спокойным, с него скатывались волны, как при шторме, но эти волны были тихими.

Кейн опустил голову, посмотрел на Бракса. Сурово. Тихо. Авторитарно.

— Не здесь, брат. Не здесь.

Бракс потер голову, выругался и сел на свой байк. Даже отсюда я чувствовала напряжение между братьями, тяжелое, как мокрое одеяло. Кейн оглянулся, кивнул и улыбнулся мне, направляясь к своей машине. В течение нескольких секунд оба испарились из поля зрения.

Я провела ключ-картой по двери и вошла внутрь. В доме Дельт было темно, похоже, еще никто не вернулся. Пока я готовилась ко сну, Кейн неумолимо занимал все мои мысли. Интересно, разрешили ли они с Браксом свои разногласия? Почему вообще Бракс так переживал из-за меня? Неужели Кейн был опасным на самом деле, и в реальной жизни он просто умел мастерски перевоплощаться? Ведь я и сама мастер перевоплощений. Так почему он не может быть таким же?

Забравшись в постель, я лежала и смотрела в потолок, наблюдая за тенями от лампы, которая горела у меня на прикроватном столике. Внезапно на меня обрушились воспоминания сегодняшнего вечера, проведенного на обрыве с Кейном: то, как его губы ощущались на моих губах, каким мягким и бархатистым был его язык. Даже сейчас, лежа в постели, спустя столько времени, у меня бегали мурашки по коже. Как вообще ему удалось вызвать во мне столько новых ощущений одновременно?

Вдруг мой мобильный на прикроватном столике завибрировал. Я протянула руку, взяла телефон, но хотя номер мне был незнаком, текст показался до боли родным. Это был Кейн.

КЕЙН: ЭЙ, ТЫ УЖЕ СПИШЬ?

Мое сердце забилось быстрее, когда я прочитала смс.

Я: ЕЩЕ НЕТ. У ВАС С БРАКСОМ ВСЕ В ПОРЯДКЕ?

КЕЙН: ДА, ОН ПЕРЕЖИВЕТ. ТЫ ЗАНЯТА ЗАВТРА ВЕЧЕРОМ?

Я тут же подумала о своем ужасно загруженном графике перед днем Благодарения.

Я: ДО ЧЕТЫРЕХ — ДА. А ЧТО?

КЕЙН: ВСТРЕТИМСЯ В ТВОЕМ ЛЮБИМОМ ПАРКЕ. И ВОЗЬМИ С СОБОЙ ФОТОАППАРАТ.

От одной лишь мысли о том, что Кейн хочет увидеть меня снова, у меня участилось дыхание.

Я: ХОРОШО. А ФОТОАППАРАТ ЗАЧЕМ?

КЕЙН: УВИДИШЬ. КСТАТИ, МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛСЯ СЕГОДНЯШНИЙ ВЕЧЕР.

Улыбка тут же подкралась к моим губам, и даже несмотря на то, что рядом никого не было, у меня покраснели щеки и шея.

Я: ПОЧЕМУ ЖЕ?

КЕЙН: ПОТОМУ ЧТО МНЕ ОЧЕНЬ ПОНРАВИЛОСЬ ТЕБЯ ЦЕЛОВАТЬ.

И вот опять волна жара прокатилась по моему телу, застав меня врасплох. Я снова улыбнулась. Эти две вещи были так непривычны.

Я: МНЕ ТОЖЕ ПОНРАВИЛОСЬ ЦЕЛОВАТЬСЯ.

Не успела я отправить смс, как телефон зазвонил. Это был Кейн.

— Я просто обязан еще раз услышать твой невероятный акцент, — сказал он.

Я смущенно рассмеялась.

— Ты сумасшедший.

— Спокойной ночи, Харпер.

— Спокойной ночи, Кейн.

— Не забудь, — сказал Кейн прежде, чем я успела повесить трубку. — Завтра в четыре, в парке.

— И не забыть фотик, — добавила я. — Я буду.

Мы отсоединились, улыбка на моем лице казалась такой чужой, нереальной. Когда это пари успело возыметь надо мной такой эффект? На самом деле, если мне удастся заставить Кейна бросить ставки, это будет просто стопроцентная победа. Но я как-то не рассчитывала на то, что он мне на самом деле понравится.

А он понравился. Удивительно, но это так.

На следующий день мой обычный график не позволял мне передохнуть ни секунды. У меня была встреча по организации предстоящего вечера Быстрых свиданий и еще одна по ближайшему дню выпечки. Я потратила два часа на подготовку к экзаменам по литературе и математике. Все это время, однако, в моей памяти то и дело всплывали образы губ Кейна на моих губах, таких голодных, незнакомых, пробующих мои губы, мой первый поцелуй. От этих воспоминаний у меня помимо воли возникала мечтательная улыбка на лице, которую Мерфи несколько раз заметила. Во время встречи по организации дня выпечки я только и думала, что о прошлом вечере с Кейном на краю обрыва, о соснах, окружающих нас, о прохладном ночном воздухе, окутывающим нас как одеяло, о его губах на моих. У меня снова побежали мурашки по коже, сердце забилося как бешеное, я изо всех сил боролась с улыбкой.

— Иисус, Мария и Иосиф, — прошептала мне на ухо Мерфи. — Выражение твоего лица наполняет меня чистейшим ужасом, — она

посмотрела на меня, долго вглядываясь в мои глаза. — Ты что заболела?

— Вовсе нет.

— Что ж, отлично, можем мы тогда продолжить с этим? — она ткнула лист мне под нос. — Что ты думаешь об этом для дня выпечки?

Я быстро просмотрела список. Печенье с шоколадной крошкой. Это даже не обсуждается. Я поставила галочку красным маркером напротив печенья. Мятный шоколадный пирог. Галка. Замороженный десерт с сиропом. Галка. Имбирное хрустящее печенье. Галка. Ром. Ром? Я посмотрела на Мерфи, она хитро улыбнулась.

— Просто проверяю, здесь ли ты, — сказала она и дотронулась пальцем до моего лба. — Выглядишь так, как будто потерялась в Нигделандии, — затем у нее округлились глаза. — Чтоб мне провалиться! Он тебе нравится!

— Ром вычеркиваем, а с остальным я согласна. погоди, о чем это ты говоришь?

— Ты влюбилась в свой объект, — тихо сказала она. — Ты, маленькая распутница.

Я ничего не могла с собой поделать, поэтому просто смотрела на нее, молчала и моргала.

— Попалась — подытожила она. — Молчишь, как обычно. Отлично. Что ж, не знаю, как там у тебя, а вот я встречаюсь со своим пари-парнем сегодня в МакЭлвисе за парой стаканчиков, — она наклонила голову. — Так что кроме тошнотворной улыбки на твоём лице, которая ни на секунду не исчезает, как у тебя дела с Кейном? — Мерфи нахмурила брови. — Реформация полным ходом?

— Ээээ, да, — запнулась я. — Он...он поразительно быстро продвигается, быстрее, чем я думала.

— Джош заедет за мной после шести, — объявила она. — Поговорим о быстроте. Мне даже удалось заставить его бросить пить ужасно крепкий черный кофе, который пьют все остальные.

Мы рассмеялись, Мерфи склонила голову набок.

— Что-то в тебе изменилось, мисс Бель, — на её лице тут же появилась улыбка Гринча. — Мне это очень нравится.

— Почему бы тебе не держать это при себе, а? — поддразнила её я. — Ты ведь не хочешь разрушить мою репутацию.

Мерфи сжала губы и повертела пальцами в воздухе, имитируя закрывающий ключ.

— Это останется при мне, обещаю, — она рассматривала меня. — Итак, ты ещё не передумала, все-таки поедешь домой? — спросила она,

склоняя голову. — Ты в любую секунду можешь передумать и поехать со мной, ты же знаешь.

Я улыбнулась. По-настоящему. Мерфи и вправду добрая душа.

— Спасибо, Мерф, но да, я не передумала. Меня ждут дома на День Благодарения. Нужно много чего сделать до Рождества, — я снова улыбнулась, на этот раз фальшивой улыбкой, ненавидя себя за это. — Семейная традиция.

— Ясно, — ответила Мерфи. — Но мое предложение все еще в силе.

— Спасибо, Мерфи, — я глянула на часы. — Ой, мне пора бежать.

Мерфи заплела косу из челки и заложила косичку за ухо, затем улыбнулась и бросила мне вслед:

— Могу поспорить, ты бежишь к нему, милая. Куда вы поедете?

Я повернулась и пошла к выходу, затем бросила ей через плечо:

— Увидимся позже, Мерфи, — и помахала ей рукой.

— Чепуха, — только и ответила она.

Я вовсе не собиралась посвящать ее во все свои дела с Кейном, ну, по крайней мере, пока. Все это в принципе было мне в новинку, то, что происходило сейчас, казалось мне за гранью фантастики. Да я даже не уверена была, что поступаю правильно. Хотя, как только я переоделась в свою единственную повседневную вещь — спортивный костюм — мои мысли просто сошли с ума, я с нетерпением ждала этой встречи в парке. Просто предвкушение встречи... хм, что ж, я была на пределе. Я быстро натянула кроссовки, надела спортивную куртку, заплела волосы в косу, взяла фотоаппарат и выбежала из комнаты.

Когда я приехала, Кейн уже был в парке. Я слегка удивилась, потому как он стоял возле машины скрестив руки на груди, а двигатель все еще работал. Я повесила фотик на плечо и закрыла машину. На Кейне были зеркальные солнцезащитные очки, так что глаз его мне не было видно, однако он улыбнулся очень заразительно, затем оттолкнулся от машины и пошел мне навстречу.

Когда он подошел, я не могла сдержать свою улыбку.

— Привет...

Он подошел вплотную, обхватил мою голову руками, наклонив под нужным углом, и накрыл мои губы своими губами. Глотая мое приветствие. Пробуя на вкус мои губы. У меня задрожали коленки. Его высокая фигура полностью поглотила меня, переполняя, мне так нравился его запах — сосны, мыла и кожи.

— Привет, — сказал он, отпуская меня. — Я весь день только об этом и думал.

— О, — сказала я, слегка задыхаясь. Он все еще стоял рядом, я видела свое отражение у него в очках. Я опустила глаза и заметила, что на груди у него висит маленький серебряный медальон. Я взяла его в руку, он был холодным, и посмотрела на Кейна.

— Компас?

Он глянула на меня сверху вниз и кивнул.

— Бракс подарил на мой двадцать первый день рождения, чтобы я всегда знал, как найти правильный путь, — он усмехнулся. — Похоже, он все еще ждет, что я его найду.

Такой значимый подарок, подарок от брата брату. Я не знала, что еще сказать, поэтому просто кивнула.

— Почему ты не заглушил мотор?

Улыбка снова засияла на его лице, он склонил голову.

— Это сюрприз, поехали, пока солнце не село.

Он довел меня до пассажирского сиденья, открыл дверцу и помог сесть, затем закрыл за мной дверцу и, обежав вокруг машины, сел на водительское место.

Когда мы выехали из парка, я села вполоборота, чтобы видеть его лицо.

— Откуда ты знаешь столько всяких мест, хотя ты даже здесь не живешь?

Кейн рассмеялся, и я вдруг поняла, что мне очень нравится, когда он смеется.

— Оливия знает все классные места. Здесь недалеко.

— Мне больше нравится, когда ты без очков, — призналась я.

Кейн тут же снял солнцезащитные очки и посмотрел на меня.

— Это почему же?

Я пожала плечами, слегка смутившись.

— Я тебе еще раньше призналась, что твои глаза могут о многом сказать, — я улыбнулась. — Когда твои глаза спрятаны за очками, я чувствую, что не вижу настоящего тебя.

Медленная, лукавая улыбка тут же расплылась на его лице, он продолжал смотреть прямо перед собой.

— Тебе нравятся мои глаза?

Жар тут же окутал мои щеки.

— Ну конечно мне нравятся твои глаза.

Кейн усмехнулся, и уже в следующую секунду мы свернули на проселочную дорогу. Небольшая вывеска была прибита на высокой сосне: “ЗАПОВЕДНИК ХЭНКОК”.

— Оливия сказала, здесь есть красивое озеро. Дикая природа, — он глянул на меня. — Я подумал, здесь тебе удастся сделать несколько крутых снимков.

— Я даже не предполагала, что здесь может быть озеро, — медленно сказала я, оглядываясь вокруг. На больших грушах все еще висели кучи листьев, но все они были разного цвета: кое-где еще зеленые, красные, желтые и что-то среднее. Озеро было чуть ниже, к нему вела аккуратная тропинка.

— Что ж, давай-ка прогуляемся, — сказал Кейн, и мы пошли по тропинке к озеру. Он держал меня за руку, пока мы шли, и когда мы достигли берега озера, он тут же нашел идеальных кандидатов для фото.

Я молча присела на корточки рядом с водой, чтобы снять перевернутые кверху дном лодки. Здесь же нашлась птица, затем белка. На дальнем конце озера рыбачили двое мужчин. Я сняла и их, потому как освещение было очень подходящим.

— Можно мне попробовать? — спросил Кейн.

Я передала ему фотоаппарат.

— Это старая модель, я поставила его на ручную фокусировку. Ты же знаешь, как наводить фокус? Потом вот сюда нужно нажать, чтобы сфотографировать, — я показала ему кнопку, и он кивнул. Кейн поднял фотоаппарат, смотря через объектив в поисках того, что можно запечатлеть, затем навел камеру на меня.

— Замри, — сказал он, и я тут же спрятала лицо. — Харпер.

Я вздохнула, отняла руки от лица и посмотрела на него. Он сфокусировался и сделал снимок. Затем улыбнулся.

— В жизни еще краше.

— Перестань, — сказала я и забрала фотоаппарат.

Мы шли до тех пор, пока солнце не спряталось за макушками деревьев, я сделала еще несколько снимков, включая фотографию Кейна, о которой он не знал, пока не щелкнул затвор, тогда он посмотрел на меня, улыбнулся и покачивая головой сказал:

— Что ж, если уж это не сломало линзы, то больше им ничего не грозит, — он переплел свои пальцы с моими. — Почему бы тебе не заняться фотографией, раз тебе так нравится?

— Ну, — сказала я, тут же ощутив старое доброе чувство загнанности, всякий раз я чувствовала одно и то же, когда дело касалось моей семьи, — право... семья вроде как ожидает этого от меня, семейный бизнес, все такое.

Кейн посмотрел на меня сверху вниз, и его глаза казались полностью

черными в полумраке.

— Ты всегда делаешь то, что говорит тебе твоя семья?

— Да, — ответила я, ни секунды не колебавшись. — То есть, это ведь хорошая карьера.

— Хм... — он внимательно посмотрел на меня. — Помнишь про наш уговор?

— Да, — снова ответила я.

— Хорошо, спрошу по-другому. Уинстон был твоей идеей или это решение семьи?

Мы все еще шли по тропинке, обратно к машине. Кейн теперь шел за мной.

— Хм... — сказала я, пытаюсь подобрать слова так, чтобы не соврать, но похоже не смогла. — Это было наше общее решение, — в конце концов выдавила я из себя. — Это... это был правильный выбор, — тропинка закончилась, Кейн развернул меня к себе. — Я правда рада, что я здесь. Мне нравится Уинстон. Хороший университет.

Далеко, далеко от дома семейства Бель.

Кейн несколько секунд изучал меня.

— Во вторую часть я верю, — мягко сказал он и приподнял мой подбородок, затем наклонился ко мне и застыл, его губы напротив моих губ, мы делили дыхание, но губы не соприкасались, затем он поцеловал меня, мягко и нежно.

— Я чувствую, что-то скрывается внутри тебя, кто-то положил это туда, — сказал он, закончив поцелуй.

У меня перехватило дыхание, я не могла ничего сказать. Его алебастровая кожа идеально ровного тона, только лишь ресницы и глаза цвета кофе выделялись на его лице.

— Я хочу освободить это, Харпер, — сказал он и снова поцеловал меня.

Я выдохнула, он проглотил мой выдох, привлек меня к себе, и в эту самую секунду я изо всех сил хотела, чтобы он освободил меня, чтобы у него вышло.

Чтобы он спас меня.

Чуть позже, тем же вечером, когда Кейн высадил меня в парке и поехал по своим делам, я вернулась в кампус и, лежа в кровати, рассматривала сделанные снимки. Когда дошла до фото, которое сделал Кейн, я в изумлении замерла. С маленького экранчика на меня смотрела девушка с большими глазами, мягкими и мерцающими, и вовсе не как у инопланетянки, как мне всегда раньше казалось. Уголки губ были слегка

приподняты, от этого черты моего лица казались мягче. Я знала, что это преобразование было связано с тем, кто делал снимок. Меня это поразило.

Я пролистала дальше, пока не дошла до снимков, на которых был Кейн. Дымчатые глаза смотрели на меня так, как никто никогда не смотрел.

Когда я отложила фотоаппарат и закрыла глаза, последняя фотография все еще стояла перед глазами. Я видела его, Кейна, видела его глаза. И узнала в нем то, что, по его словам, он узнал во мне.

Страх.

10. Одна

Слова Кейна преследовали меня с тех пор, как он произнес их. Так же как и его поцелуи, прикосновения, его искренность и вообще восприятие мира. Я не могла перестать думать о нем. Он вообще реальный? Смогу ли я когда-нибудь довериться ему так, чтобы рассказать о себе всю правду? Все так запутано, так пугающе... Почему бы мне не довериться тому, у кого все распланировано в жизни? Почему я сама себя заставляю испытывать боль, которую раньше никогда не испытывала?

Я вытянула ноги, сидя на скамейке в парке Ковингтон, как делала почти каждое утро своей жизни. Сегодня было холодное утро; при каждом выдохе в воздух выпускались белые облачка. Я натянула шапку на уши и сделала несколько движений. Холодный воздух проник сквозь мою флисовую куртку и коснулся кожи. Я тут же спрятала руки в карманы, чтобы согреться.

— Ты ведь не начала без меня?

Я подпрыгнула от неожиданности, услышав голос Кейна, но испуг тут же сменился сильным сердцебиением и резким учащением дыхания. Он припарковался на другой стороне озера и прибежал ко мне. Прямо сейчас длинные ноги несли мускулистое тело напрямик ко мне, он, не останавливаясь ни на секунду, сразу же взял мое лицо в свои руки и припал губами к моим губам. Я никак не могу привыкнуть к его поцелуям; мне их всегда мало. Его руки переместились с моего лица на талию, он углубил поцелуй и притянул меня ближе. Я тут же вытащила руки из карманов и теперь обнимала его за шею.

Это получилось само собой, как будто я знала, что делаю.

Но я не знала.

Кейн прикусывал мою нижнюю губу и от этого адреналин стучал в моих ушах. Когда я открыла глаза и посмотрела на него снизу-вверх, на безупречные черты лица, заглянула в его кофейные глаза, мои коленки стали как желе. Я даже обрадовалась, что он держит меня.

— Я просто сойду с ума за время праздников. Ты уверена, что не хочешь поехать вместе с нами к Оливии на День Благодарения? — спросил он. Его черные, идеальной формы брови изогнулись дугой, шапка, в которой он был, слегка прикрывала их. — Ты же знаешь, твои секреты в безопасности, — он подмигнул мне. — И, конечно же, обещаю поцелуи. Много поцелуев.

— Очень соблазнительно, но... — я вздохнула и отвела глаза, чтобы он не смог увидеть в них то, что я не хотела. — Мне нужно поехать домой, Кейн.

В первый раз, хм... да, в первый раз за всю свою жизнь я не хотела ехать домой. Это пугающе, особенно если признаться самой себе, что я бы предпочла остаться с Кейном. Мы знакомы совсем недавно. Более того, мы толком друг друга не знаем. Однако я не могу отрицать влечение, сильнейшее притяжение к нему. На уровне инстинктов, без всяких прикрас, я чувствовала это так же, как и биение своего собственного сердца.

Опять же, не стоит забывать о его временном статусе, не говоря уже о скользких делишках. Эти факты вернули мне устойчивость. Я не могу не поехать домой, даже если мне очень хочется. Меня ждут. В этом вопросе у меня просто нет выбора.

Он снова поцеловал меня, я вдохнула его запах — сосны и шампуня. Поцелуй прервал ход моих мыслей.

— Я понял, хорошо, а я могу звонить тебе? — спросил он.

Мы потихоньку начали бежать, делая первый круг вокруг пруда.

— Я бы хотела, чтобы ты мне звонил.

— А я могу тебя увидеть до твоего отъезда?

Я посмотрела на него и заметила, что от нашего дыхания воздух превращается в белые облачка.

— А этого я бы хотела еще больше.

Мы закончили пробежку, мне легко было представить Кейна МакКарти в другом измерении, в другом мире. Там, где мне не нужно было бы прятаться от всех, чтобы видаться с ним. Там, где бы у него не было незаконных занятий. И наконец, там, где мы могли бы провести праздники вместе. Это было что-то новенькое. Новенькое и очень опасное для воплощения в реальность. Он приподнял мой подбородок и снова поцеловал меня. Я уже даже привыкла ощущать его губы на своих губах. Мне хотелось этого снова и снова — чтобы поцелуи не прекращались. Еще одна опасность, тут же подумала я.

— Не хочу тебя пугать или еще что-то, — сказал он. — Но я буду скучать по тебе, Харпер Бель.

Я почувствовала, что покраснела.

— Я тоже буду скучать по тебе, Кейн МакКарти.

Больше всего на свете в эту минуту я хотела, чтобы мне не нужно было куда-нибудь уезжать.

* * *

Я только закончила собирать вещи, как на прикроватном столике завибрировал мой телефон. Это было смс от Кейна.

КЕЙН: ГДЕ/КОГДА ВСТРЕЧАЕМСЯ? Я ЗДЕСЬ УМИРАЮ. И УЖАСНО ХОЧУ ЕСТЬ.

Я улыбнулась и вздохнула. Я могла слышать его акцент даже через смс. Он казался мне таким уникальным, искренним, опасным, но... нет. Я уже думала об этом.

Я: РЕСТОРАН РИДЖВЬЮ. СРАЗУ ЗА КОВИНГТОНОМ. СПРАВА БУДЕТ УКАЗАТЕЛЬ. ТЫ НЕ ПРОПУСТИШЬ ЕГО.

КЕЙН: ЧЕРЕЗ 30 МИН?

Я: СПОРИМ, Я ПРИЕДУ ПЕРВАЯ :)

КЕЙН: ТЫ СНОВА УЛЫБНУЛАСЬ. МНЕ ЭТО ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ. УВИДИМСЯ ЧЕРЕЗ 30 МИН.

Я положила телефон в свою маленькую сумочку и еще раз окинула комнату взглядом. На всякий случай снова пересчитала деньги, которые взяла из шкапулки, чтобы убедиться, что этой суммы мне хватит, пригладила полы пиджака, прежде чем повесить на плечо сумочку, затем закрыла дверь на ключ и стала спускаться по лестнице вниз. Другие девушки уже уехали, Мерфи раньше всех, еще вчера вечером. В кампусе всегда становилось жутко тихо во время праздников, когда все разъезжались по домам. Оглушительная тишина, от которой звенело в ушах. Почти призрачная.

Иногда мне хотелось просто остаться и насладиться ею.

Установив сумки на заднем сиденье Лексуса, я села в машину, завела мотор, глянула еще разок на дом Капп и поехала к воротам. Вскоре я уже была на полпути от Ковингтона.

Кейн, конечно же, выиграл, приехав первым, и когда я свернула на парковку у ресторана, он уже стоял возле своего пикапа и ждал меня. Темные очки скрывали его глаза. Как всегда в кожаной куртке, потертых джинсах и сапогах. Ветер трепал его волосы.

Идеально.

Его губы тут же растянулись в улыбке, хотя глаза были спрятаны за темными очками, я прекрасно знала, что он наблюдает за мной. Я припарковалась, заглушила мотор и вышла из машины. Он был тут как тут, притянул меня к себе и поцеловал, я просто наслаждалась этим. Слишком привыкла к его поцелуям.

Кейн отстранился и поцеловал меня в лоб, снял очки. Хотя у него было

веселое настроение, глаза говорили обратное. В них явно читалась грусть.

— Давай поедим.

Внутри была лишь пожилая пара, устроившаяся за небольшим столиком ближе к камину. Кейн провел меня через зал к уютному столику с соснами, горами и тополями на стене, и я села на диван. К моему удивлению, он сел рядом со мной и обнял меня за плечи.

— Все порядке?

Я кивнула.

К нам подошла официантка — высокая женщина средних лет со светлыми волосами. Кейн заказал горячий шоколад и посмотрел на меня.

— Ты будешь, Харпер?

Я не решалась. Не привыкла к тому, что мне что-то покупают, но официантка стояла и терпеливо ждала моего ответа, а я не хотела выглядеть странно.

— Да, буду.

— Отлично, вы пока посмотрите меню, а я сейчас вернусь с вашими напитками, — официантка ушла, Кейн поблагодарил ее, затем опустил голову и пристально на меня посмотрел.

— Тебя что-то беспокоит?

И вот опять, это чувство вернулось. Обычно я ем один раз в день, чтобы сэкономить деньги. В своей комнате я храню бананы и яблоки, в общем все, что не нужно хранить в холодильнике, покупаюсь один раз в неделю. Я не трачу деньги на латте и горячий шоколад. Моя жизнь кажется обычной и нормальной... пока кто-нибудь не заглядывает в нее.

И вот тогда моя жизнь кажется странной. Очень-очень странной, даже ненормальной. И вовсе не обычной.

Я приклеила на лицо улыбку.

— Все в порядке, правда.

Он изучал меня молча. Парень, который понимал больше, чем я думала. Я знаю, что он не купился на мою ложь, но и не указал мне на нее. За это я была ему благодарна.

Кейн раскрыл меню, и мы вместе просматривали список. Он выбрал гамбургер, я — небольшую тарелку домашнего супа. Он посмотрел на меня.

— Харпер, — тихо сказал он после того, как официантка ушла. В его глазах явно читалось беспокойство. Еще одна вещь, к которой я не привыкла. — Ты ешь как птичка. Разве ты не голодна?

— Супа будет вполне достаточно, чтобы утолить голод на всю дорогу до дома, — быстро ответила я. — Дома столько всего будет наготовлено,

мне нужно оставить место, — я улыбнулась. — Тем более что суп теплый и вкусный, — я сделала глоток шоколада. — Всё в порядке, правда.

— А может, это от того, что тебе не нравится, как я зарабатываю деньги? — спросил Кейн.

Я подумала пару секунд.

— Да. А также потому, что я в принципе мало ем, вот и все.

Он улыбнулся.

— Похоже, я просто привык к Оливии. Боже, эта девушка умеет есть.

Я помню, что она много ест.

Я помню также, что в какой-то мере завидовала ей.

Когда принесли нашу еду, мы начали есть в тишине, которая вовсе не была неловкой. Я чувствовала, что Кейн думает обо мне и о моих причудах, о Дне Благодарения, о том, что он проведет его с Браксом и Оливией, а я... я буду далеко. Вскоре мы поели, на выходе Кейн взял две мятные конфетки на столике хостес из маленькой плетеной корзинки. Он протянул мне одну, мы оба развернули конфетки и положили в рот. Когда мы вышли из ресторана, Кейн положил руку мне на плечо и притянул меня к себе. Мне нравилось это ощущение — тепла, защищенности. Я боролась с желанием погрузиться в него целиком, забыться и все рассказать — всю правду. Боролась с желанием остаться, поехать вместе с ним к Оливии и провести День Благодарения с ним. Посмотреть, как это... быть нормальной.

Но я не сделала ничего из перечисленного.

Когда мы подошли к машине, Кейн повернул меня к себе, его руки скользнули на мою талию. Прикосновения пробудили что-то во мне — огонь, жар, желание, все это было мне в новинку. Я понимала это, но не знала, как вести себя. Он наклонил голову и поцеловал меня, я почувствовала привкус мяты от конфеты, которую он недавно съел.

— Я и не рассчитывал встретить тебя, Харпер Бель, — тихо сказал он. — Ты появилась из ниоткуда.

Я просто смотрела на него, удивляясь его словам.

В его глазах я прочитала больше: я видела, что он хотел сказать мне что-то еще, но не сказал. Может быть, для тех слов, которые он собирался сказать, было слишком рано? Может быть, он не был во мне уверен? Так же, как и я в нем. В любом случае, он вновь поцеловал меня, и на этот раз я позволила себе вдохнуть его, полностью отдаться поцелую и впустить Кейна. Он застонал и углубил поцелуй, а я встревожилась из-за того огня, который разгорелся внутри меня.

— Позвони мне, как доедешь домой, хорошо? — сказал он и поцеловал меня в нос. — Езжай осторожно и берегись лихачей.

Я улыбнулась, и мне кажется, у меня потрескалось лицо от мороза.

— Хорошо. Ты сделай тоже самое.

— Оливия будет за рулем, Слава Богу, — поддразнил он меня. — А она королева безопасности.

Отъезжая от Риджвью, я смотрела на Кейна, а он смотрел на меня. Ноги на ширине плеч, руки в карманах, волосы торчат во все стороны. Он стоял так, пока я не выехала на дорогу. Сделав это, я выдохнула. Зачем я задерживала дыхание? Хотела сохранить в тайне от Кейна свое истинное состояние? Почему он стал так важен для меня?

Я не ожидала, что могу чувствовать такие вещи. Интересно, а если я поцелую незнакомца, почувствую то же самое? Те эмоции, что и сейчас, это огненное желание. А может быть, это было из-за него? Или из-за того, что мы связаны, но мне было слишком страшно проверять. Слишком страшно признать.

В моей жизни много ужасного случилось, и это чувство внутри меня, я не хотела показывать его никому, никому и никогда. Слишком много боли преследовало меня. Боль просто поглотила меня. Она никогда не уйдет, а вешать ее на кого-то другого я не хочу.

Я ехала и ехала, и когда проехала ровно полпути от Уинстона до дома Бель, мое беспокойство стабилизировалось. Я знала, что это не продлится долго; это ощущение только из-за того, что я была на середине пути. Здесь от меня никто и ничего не ожидал. Я была не в университете, где все думали, что я избалованная богачка, родившаяся с серебряной ложкой во рту. И так же я не была в доме Бель, где я на самом деле не Бель, а кто-то вроде нежеланного ребенка, вроде сироты. Ошибки. Бракованного товара.

На полпути, на середине, я могу быть собой. Здесь никому не было дела до моей внешности. Здесь никто не спрашивал, есть ли у меня деньги. Ни одна душа не думала, что мои родители были наркоманами. Все это было из-за меня. Моя вина.

Здесь, я была собой. Я могла дышать, и я дышала.

11. Дом

После семи часов езды из Уинстона, когда последние закатные лучи коснулись макушек сосен, тополей и груш, вдали показался поворот к дому Бель. Мне даже не нужно было включать сигнал поворота, здесь никто не ездил. Никогда.

Я свернула с главной и поехала по узкой дороге, которая вела вверх, ее обочина была засажена низкими кустарниками. Ветки деревьев повыше хлестали по машине, словно пальцы, пытающиеся затянуть меня в глубь леса. Мое дыхание участилось, и я поехала быстрее. Гравий вперемешку с хвоей вылетали из-под колес. Я всегда ненавидела эту дорогу. Ненавидела все.

Наконец, дорога перестала идти вверх, я приехала к вершине холма, на котором важно стоял дом Бель. Темные окна дома напомнили мне о беззубом старике, улыбающемся из темноты. Фары осветили входную дверь, темные окна со шторами без единого огонька внутри. Фонарные столбы на подъездной аллее возле дома тоже не горели. Последствия прошлогодней бури все еще были разбросаны по газону и террасе: сосновые ветки, иголки, шишки. Я припарковалась возле террасы, тяжело вздохнула, заглушила двигатель и вышла из машины. С заднего сиденья забрала сумку, фонарик, закрыла дверцу и пошла ко входу.

Кто бы мог подумать, что в таком большущем и великолепном особняке как дом Бель, ключ от входной двери будет храниться под ковриком? Это смешно, но, когда я отвернула уголок коврика, ключ лежал на том самом месте, где я его оставила. Я наклонилась, взяла ключ и сунула его в замочную скважину. Уже почти год прошел с тех пор, как я была здесь в последний раз.

Я протянула руку вперед, первым делом нащарила выключатель, щелкнула им и свет залил комнату, только тогда я вошла внутрь, закрыла за собой дверь и выключила фонарик.

Дом.

По пути в гостиную я щелкала каждым выключателем, пока дом не залился светом. Мебель казалась призраками, окутанными белыми простынями в ожидании новой жизни. Но этого не случится. Я быстренько пробежалась по остальному дому, открывая все двери, щелкая каждым выключателем, зажигая каждый светильник — кроме третьего этажа. Я стояла между вторым и третьим этажом, глядя вверх. Сердце тут же

забилося быстрее, в голове слышался шепот, я зажала уши руками, чтобы остановить его. Никогда, никогда в своей жизни я не поднимусь туда. Туда, где была эта комната. Туда, где стоял этот маленький, тесный шкаф — не больше того холодного, кухонного, в котором я когда-то пряталась. Нет, ни за что в жизни. Перед глазами стали мелькать сцены из прошлого, мое дыхание участилось.

— Нет! — закричала я. — Прекратите!

Я развернулась и побежала вниз так быстро, как только могла.

После того, как весь свет в доме был включен, я подошла к камину. Опустила сумку на пол и уложила несколько поленьев на решетку, размещала осмол и зажгла его длинной спичкой, через пару минут поленья занялись огнем, стали потрескивать. Я сидела и смотрела, как разгорается огонь. Запах горящего дерева успокаивал меня.

Снаружи поднялся ветер, разные звуки доносились снаружи, мои мысли роились в голове как сумасшедшие. В особенности, мысли о Кейне, о том, как бы я хотела, чтобы он был сейчас здесь, со мной. Но он не может и никогда не сможет. Ведь если он будет здесь, значит, узнает все мои секреты, все мои ночные кошмары. А я не хочу, чтобы он узнал. Мои мысли перекинулись на дом — этот огромный пустой особняк, в котором была лишь я. И больше никого. Никого, кроме меня. Перед тем как ехать сюда, я предварительно позвонила, чтобы в дом вернули электричество, потому что терпеть не могу темноту, ведь мне вовсе не хотелось, чтобы кто-то в Уинстоне узнал, кто такая на самом деле Харпер Бель. Сумасшедшая сирота с мертвой семьей. Мертвы все, все кроме Коринн Бель, которая где-то полтора года живет в доме для престарелых в Оаквью, носит подгузники для взрослых и ест через трубочку, проведенную прямоком в ее желудок. Тем не менее, у нее была я. Все еще ее узница. Дом Бель? Всю прислугу уволили. И это необитаемое место достанется мне после смерти бабушки. Мне это было не нужно. Мне ничего не нужно от Коринн Бель. Но она удостоверялась, чтобы все было именно так.

Кроме инсульта и увядающего здоровья Коринн Бель больше ничего не осталось. Ничего, кроме гигантского счета в банке и фамильного имени Бель, уважаемого и высоко почитаемого. Это было мое наказание, мое наследство. А завтра, в день Благодарения, я покорно поеду в Оаквью, чтобы навестить Коринн Бель. Она вбила мне в голову с моих самых первых дней в доме, что мне выпала честь жить под ее опекой и носить ее фамилию, а также вне зависимости от величины ее богатства, я не заслуживаю даже пенни, и в один прекрасный день должна буду вернуть ей все, что она потратила на меня за эти годы. Она одевала меня в брендовую

одежду — конечно же, Бель не может выглядеть по-другому. Купила мне Лексус. Но на этом все.

Именно поэтому я стараюсь тратить как можно меньше. Чтобы отплатить ей, отдать все деньги обратно. В противном случае она меня запрет в темной комнате без одежды и еды, откуда никто, никто и никогда не сможет меня вызволить. А еще она сказала, что я неадекватная, с психическими отклонениями и, если бы я оказалась в детском доме, меня бы никто не взял. И если я хотела жить, жить нормальной жизнью, то мне следовало молчать о своем прошлом, прятать себя настоящую от всех. И если кто-то узнает, она тут же поместит меня в психбольницу подальше, где никто не знал, кто я такая. Поэтому я скрывалась, прятала себя настоящую от всех, даже после ее инсульта. Потому что даже сейчас, в ее беспомощном состоянии, она до чертиков пугала меня. Каким-то образом она до сих пор знала о каждом моем шаге. А что если она не одобряет то, что я делаю? Или даже считает грехом? Тогда будут *последствия*.

Я открыла сумку и достала телефон. Пропущенный вызов и две смски от Кейна. *Последствия точно будут, если Коринн Бель узнает про Кейна.*

Она не узнает. Я сделаю все для этого.

КЙЕН: ТЫ ДОБРАЛАСЬ? ПОЖАЛУЙСТА, ДАЙ МНЕ ЗНАТЬ, КАК ТОЛЬКО ДОБЕРЕШЬСЯ.

КЕЙН: ХАРПЕР? ПОЖАЛУЙСТА, СКАЖИ, ЧТО С ТОБОЙ ВСЕ ХОРОШО.

От его слов у меня мое сердце екнуло, мне так захотелось позвонить ему, услышать его голос. Вместо этого я послала ему сообщение о том, что не было связи и я добралась хорошо. Прежде чем он успел написать мне еще что бы то ни было, я выключила телефон и положила его в сумку. Из сумки я достала пару тонких одеял, расстелила одно на полу у камина, а второе свернула в трубочку наподобие валика, затем достала бутылку воды и сэндвич, который купила в кафе, а также книгу “Чувства и чувствительность”. Села на одеяло и погрузилась в чтение, поедая свой ужин.

Через некоторое время я легла, положив книгу на грудь, обложкой вверх, затем повернула голову к камину и закрыла глаза, перед глазами тут же возник образ Кейна: точеное лицо, красивое, с безупречной кожей. Безусловно, я не рассчитывала встретить его. Такого притягательного, с глазами цвета кофе, которые казались всезнающими. Я позволила подобраться ко мне слишком близко. Как это случилось? Ведь я была всегда такой осторожной. Все, что мне нужно... это он. Я почувствовала его губы на своих губах, почувствовала желание, мне явно слышался его

запах, прикосновения и даже его голос. Так вот как я буду себя чувствовать, когда он покинет Уинстон? Буду ли я так же хотеть его? Полностью прогнав все мысли о сне, мне грозил лишь беспокойный сон, я вдруг подумала, что, наверное, хотела бы вовсе не встречать Кейна МакКарти.

Утро наступило как-то быстро, что само по себе замечательно, темная комната на третьем этаже, как правило, преследовала меня всю ночь во время каждого пребывания в доме, но не в этот раз. После ночи на полу все тело ломило. Огонь в камине практически погас, поэтому я вылезла из-под одеяла и подкинула пару поленьев, чтобы огонь разгорелся вновь, принося с собой тепло.

Яблоко и банан, привезенные с собой, я решила оставить на потом, ведь мне предстоял традиционный обед в день Благодарения, приготовленный персоналом дома престарелых, который я разделю с Коринн Бель. Именно поэтому я проигнорировала урчание в животе и пошла в ванную комнату, находящуюся рядом с кухней. Этой небольшой ванной мне как раз было достаточно, я умылась, заново наложила макияж и причесав волосы завязала их в хвост.

Я внимательно посмотрела на себя в зеркало. А ведь и не скажешь, что я проспала всю ночь на полу в безлюдном, заброшенном старом особняке.

В девять я уже ехала в Оаквью. Я вовсе не нервничала, но как только заехала на парковку, почувствовала напряжение. Я увидела парадные двери одноэтажного здания, прекрасно зная, что там, налево по коридору.

Сделав несколько глубоких, успокаивающих вдохов я вышла из машины. На несколько секунд закрыла глаза, пытаясь взять себя в руки, пытаясь стать хладнокровной и не показывать свои чувства. Ноябрьский воздух подул прохладой, и я пошла напрямик ко входу.

Как только я открыла дверь, запахи старости, мочи и хлорки ударили мне по носу. Я натянула улыбку на лицо, помахала девушкам за стойкой регистрации и пошла напрямик в комнату Коринн Бель. Комната номер тридцать восемь. Дверь была приоткрыта, я сглотнула, вдохнула и вошла внутрь.

— Привет, бабушка Бель.

Ее глаза тут же распахнулись от звука моего голоса, и вскоре она уже смотрела на меня. Я обратила внимание на ее полностью седые волосы, которые кто-то по всей видимости недавно причесал и завязал в аккуратный хвост. Ее мертвенно бледное лицо было испещрено морщинами, лишь только губы выделялись. Я подошла ближе, она не сводила с меня глаз. Это была единственная часть тела, которой она могла

двигать самостоятельно. Глаза казались кусками льда. Я села на стул у ее кровати.

— С Днем Благодарения, — сказала я тихо. Это все мои слова на сегодня, больше не скажу ей ничего.

Коринн Бель смотрела на меня, и я знала, что она ненавидит меня за то, что я приехала, ненавидит саму себя за то, что находится в таком состоянии. Будучи всегда гордой, сильной, властной женщиной, теперь она должна была полагаться на обслуживающий персонал. Я знала, что мое присутствие раздражало ее или мой внешний вид не устраивал, потому как дыхание бабушки участилось. Я наблюдала за тем, как поднимается и опускается ее грудь, все быстрее и быстрее, пока наконец с ее губ не слетел хрип.

Молниеносно я села прямо и положила руки на колени, как будто она ударила меня. Я заставила себя посмотреть в эти ледяные голубые глаза и сказала:

— Просто чтобы ты знала, в этом семестре у меня снова только лишь “отлично”, средний балл 4.0. А еще мое сестринство на благотворительном забеге ко дню Благодарения заработало три тысячи долларов. Деньги отдали бездомным.

Она продолжала пыхтеть, хрипеть и свирепо смотреть.

Меня охватила паника. Я понятия не имела, что ей надо. Знала лишь то, чего хочу сама — убежать и больше никогда не появляться в Оаквью.

Больше никогда не смотреть в эти холодные глаза женщины, которая ненавидела меня, запирала в темной комнате, унижала.

Ненавидя меня, тем не менее, завещала мне все, все до копейки.

Три месяца назад мне позвонил адвокат Коринн Бель и сообщил, что в связи с инсультом, Коринн внесла изменения в свое завещание, оставив все своему единственному родственнику — мне. Я так хотела сказать Коринн Бель, что мне не нужны ее деньги, что я собираюсь вернуть ей все до копейки — то, что она посылала мне, то, что потратила на мое обучение. Я верну. Как-нибудь. Когда-нибудь. Но я верну. Это были «темные» деньги, не принадлежащие мне.

Почему я до сих пор так боюсь ее?

— Вот вы где! Мисс Бель, вы выглядите прелестно, как, впрочем, и всегда!

Я подскочила на стуле от внезапно вошедшей медсестры Коринн Бель — Мисс Бэйкер. Милая женщина пятидесяти лет, она ухаживала за Коринн с самых первых дней. У нее был раздвоенный подбородок, который всегда меня умилял. Она, в свою очередь, всегда приветствовала меня так, как

будто я была куском хлеба с маслом. Если б она только знала.

Тем не менее я улыбнулась:

— С Днем Благодарения, мисс Бэйкер.

— Вы ведь побудете еще немного, я принесу поднос, как только стол будет накрыт, — сказала она, и в ее глазах светилась радость, чему я, собственно, позавидовала. — В этом году все получилось исключительно вкусным!

— Да, мэм, — ответила я, в прошлом году она говорила то же самое. — Спасибо.

Мисс Бэйкер вышла из комнаты, но оставила дверь слегка приоткрытой, от этого я почувствовала себя лучше, спокойнее, ведь если что, я могла быстро выбежать из комнаты. Я посмотрела на Коринн, ее глаза сверкали яростью, я отвела взгляд и молча смотрела на свои руки. Все мои внутренности, казалось, сжались в тугой комок, какая-то часть меня хотела рассказать ей, рассказать о Кейне. Но я знала, что не сделаю этого. Ведь совершенно неважно, что она пережила insult и не может ни двигаться, ни говорить. Она все еще владела мной и прекрасно знала об этом. У нее были обученные люди, обученные наблюдать за мной и при первых признаках неповиновения с моей стороны она пошлет их за мной. Для того чтобы забрать меня в психушку, боже, я вовсе не хочу туда.

Я чувствовала на себе ее взгляд и заставила себя посмотреть на нее. Слезы покатались из моих глаз, я ненавидела себя за то, что не могла их остановить. Я ничего не говорила, ведь уже рассказала ей про свои дела в университете, рассказала про сестринство, про оценки. Я не знала, что еще она хочет знать.

К счастью, вернулась мисс Бэйкер с пластиковым подносом в руках. Поднос был полон еды: индейка, фаршированная кабачками с клюквенным соусом. На отдельной тарелке кусок тыквенного пирога и сладкий чай со льдом.

— Спасибо, — сказала я, принимая поднос и ставя его себе на колени.

— О, тебе еще понадобится вот это, — она улыбнулась и протянула мне пакетик с приборами и салфетками. — Приятного аппетита!

Она проверила питательный насос Коринн, который каждый раз издавал щелчок, когда жидкость по трубке поступала ей прямо в желудок. В дверях, мисс Бэйкер обернулась, нежно мне улыбнулась и сказала:

— Ты такая замечательная внучка! Приезжаешь сюда на все праздники, чтобы посидеть с бабушкой, — она повернулась к Коринн. — Ведь правда, мисс Бель?

Огненный взгляд моей бабушки метнулся в мисс Бэйкер, которая

просто стояла и улыбалась. Коринн вновь начала учащенно дышать и хрипеть.

— О, не переживайте так, наслаждайтесь визитом внучки!

Я посмотрела на бабушку. Гнев струился из ее глаз, как лава из вулкана, разве посмел бы кто-нибудь сказать ей такое до инсульта? Мисс Бэйкер вышла из комнаты, но взгляд Коринн по-прежнему оставался на двери, он был полон гнева, оказывается, она злилась не только на меня. Я потихоньку ела еду с подноса — едва притронувшись к тому, что на нем лежало, за исключением кабачков, которые мой желудок просто бы не переварил. Сделав пару глотков чая, я отставила поднос в сторону, встала и пригладив полы пиджака сказала:

— Мне пора ехать обратно, — проговорила тихо, глаза Коринн тут же переместились на меня. Ледяные глаза пылали огнем, и она снова начала задыхаться, хрипеть и тяжело дышать. Трясущейся рукой я взяла бабушку за руку и легонько сжала ее. Рука была такой холодной, тонкой, жилистой.

— Увидимся через пару недель.

Я взяла поднос и вышла из комнаты Коринн.

Когда я принесла свой поднос на кухню, то заметила, как веселился персонал, они все были радостные, пели рождественские гимны и наряжали искусственную елку. Под елкой лежали подарки, много коробочек разных форм и размеров, какие-то с большими красными бантами, какие-то — без. Мисс Бэйкер помахала мне на прощание, когда увидела, что я направляюсь к выходу, лишь только выйдя на улицу и закрыв за собой дверь, я смогла вдохнуть полной грудью.

Быстро пересекла парковку и как только села в свой Лексус, дала волю слезам. Они текли без остановки. Я завела мотор, выехала с парковки и поехала прочь от дома престарелых Оаквью. Как минимум, еще пара недель у меня есть до следующего посещения. А до тех пор в университете мне снова нужно будет притворяться, делать вид, что я совершенно другая.

В рекордные сроки я добралась до дома. Растопила огонь в камине, разделась и, натянув пижаму, залезла под одеяло, погружаясь в чтение. С последними лучами солнца я дочитала до середины книги. Тогда я выбралась из одеяла, достала банан из сумки, села по-турецки у камина и съела его. Как только я закрыла глаза, кошмары вернулись. Я боролась с ними всю ночь — ужасами, преследующими меня. Проснувшись вся в поту, все тело ломило, затем снова погрузилась в беспокойный сон. К тому времени как поднялось солнце и показались первые лучики в окне, я уже не спала около часа. Встала, оделась, умылась.

Весь день я провела в подготовке к следующему приезду в декабре —

в основном нужно было заготовить дрова, чтобы на рождество поддерживать тепло в камине. Я два часа без остановки колола дрова. Я даже не чувствовала мозолей, но как только положила топор, мозольные волдыри начали раздуваться. Сложив дрова, я зашла в дом и промыла руки холодной водой, но это не помогло, и я решила, что руки заживут сами.

Рождественский приезд будет более длительным, каникулы будут три недели, прежде чем начнется новый семестр. Я очень боялась этих предстоящих трех недель, мне нужно было взять с собой достаточно книг и еды. Я просто постараюсь пережить это. Взяв телефон, я позвонила в электрическую компанию, чтобы электричество в доме не отключали, так как всего через пару недель сюда вернусь. По крайней мере, мне не придется в следующий раз бегать по всему дому и включать свет, я просто оставлю его включенным.

Ночью я снова лежала на полу у камина в гостиной, ветер стучал по стенам дома Бель, шумы, шорохи и завывания наполняли дом, хрипы были похожи на хозяйку дома, которая когда-то управляла здесь всем железной рукой, я натянула одеяло до подбородка и зажмурила глаза. Страх окутал меня, моя комната была на втором этаже, ужасный чулан был на третьем, воспоминания и о той, и о другой комнате наполнили меня, они скребли и царапали. Я подумала о Кейне, о его успокаивающем, чуть с хрипотцой голосе, о всезнающих глазах, о красивом лице. И на этот раз, демоны остались в стороне, и я спокойно уснула.

12. Спаситель

Я проснулась, когда солнечные лучи осветили гостиную. По всей видимости, это был мой самый долгий сон в доме Бель. За всю мою жизнь здесь. Я приписала это достижение мыслям о Кейне, которые как-то поддержали меня. Меня пугал тот факт, что я очень много думаю о нем. Что же будет, когда он уедет? Я ненавидела свои мысли об этом. Когда это произойдет, тогда и буду переживать. А его отъезд совершенно точно произойдет.

Уложив еще одну стопку дров возле камина, я убедилась, что огонь в камине потушен и нет тлеющих углей, собрала вещи, вышла на улицу и закрыла за собой дверь. Бросив ключи обратно под коврик, поспешила к своей машине, села, завела двигатель и поехала прочь. Каждый раз, уезжая из дома Бель, я испытывала двоякое чувство: с одной стороны, я была рада уехать, но с другой мне казалось, что за мной гонится бешеная собака ровно до шоссе. Лишь только выехав на него, я могла свободно дышать. Дорога предстояла долгая. Тихая.

Погода была пасмурная. Мозольные пузыри на моих руках ужасно ныли. Я пыталась отвлечь свои мысли чем-нибудь другим, кроме мыслей о моем скором возвращении в дом Бель на Рождество. Поэтому решила думать о Кейне. Я размышляла о каждой минуте, проведенной вместе, с той, самой первой, когда он спросил у меня дорогу в обсерваторию.

— Не может быть, чтобы у Коринн Бель все еще были шпионы, следящие за мной, — сказала я сама себе вслух. — Нет ведь? Она же больше не может отдавать приказы. Не может же? У нее остался контроль лишь только над холодными, как лед глазами. — Я смотрела, как мимо мелькают пейзажи, маленькие островки снега на обочине. — Никого нет в доме. Адвокат сказал, что кроме меня никого нет, — я прикусила губу. — Только я.

Я успела добраться до Уинстона до наступления темноты. Кампус по-прежнему казался вымершим, большинство студентов вернется завтра поздним вечером, и это меня полностью устраивало. Свернув на свою улицу, я заметила, что на нашем крыльце кто-то сидит, и это вовсе не Дельта.

Кейн сидел в кресле качалке, и как только он заметил мою машину, подскочил и побежал вниз по ступенькам. Прежде чем я успела заглушить двигатель, он уже взялся за ручку дверцы. Я удивленно посмотрела на него,

его лицо было скованно беспокойством, брови нахмурены, вокруг глаз морщинки. Я припарковала машину, заглушила двигатель, двери автоматически разблокировались, и Кейн тут же распахнул мою.

— Привет, — осторожно сказала я, вылезая из машины. Он стоял передо мной, близко, но все же не прикасаясь, а мне так хотелось. Сейчас его настроение излучало, кажется, беспокойство? Гнев?

— Ты выключила телефон.

— Ты что злишься на меня? — спросила я. — Я... я просто не держу его всегда при себе, как все девушки.

Его лицо изменилось, смягчилось, он смотрел мне прямо в глаза, все его чувства и эмоции были на пределе. Затем он наконец вздохнул.

— Я не привык волноваться, — он закрыл глаза, снова вздохнул. — Я скучал по тебе.

Я улыбнулась. Настоящей, искренней улыбкой.

— Я тоже по тебе скучала.

Осмотрела стоянку, просто чтобы удостовериться, что никого вокруг нет и никто за нами не следит, от этого я нервничала.

— Но я думала, что ты поехал вместе с Браксом и Оливией к ней в гости на одной машине.

— В последний момент я передумал и решил поехать на своей, — сказал он и посмотрел на мои губы. — Что-то внутри подсказало мне, что я, возможно, решу вернуться раньше.

— Что-то, кроме футбольного матча в День Благодарения?

Его глаза улыбались.

— Я приехал сюда не из-за игры.

— О, — ответила я, коснувшись его волос. Я смотрела на него, при этом осознавая, как же соскучилась по нему. — У тебя красный нос, — сказала я, улыбнувшись.

— Твой тоже, — ответил он. — Так же, как и губы.

Я посмотрела на дом сестринства.

— Не хочешь зайти?

Он посмотрел в сторону дома, затем на меня.

— Я думал, ты хочешь, чтобы про нас никто не знал.

— Внутри никого нет. И я вовсе не хочу держать тебя в секрете ото всех, Кейн, — в конце концов, такая формулировка была не совсем верной, я просто не хочу, чтобы он узнал меня настоящую.

Он придвинулся ближе ко мне, тем самым зажав меня между машиной и собой, и мне это понравилось.

— Я подумал, что ты бы не отказалась поужинать со мной. У Бракса

дома. Мама Оливии завернула мне с собой просто тонну еды, я один ее точно не осилю, — он склонил голову и заглянул мне в глаза. — У тебя нет никаких встреч, домашних заданий, мероприятий по сбору денег, ведь так?

Я улыбнулась.

— Да, — я придвинулась к нему еще ближе. — Мы можем встретиться здесь через час? Я бы хотела привести себя в порядок после дороги.

В глазах Кейна заиграли смешки, он наклонился и понюхал мои волосы.

— От тебя действительно слегка пахнет костром, — уголки его губ разъехались. — Мне нравится этот запах, у тебя даже щеки порозовели. Должно быть, ты хорошо съездила домой, — он подмигнул мне. — Увидимся через час.

— Хорошо, — сказала я, наблюдая за тем, как Кейн, засунув руки в карманы, пошел домой к Браксу. Он обернулся и улыбнулся мне. Я помахала ему рукой и вошла внутрь.

Быстро сбросила с себя одежду и пошла в душ, тщательно вымывая запах горящих в камине поленьев из волос и тела. Отчего-то внутри у меня все болело, это было непривычно и сопровождалось страхом. Конечно же, я знала, что это, вот только не знала, что с этим делать.

Пари. Я больше не хотела быть его частью. Кейн ведь не игрушка. Но я все еще хотела, чтобы он перестал растрачивать свою жизнь на ставки. Я планировала убедить его отказаться от этого и заняться чем-нибудь другим. Но что делать с пари? Теперь, когда я знала его так хорошо? Он выше всего этого. Выше игр между братствами и сестринствами, выше унижения. Все это было глупостью. А я застряла. И даже несмотря на то, через что прошли Оливия и Марси, волновало ли меня в принципе братство Капп? НЕТ. Теперь все эти игры казались каким-то детским садом.

Часть меня задавалась вопросом: а не сказать ли ему все как есть? Но я быстро выкинула эту идею из головы. Он подумает, что я просто идиотка, даже не столько потому что согласилась участвовать, а потому что придумала это все.

Мне нужна идея получше.

Я высушила волосы, наложила легкий макияж, вытащила из шкафа мягкое кашемировое платье кремового цвета и надела его. Затем выбрала носочки в тон к платью и залезла в черные кожаные сапоги. Волосы я просто заложила за уши, затем взяла пальто, сумочку, ключи и пошла к дому Бракса. Как это ни странно, но настроение у меня было хорошее. Никогда еще после приезда из дома Бель меня не встречал кто-то, хотя бы чуточку похожий на Кейна. НИКОГДА. Обычно по приезду я была полна

страхов, ужасов и вины. Сейчас? Хм, сейчас мое сердце билось быстрее от мысли, что я проведу вечер с Кейном МакКарти, наедине, подальше от всех. Тем не менее, беспокойство терзало мой мозг. Заметит ли он то, чего я не хочу, чтобы он видел? Будет ли он снова пронзительно на меня смотреть своими карими, мудрыми, всезнающими глазами? Я уже даже начала задумываться о том, что у него есть какие-то суперспособности. Я прогнала все эти вопросы прочь, решив хоть раз в жизни позволить себе сделать то, чего никогда не делала: начать встречаться с кем-то.

Я припарковалась перед домом Бракса и, прежде чем дошла до входной двери, Кейн уже ее распахнул, взял меня за руку и потянул внутрь. Дверь еще даже не успела закрыться, как он поцеловал меня, ловко снял пальто, при этом не прерывая поцелуй, бросил пальто и сумочку на столик возле двери. Затем его руки обвились вокруг меня, скользнули вниз на талию, и он притянул меня ближе, я погрузила пальцы в его волосы и просто не смогла сдержать стон, он проглотил его и еще больше углубил поцелуй. Чувства просто распирали меня, нагревали мои внутренности, и я даже было подумала, что растаю и превращусь в маленькую лужицу на полу.

Завершив поцелуй, Кейн отстранился, его глаза цвета кофе просто светились.

— Здравствуй, — сказал он улыбаясь.

Я улыбнулась в ответ.

— И тебе привет.

— Хочешь сесть? — спросил он, показывая на диван.

— Да, — Кейн переплел свои пальцы с моими и потянул меня за руку. Я не смогла сдержать вскрик от боли, когда он своей большой рукой сжал мою ладонь.

— В чем дело? — спросил он, затем посмотрел на мою руку, перевернул ее ладонью вверх, затем взял другую мою руку и тоже перевернул.

— Харпер, — сказал он тихо и нежно провел пальцем по моим мозолям, затем посмотрел на меня. — Что ты делала?

Паника. Страх.

— Я... эм... — я тянула с ответом. — Помогала рубить дрова, — я улыбнулась. — Что-то вроде традиции семьи Бель, — посмотрела на Кейна, он внимательно за мной наблюдал. — Мы рубили дрова по очереди.

Не говоря ни слова, он подвел меня к дивану. На кофейном столике стояла свеча, от нее пахло яблоком и кленом. Я принялась, мне понравился запах. Наконец мы сели, он взял меня за руки.

— В следующий раз надевай перчатки. Хочешь, я смажу твои мозоли?
Я улыбнулась.

— Это ведь просто мозоли, Кейн. Я в порядке, — я снова принялась, пытаюсь отвлечь Кейна от своих раненых ладоней. — Свеча так вкусно пахнет.

— Оливия дала, — ответил Кейн. — Она слишком хороша для моего брата. Правда.

Я осмотрелась. Раньше я уже бывала здесь несколько раз.

— Мне кажется, количество наград увеличилось вдвое с тех пор, как я была здесь последний раз. Браксу действительно нравится играть.

— Он живет этим, — сказал Кейн. — Еще с самого детства, — он улыбнулся. — Первое, что он сказал мне, когда мы встретились, было: «Ты любишь бейсбол?»

Я посмотрела на него.

— Когда вы встретились?

У Кейна в глазах появилась теплота.

— Ну да, — он слегка отодвинулся. — Ты не знала, что мы сводные братья?

— Я знала, да, Оливия говорила мне, но я не знаю, сколько вам было, когда вы познакомились, — в моей голове была куча вопросов, задавать которые я просто не имела права. Тем более, если принять во внимание, что я не ответила бы на них сама, задай их кто-то мне. Но тем не менее, я не смогла сдержаться:

— Что случилось с твоими родителями?

Кейн несколько секунд смотрел на меня, изучая. Искал ли он в моих глазах доверие? А может, пытался избежать страха? На секунду я даже подумала, что он не ответит мне, и пожалела, что поставила его в неловкое положение. Я даже ненавидела себя за это. Он взял меня за руку, поглаживая костяшки моих пальцев, посмотрел вниз, затем поднял глаза и посмотрел на меня. В этот момент я поняла, что он решил довериться мне. Я не могла решить, льстило ли мне это или мне стоило ненавидеть себя.

— А наше пари еще в силе? — спросил он, удивив меня. — Я отвечаю на один вопрос, и ты отвечаешь на один вопрос. Правда и ничего, кроме правды?

Я медленно кивнула. И молилась, чтобы только он задал правильные вопросы.

Он снова опустил взгляд на наши руки, затем вздохнул.

— Ты знаешь, что некоторые дети иногда становятся точно такими же, как и мама с папой? — он посмотрел на меня. — Я едва помню свою маму.

Она... она бросила нас, очень давно бросила, едва мне исполнилось пять лет. Но вот в одном я уверен на сто процентов: я вовсе не такой, как мой отец.

Обида в голосе каким-то образом изменила черты его лица, они стали резкими, он казался старше своих лет. Такое в нежном Кейне МакКарти я вижу впервые. Я ждала продолжения, сжала его руку и села поближе.

— Мой отец был пьяницей, злым ублюдком. Он относился к такому типу отморожков, которым просто нельзя быть чьими-то отцами. — Кейн покачал головой. — Он находил тысячу причин, чтобы избивать меня и мою сестру.

Мое сердце забилось быстрее.

— У тебя есть сестра? — тихо спросила я.

Кейн посмотрел мне в глаза.

— Кэти.

Я сглотнула подкативший к горлу комок.

— Ты часто ее видишь?

Кейн выдохнул, и улыбка на его лице теперь была грустной, расплывчатой.

— Так часто, как могу.

— А отца? — осмелилась спросить я. Я просто не могла сдержать этот вопрос в себе. Я хотела знать больше, хотела знать все.

— Он в тюрьме, — Кейн снова вздохнул и сжал мою руку, вновь эта грустная улыбка. — Теперь твоя очередь. И у меня есть право задать четыре вопроса — на четыре твоих. Справедливо?

Я в страхе кивнула, но уговор есть уговор.

— Да.

Он сел вполоборота, положив одну руку на спинку дивана. Снаружи уже начало темнеть. А горящая свеча на столе мерцала, заставляя тени плясать вокруг лица Кейна.

— Ты одна в семье?

— Да.

Он кивнул.

— Где твои родители?

— Умерли, когда мне было восемь. Моя бабушка воспитала меня.

Я бы даже сама ему это рассказала, без вопроса. Ведь этот вопрос казался безобидным, разве нет?

— Почему ты боишься темноты? — спросил он мягким голосом.

Я посмотрела на наши переплетенные руки. У меня перехватило дыхание, было очень сложно сделать вдох. Рука Кейна нежно приподняла

мой подбородок, чтобы видеть мои глаза.

— Чего ты так боишься, Харпер?

В глубине его глаз я увидела отражение своих — больших, полных страха глаз.

— Что ты прячешь от всех? — тихо спросил он, нежно прикасаясь к моим губам. — Что скрывается за разбитой красотой? Расскажи мне.

13. Потерянная

Демоны живут во тьме, вот что. Кровь. И они хотят причинить мне боль, так же, как причинили боль моим родителям. Темнота хранит ужасные звуки, которые люди не должны издавать, да и не могут. Шаги, скрипящий пол, вонючие губки для посуды. Темные комнаты без окон с замком снаружи и больница для девочек, у которых проблемы с психикой. Вот чего я боюсь. Но я не могу рассказать тебе ничего.

Паника охватила мое горло, я хотела скрыть это от Кейна, но не смогла сдержать воздух, выходящий из моих легких. Мои глаза расширились, кожа покраснела, она была горячая и холодная одновременно. У меня онемели губы, я резко отстранилась от Кейна, попыталась встать, но коленки подкосились, и я плюхнулась обратно на диван.

— Харпер, Харпер, успокойся, — сказал Кейн обеспокоенным голосом; все еще держа меня за руку, он притянул меня к себе, но я отскочила обратно.

— Эй, эй, я не хотел, прости меня, — повторял он. — Все в порядке, тебе не должна этого делать, — он склонил голову, чтобы я видела его глаза. — Посмотри на меня, Харпер. Сосредоточься. Дыши медленнее, милая. Вдох — выдох, медленнее.

Я не могла. Дыхание лишь ускорялось, все быстрее и быстрее, но потом Кейн взял мою руку и положил себе на грудь, затем снова склонил голову — так, чтобы я видела его глаза.

— Чувствуешь мое дыхание, Харпер? Чувствуешь мое размеренное дыхание?

Я чувствовала, но так как не могла ничего сказать, просто кивнула.

— Хорошо. Дыши точно так же, медленно и спокойно. Делай как я.

Он все еще прижимал мою руку к своей груди, я сосредоточилась на его дыхании. Я так же чувствовала биение его сердца. Он не сводил с меня глаз. С его помощью я стабилизировала и свое дыхание. Паника начала отступать. Как только Кейн увидел, что я успокоилась, он притянул меня к себе и обнял. Я поддалась и буквально повисла на нем. Слезы покатались из моих глаз, а тело пробрала дрожь.

— Ш-ш-ш-ш... Харпер, — прошептал он мне на ухо. — Мне очень жаль, милая. Все в порядке, правда.

— Ты не можешь так говорить, — сказала я, и мои слова прозвучали

приглушенно, так как я фактически разговаривала в его рубашку. — Ты не можешь так говорить. Ты не знаешь.

Некоторое время Кейн просто сидел, обнимая меня, уткнувшись ему в грудь, и гладил по волосам. Это успокаивало меня, я даже удивилась. Никто никогда не мог прогнать приступ паники. НИКТО. НИКОГДА.

— Давно они у тебя? — мягко спросил он. Он знал, что я понимала, о чем он говорит. Панические атаки. В этом мы были схожи. Может быть, у него они тоже были.

— С восьми лет, — сказала я. Наконец, я села. И прежде чем успела вытереть глаза тыльной стороной ладони, Кейн уже смахнул мои слезы и приподнял мой подбородок, заглядывая в глаза. — Я могла контролировать их, потому что... — я отвела взгляд, хотя он все еще держал меня за подбородок, — ... потому что никто не знает меня, — я закрыла глаза, затем открыла и посмотрела на него. — Пожалуйста, не говори никому.

Это была лишь малая часть меня настоящей, свидетелем которой только что случайным образом стал Кейн. Но он не знает всего остального. *Боже, пожалуйста, сделай так, чтобы он не узнал...*

— Конечно же, я никому не скажу, — заверил он меня. — Ты в безопасности со мной, слышишь?

Я очень хотела в это верить. В Кейне Маккарти чувствовалась что-то защитное. Возможно, что-то из его прошлого, и он держал это от меня в секрете. Секреты. Так много секретов между нами, просто бездонная яма секретов.

— Может, тебе надо подышать свежим воздухом? — спросил он, показывая взглядом на входную дверь. — Может, прогуляемся?

Я покачала головой.

— Нет, я в порядке.

Он посмотрел мне в глаза, вновь переплел свои пальцы с моими.

— Ты такая противоречивая, — его губы щекотали мой висок, как перышки, когда он говорил. — В какой-то мере тебе нужно довериться хоть кому-нибудь, Харпер, — он поцеловал меня в висок. — Честное слово. Если ты все будешь держать в себе, то сгоришь и не сможешь никак это контролировать, как бы тебе этого ни хотелось и кем бы ты ни была или пыталась бы притворяться кем-то.

Он был прав, я знала, и в эту самую секунду я все хотела ему рассказать. Начиная с пари. Я открыла рот, но слова не шли. Правильные слова не находились. Находились лишь расплывчатые, толком ничего не объясняющие слова, которые «ходят» вокруг да около темы, но избегают называть ее. Я ведь просто эксперт в этом.

— Ты знаешь, что выздоравливающих наркоманов призывают никогда и ни за что не общаться с другими наркоманами?

Я посмотрела на него, он смотрел на меня.

— Это про нас? — спросила я. — У нас обоих было травмированное детство и секреты, много секретов, опасны ли они настолько, что мы не можем быть вместе?

Кейн молча смотрел на меня, а я была очарована тем, как движется его кадык, когда он глотает, как мило торчат волосы в разные стороны, как глаза и брови выделяются на бледной коже.

— Я думаю, что мои страхи и секреты отменяют все твои, — наконец сказал он. — Это возрождает нас обоих. На сто процентов. И мы становимся полностью новыми.

Я улыбнулась.

— Я не знаю, кто мы? А ты?

Он притянул меня к своей груди и тепло его тела было таким уютным.

— Я тоже нет, — признался он. — Но это самое настоящее, что со мной когда-либо происходило в жизни.

Его слова поразили меня. Почти так же, как и губы того, кто их произнес.

Я чувствовала то же самое, только вот я не знала, как показать это. Я не была уверена, стоит ли мне сейчас доверить все свои тайны и секреты Кейну.

— Поживем — увидим, да? — произнес он, вновь щекоча мою кожу своими губами, его такой теплый бостонский акцент перемешивался с тревожным, но одновременно мягким голосом.

Я посмотрела на него снизу-вверх.

— А ты планируешь заняться чем-нибудь легальным? Или, может быть, даже пойти учиться...

— Харпер, — перебил меня Кейн осторожно. — Поверь в то, что я сейчас скажу, хорошо? — он опустил голову, чтобы заглянуть в мои глаза. — Когда я говорю, что не могу бросить это, я хочу, чтобы ты поняла, что я не шучу. Я не просто там какой-то ленивый, сомнительный парень, пытающийся увильнуть от трудной работы и официальной зарплаты. Я хорош в том, что делаю. Я умею считать, я считываю людей и зарабатываю на этом много денег. Во всяком случае больше, чем я зарабатывал бы, устроившись куда-нибудь сейчас. Мне это нужно, мне нужны эти деньги.

Прежде чем я успела что-нибудь сказать, он встал с дивана и потянул меня за собой.

— Давай оставим этот мрачный разговор и поедим. Мама Оливии —

просто кулинарная фея или кто-то вроде того. Еда просто потрясающе вкусная.

Я засмеялась, он остановился по пути к маленькой кухне Бракса, повернул меня к себе лицом и поцеловал. В этом поцелуе я почувствовала желание, голод, отчаяние. Или, быть может, я путаю свои чувства с его чувствами? Я прижалась к нему, научилась пробовать, научилась наслаждаться. Я научилась. Все это было для меня в новинку. Захватывающе.

Я знала, что это еще далеко не все.

Будто прочитав мои мысли, Кейн отстранился, слегка задыхаясь после поцелуя, прижался своим лбом к моему, затем прошептал мне на ухо.

— Будет чертовски сложно остановиться, — сказав это, он поцеловал меня в подбородок. — Чертовски сложно.

Я вдохнула. Выдохнула.

— Тогда не останавливайся, — тихо сказала я.

Кейн слегка отодвинулся, но ровно настолько, чтобы посмотреть мне в глаза, улыбка на его губах была теплой и такой настоящей.

— Мне с этим жить, Харпер, — сказал он, улыбнулся, снова поцеловал меня. — Не могу поверить, что говорю это, но... когда придет время, я не остановлюсь.

Даже без сказанных вслух слов, Кейн знал, что я девственница. Ну конечно же, он знал. Раз уж я до него никогда ни с кем не целовалась, понятно, что и секса у меня не было. Каким-то образом я чувствовала, что Кейн уже давно не девственник, тем не менее он был готов ждать. Делал ли он это для меня? Охваченная мириадами чувств — страхом, надеждой, желанием — одно я знала точно.

Мне нравилось, какой я была с Кейном. Я чувствовала, что мне хочется смеяться с ним, шутить, есть пиццу, ходить в кино, просто смотреть фильмы. Кажется, я чувствовала себя... нормальной.

Конечно же, такой я чувствовала себя, пока никто не знает о моих панических атаках, о моем темном прошлом.

О том, кем я была на самом деле.

— Но пока ждем, мы же можем много целоваться? — застенчиво спросила я.

В его глазах явно читалось желание, смех; он притянул меня к себе и поцеловал в лоб, в нос и наконец в губы, затем прошептал мне на ухо:

— Я буду целовать тебя все время.

И он поцеловал.

Я поняла, что потерялась, ни крупицы сомнения не осталось в моем

ненормальном, деформированном мозгу.
Потерялась навсегда.

14. Сожаления

Начался и закончился последний день ноября. Две с половиной недели до конца семестра. Две с половиной недели до того, как раскроется пари. Две с половиной недели до моей поездки в дом Бель. На Рождество. В Оаквью.

Одной.

Меня терзали сожаления. В основном из-за пари. Я решила поговорить с Мерфи, чтобы узнать, что она думает по этому поводу, конечно же, не рассказывая ей всего.

Будучи окутанной дымкой зарождающихся отношений с Кейном, я и забыла, какой хитрой и резкой была Мерфи Полк.

— Привет, — я нашла Мерфи в библиотеке и, повесив сумочку на спинку стула, села к ней за стол.

Она окинула меня взглядом и нахмутив брови сказала:

— Хм, мне не нравится твое выражение лица. Ни капельки.

— А какое у меня выражение лица? — спросила я. — Что ты видишь?

— О, я вижу одну вещь, — она подняла палец вверх. — По твоей маленькой полоске между бровей, — она подмигнула мне. — Я могу сказать одно. Это определяющий и хитроумный взгляд. Что ты хочешь мне сказать?

Я вздохнула, несколько секунд смотрела на стол перед собой, потом подняла взгляд на Мерфи.

— Кейн не подходит для пари. Вообще пари — это неправильно, я была полной дурой, когда предлагала его. Я хочу все отменить.

Она смотрела на меня, очень внимательно смотрела, иногда ее взгляд напоминал мне Кейна, о, такой взгляд было трудно выдержать, мне казалось, в такие моменты она видит меня насквозь.

И вот опять. Эта улыбка Чеширского кота.

— Он тебе нравится, — бросила она невзначай, затем подняла одну бровь. — Возможно, ты даже в него влюбилась, — затем ее глаза округлились. — Черт меня дери, ты занималась с ним сексом! Ах ты шалунишка!

У меня побледнело лицо.

— Я — нет! Ты что! Мерфи, тише!

Она рассмеялась.

— Черт побери, девочка Харпер, я и не подозревала, что ты в поисках,

— она продолжала улыбаться, затем покачала головой. — Черт возьми!

Я не поняла эту фразу про *поиски*, но она точно поняла все не так.

— Нет, Мерфи, — сказала я. — У нас с Кейном не было секса, а я не нахожусь ни в каких поисках.

У нее перекосилось лицо перед тем, как она разразилась смехом. Она ударила себя по губам за шум в библиотеке.

— Что ж, тогда почему нет? Ведь нет ничего плохого в хорошем, качественном сексе, — она подмигнула мне. — Ну или в слегка развратном и грязном...

Я больше не могла сдерживаться и рассмеялась, затем успокоилась.

— Мерфи! Хватит! — шикнула я на нее.

Улыбка расплылась на ее лице.

— Ого. Сейчас ты рассмеялась, а это я вижу не часто, — она наклонилась ко мне ближе, ее знающие глаза рассматривали мое лицо. — Думаю, что ты все это время притворялась, мисс Бель. И я предпочитаю вот эту новую тебя.

Я вздохнула:

— Я не знаю, что мне делать, не думаю, что я, ну ты понимаешь...

— Влюбилась в него?

Я не хотела ни в чем признаваться Мерфи, поэтому просто пожала плечами и улыбнулась. Мерфи обняла меня, сначала робко, ведь она не привыкла отступать, затем, когда я вроде как не вырвалась, она обняла крепче.

— Так. Что же нам делать, хмм? — она посмотрела на меня. — Черт бы побрал Джоша, он печется только о своем члене и яйцах. То есть, он весь такой спортивный, подтянутый и все у него в полном порядке, но... — она набрала побольше воздуха. — Он, можно сказать, для меня как испытание, — она пожала плечами. — И он мне тоже вроде как нравится. А Лесли? У нее Джейсон готов есть из рук все, что бы она ему не дала. Лично я думаю, что он явно не в себе.

— Может стоит созвать общее собрание? Обсудить пари вместе со всеми?

Хитрая улыбка расплылась на ее лице.

— Я повторюсь, мисс Бель, отлично сработано, так и сделаем.

Остаток дня пролетел быстро, после разговора с Мерфи мне стало значительно легче. Легче только лишь от того, что я знала: пари будет отменено. По правде говоря, изначально моя собственная идея с пари мне не очень-то нравилась — еще до того, как я начала влюбляться в Кейна. Ведь когда я принимала решение о пари, я была зла на Капп за то, что они

сделали с Оливией, и особо не думала о том, что действительно значит это “пари”. Несмотря на все мои секреты, я гордилась своим обществом Дельт и идеями, которые мы отстаивали.

Я позволила своему гневу произвести это иррациональное действие, и в тот момент, я была ничем не лучше Капп.

Тем не менее, я собиралась вести себя сдержанно с Кейном — главным образом, из-за его причастности к незаконной деятельности. Мне хотелось убедить его, что он может зарабатывать на жизнь чем-нибудь другим, что он хорош в чем-то еще. Он умный — каждый это поймет, лишь поговорив с ним пару секунд. Он подкован во многих областях. Но как только я затрагивала эту тему, он тут же искусно менял ее.

Но Кейн умеет держаться. И от этого я забываю о том, что он делает: назначает ставки, а потом ходит на матчи и собирает деньги. То, как он проникательно смотрит на меня, как обнимает.

От всего этого я чувствую себя так, как никогда в жизни не чувствовала.

Желанной.

Нужной.

Я едва ли знала, что делать в таком случае и как себя вести.

Рождественская благотворительная ярмарка по продаже выпечки закончилась. Мы собрали около тысячи долларов и передали в местные благотворительные организации и в полевые кухни для бездомных. Бракс практически смирился с тем, что ему не удалось убедить Кейна оставить меня в покое, они вместе помогали раздавать игрушки, надев полосатые красно-белые колпачки эльфов с колокольчиками на концах. Мы с Оливией смеялись, и впервые в жизни все вокруг меня казалось... настоящим. И это был не кошмар. Чем больше Кейн присутствовал в моей жизни, тем бледнее становилось мое пошлое и секреты в нем.

Мой телефон завибрировал, когда я выходила с занятий по психологии, поэтому я остановилась под магнолией, чтобы ответить.

КЕЙН: У МЕНЯ ДЛЯ ТЕБЯ СЮРПРИЗ. ОДЕНЬСЯ ТЕПЛО. ОЧЕНЬ ТЕПЛО. ВСТРЕЧАЕМСЯ У БРАКСА В ШЕСТЬ.

В моей голове тут же появилась 101 мысль, ведь я хотела созвать сегодня общее собрание и покончить с пари раз и навсегда, но я думаю, это подождет один вечер.

Я: ПОДСКАЗКУ ДАШЬ?:)

КЕЙН: ХОРОШАЯ ПОПЫТКА. УВИДИМСЯ ВЕЧЕРОМ.

Когда я добралась до общежития, Мерфи как раз выходила. Пятница, вечер, она абсолютно точно идет на свидание с Джошем.

— Привет, Мерфи, я могу снова позаимствовать у тебя леггинсы?

Он улыбнулась и помахала.

— Второй ящик, детка, рядом с моими трусиками, возьми еще черный шерстяной свитер у меня в шкафу, он будет смотреться на тебе отпадно.

— Спасибо, — я покачала головой, вбежала внутрь и поспешила в душ. После душа надела леггинсы, теплые зимние носки, черный гольф, и подойдя к шкафу Мерфи вытащила свитер, он был мешковатым, доходил до середины бедра, но оказался уютным и теплым. Я быстро высушила волосы феном, наложила немного макияжа и натянула зимнюю повязку Мерфи. Застегнув сапоги и повесив сумочку на плечо, я направилась к двери.

К Браксу.

Удивительно, но от этого у меня в животе запорхали бабочки.

15. Кейн

— Почему, брат? Твою мать, я не понимаю тебя, чувак!

Я спокойно смотрел на Бракса, ходившего взад-вперед по своей гостиной, как запертый в клетке лев. Он остановился, потер подбородок, положил руки на бедра, мгновение смотрел в потолок, выругался, и снова стал ходить взад-вперед. Я же просто ждал.

— После всего того, через что мы прошли с тех пор как были детьми, — продолжил он. — Я не понимаю, почему ты должен это делать, — он остановился и присел на корточки возле дивана, где я сидел. — Ты лучше всего этого, я знаю, что ты лучше. Если я смог от этого сбежать, то и ты сможешь.

Бракс просто не знал, насколько глубоко я погряз в числах.

Как бы там ни было, даже если бы я очень захотел выйти, я бы просто не смог. Не сейчас. Я посмотрел на него — эти сумасшедшие голубые глаза умоляли меня, я перевел взгляд на шрамы на его лице, помню, как он получил каждый из них, помню, когда они были свежими.

— Я скоро уйду, — это все, что я мог ему сказать. — Я не навлеку на тебя беду, Бракс...

— Господи, да дело не в этом! — прорычал он. — Ты не можешь так жить, Кейн. Парни из братства, возможно, не опасны, — он показал на меня пальцем. — Но я знаю тебя. Ты не играешь с мальчиками в колледже, ты используешь их как прикрытие.

Я молча смотрел на него. Да, он слишком хорошо меня знал.

— Я — не ты, Бракс, — сказал я. — У меня нет золотой, подающей руки, все, что у меня есть, это мое восприятие и числа, — я строго посмотрел на него. — И хватит об этом.

— И что? Ты причинишь Харпер боль, когда будешь сбегать из города? — резко сказал он. — Ты не такой.

Он определенно был прав насчет этого.

— Я не сделаю Харпер больно.

— Как ты можешь такое обещать, когда ты сам чертовски прекрасно знаешь, что уедешь. Рано или поздно. И бросишь ее. Неужели ты думаешь, что не навредишь этим ей? — он почесал голову и встал. — Она не такая как все остальные девушки здесь. В ней что-то есть. Что-то, что напоминает мне нас, — он бросил на меня горячий, взбешенный взгляд. — Я не думаю, что она та, кого ты хочешь просто использовать.

— Я не собираюсь использовать ее. Господи, Бракс, — сердито сказал я.

— Бросишь ее? Ты разобьешь ей сердце! — сказал он. — И ты, черт возьми, сам прекрасно это знаешь.

Я встал с дивана, немного прошелся и, оказавшись на кухне, оперся о столешницу.

— Мне она действительно нравится, Бракс. Ты прав. Она другая. Она такая же как мы, — я потер шею. — Я могу думать лишь об этом.

Некоторое напряжение сошло с лица Бракса.

— И? Что ты собираешься делать?

Я провел рукой по волосам.

— Черт, если б я только знал! — я посмотрел на него. — Я поговорю с ней.

— Я серьезно, Кейн, — сказал Бракс. — Что-то с ней не так. Я почувствовал это при первой же нашей встрече, — он посмотрел на меня. — Мне кажется, она прошла через какое-то серьезное дерьмо, ей не нужно, чтобы ты все сделал еще хуже.

Я кивнул и тяжело вздохнул.

— Да, я тоже это почувствовал. И, черт, я ненавижу это.

— Подумай об этом, — сказал Бракс. — Подумай о том, чтобы бросить числа, хорошо? Только до того, как решишь разобраться со своим упрямством, — он подошел ко мне, обнял. — Я люблю тебя и не хочу, чтобы тебе было больно. Или Харпер.

Как же мне хотелось все ему рассказать. Сам не знаю как мне удавалось столько лет это от него скрывать. Я не хочу, чтобы он знал. Не хочу подвергать его или Оливию опасности, а зная Бракса, предсказать его реакцию в такой ситуации просто невозможно.

— Могу я одолжить твой байк?

Бракс прищурил глаза посмотрел на меня.

— Зачем?

— Я хочу покатать Харпер, мне кажется, она ни разу не каталась на мотоцикле, — я кивнул. — И да, я поговорю с ней.

Бракс провел рукой по волосам.

— Не нравится мне все это, Кейн, не нравится.

— Я все равно встречусь с ней, нравится тебе это или нет. Я не спрашиваю разрешения. Я увижусь с ней с твоим байком или без него.

В течение нескольких мгновений брат смотрел на меня не сводя глаз.

— Ну ладно. И поговори с ней. Не просто отмахнись от нее, тогда мне придется разбираться с этим. И реши вопросы с числами, Кейн. Я не хочу,

чтобы ты вляпался в дерьмо и тащил его сюда. В мой дом. К Оливии, — его лицо напряглось. — Тогда у нас будут проблемы.

Я не хотел его обнадеживать, но также не хотел оставлять брата в плохом настроении. Скоро, очень скоро, мое время здесь закончится. И мне придется уйти.

— Ага, — это была полуправда, конечно же.

Одним из самых сложных решений в моей жизни было не рассказывать Браксу, держать все в тайне от него, но это ради его же блага.

У меня зазвонил телефон в кармане, я достал и посмотрел на экран.

— Я должен ответить, — сказал я. Лицо Бракса напряглось, но он кивнул, и я пошел к входной двери.

Прохладный воздух ударил по лицу, когда я вышел на улицу и подошел к своей машине.

— Да, именно это я и хотел услышать, — сказал я в трубку. — Меня не волнует, что они будут злиться, это игра, парень. Это шанс, который тебе выпадает, когда ты делаешь ставку, именно поэтому ставка и называется ставкой.

Несколько секунд я слушал, абсолютно спокойно, ведь у меня и до этого были недовольные клиенты, много раз. Большинство, делая ставку, знали, что гарантии их победы нет. На этот раз выиграл я.

— Забирай деньги, — сказал я. — Завтра я разберусь с ними, если у них все еще будут вопросы.

Я повесил трубку, сунул телефон в карман и потеряв шею взглянул на небо. Закатное солнце подсвечивало облака, но солнце было совсем низко, и тьма надвигалась. Я знал, что как только стемнеет, в небе начнут мерцать миллиарды звезд. Я понимал, почему они так нравятся Оливии.

Я понимал, почему Браксу так нравится Оливия.

Точнее, его любовь к ней. Черт подери. Мой младший братец любил, сильно любил и его любили.

Буду ли я когда-нибудь волен почувствовать то же самое?

16. Шрамы

— Ты шутишь.

Кейн рассмеялся:

— Нет, не шучу, — он склонил голову и поцеловал меня, затем открыл глаза и посмотрел на меня. Наши взгляды встретились.

— Ты мне веришь? — спросил он.

— Да, — ответила я без колебаний. Это было ужасно страшно, но тем не менее, я это сделала. — Но хочу сказать сразу, что я никогда не каталась прежде на мотоцикле.

Кейн нахмурился.

— Ты живешь в Техасе, но у тебя нет ни одной пары джинс, — он наклонился так, что его губы были в миллиметре от моих. — А еще до недавнего времени ты не целовалась, — он поцеловал меня. — Новые впечатления, мисс Бель, их миллион вокруг, и все они ждут тебя.

Он был прав насчет этого, я скептически окинула взглядом байк Бракса, я знала, что он его — видела, как Бракс катал на нем Оливию.

— Выглядит опасно.

Кейн отошел на шаг, раскинул руки по сторонам, пожал плечами.

— Разве?

Я потеряла подбородок.

— Хм... давай-ка посмотрим. Кожаная куртка — есть. Рваные джинсы — есть. Ботинки — есть. Лицо, не раз побывавшее в переделке — есть. Дымчатые глаза, от которых у меня дрожат коленки...

— Есть? — он улыбнулся. — Смысл понятен, но ты же знаешь, что я не такой, — он склонил голову. — Так что, поехали? Ведь внешность бывает обманчива.

— Давай, Харпер, — сказала Оливия, они с Браксом вышли на парковку. — Это очень весело.

Я приподняла бровь.

— И это говорит девушка, которую не раз сбрасывала необъезженная лошадь.

Бракс рассмеялся.

— Вот тут она тебя подловила, Грэйси.

Оливия улыбнулась.

— Зато у тебя будет реальная возможность подержаться за его мускулистый живот.

Я бросила взгляд на Кейна, он подмигнул мне. Я вздохнула, улыбнулась и сказала:

— Ладно, ладно, я сделаю это.

Кейн хлопнул в ладоши.

— Тогда поехали!

Бракс наклонился ближе к Кейну и что-то прошептал ему на ухо, Оливия отвела меня в сторону.

— Ты ему действительно нравишься, ты же знаешь? С тех пор как он познакомился с тобой, он изменился. Я не могу это объяснить, ведь он всегда такой спокойный. Он просто... просто изменился и все тут. Как будто искал что-то и наконец нашел то, что искал.

Я посмотрела на нее, у нее был такой же пронизательный взгляд, как и у Кейна.

— Да, он мне тоже очень нравится.

Оливия широко улыбнулась, шрам на губе растянулся.

— Я так рада это слышать, — она вздохнула. — Я знаю, что у тебя есть семья, но мы все были бы рады принять тебя у нас на Рождество.

Вот опять, этот знакомый укол неопределенности, страха, всеобъемлющего ужаса, который так легко игнорировать, когда весело, когда рядом Кейн и поцелуи.

— Большое спасибо за приглашение, — ответила я. — Но да, я поеду домой, к семье.

Она кивнула.

— Звони, если передумаешь, приглашение в силе.

Я улыбнулась.

— Спасибо, обязательно.

— Отлично, мисс Бель, — сказал Кейн позади меня. — Поехали!

Я нервно выдохнула и медленно пошла к байку.

— Как скажешь.

Кейн сел на байк, придерживая его двумя ногами, Бракс помог забраться мне. Он посмотрел в мои глаза и, судя по жесткому выражению его лица, я поняла, что ему до сих пор не нравится, что Кейн встречается со мной.

— На поворотах не наклоняйся, не пытайся вставать и не дави на подножки, — он наклонился, взял меня за руки и обвел их вокруг талии Кейна. — Держись за Кейна и наклоняйся одновременно с ним, — он щелкнул меня по носу. — Тебе понравится, обещаю, — Бракс надел на меня шлем, затянул ремешки на подбородке, на прощание ударился с братом кулаками, и Кейн завел двигатель. Турбина загрохотала за моей

спиной, я ощутила вибрацию, от которой хотелось расхохотаться во весь голос.

Помахав рукой, Кейн поехал, я крепче ухватилась за него, сжимая руки под его кожаной курткой. Его рельефный живот ощущался как камень под ладонями, меня заинтриговало его тело, хотелось на него посмотреть, как оно будет выглядеть без майки и куртки — только мускулы и кожа.

Сумерки уже практически опустились на землю, небо казалось зимним с серыми, белыми, черными полосками, деревья тоже стояли без листьев. Мы ехали в сторону Ковингтона, но я понятия не имела, куда же Кейн меня везет. Да и если честно, мне было все равно. Ведь это так здорово! Мне нравилось, как солнце, проглядывая сквозь ветви деревьев, мелькало на моем лице, я вдруг поняла, что хочу ехать быстрее. Байк грохотал подо мной, ветер хлестал по лицу, а тепло Кейна согревало меня, ведь я прижалась к нему еще крепче. Я смотрела на мелькающие мимо машины, деревья, дома, все это казалось мне старинной кинолентой, которую кто-то быстро крутил. Это казалось... казалось ненастоящим, как будто я заглянула в чью-то чужую жизнь, жизнь, в которой нет монстров, бабушек, мертвых родителей. Мне она нравилась, хотела бы я, чтобы так было всегда.

Мы только что въехали в маленький городок, сразу за Ковингтоном, который назывался Манна. Солнце уже село, небо потемнело, температура воздуха упала. Кейн заехал на маленькую заправку, естественно, там никого не было, лишь две одиноко стоящие колонки. Заглушив двигатель, Кейн подбил подножку ботинком и сказал:

— Нужно заправиться, я сейчас.

Я осталась сидеть на байке и ждала, ждала, кажется, целую вечность. Большой внедорожник приближался к заправке, я думала, он проедет мимо, но он замедлил ход и свернул напрямик к заправке, наверное, владельцы? Водитель внедорожника заглушил двигатель, а я все еще ждала Кейна, пока он оплатит бензин. Боже, почему же так долго?

Я осмотрелась вокруг, на одинокой подъездной аллее никого не было, сразу за заправкой был обрыв, все машины проезжали мимо. Затем я услышала крики, доносящиеся откуда-то неподалеку. Возможно, за зданием заправки? Голоса стали громче, я заволновалась, что что-то могло пойти не так. Осторожно слезла с байка и медленно пошла к зданию заправки. Голоса стали четче и громче, мне показалось, говорил Кейн. Заглянув внутрь заправки, я убедилась, что там никого нет, кроме скучающего кассира, явно студента колледжа, по возрасту он был примерно как я. Он посмотрел на меня, затем кивнул, а потом стал

заниматься своими делами. Кейна здесь не было. Где же он?

Растерявшись, я вышла обратно на улицу и до меня снова долетели голоса.

— Нет, гребанный янки не получит моих денег, — донесся до меня чей-то гневный голос. — Твою мать, ты меня слышишь? Сука! Я заберу эту куртку и байк тоже!

— Ты все подстроил, — вмешался еще один обвиняющий голос. — Ты можешь дурить этих котятков студенческого братства, но мы не они!

Еще больше ругательств, голосов было несколько, я насчитала четыре. Боже, Кейн в беде из-за дурацких ставок. Страх за Кейна побудил меня подойти ближе, посмотреть вниз, туда, где был обрыв. Белое тело без рубашки, лишь только в джинсах и в ботинках. Голова с темной копной волос.

У меня внутри все заledenело. Кейна избили, причем сильно. Он лежал и каждый раз, с каждой новой попыткой встать, кто-то бил его ногой под ребра, и он падал обратно.

— Прекратите! — вдруг закричала я, и мой дрожащий голос пронесся как гром над обрывом. — Я сейчас же вызову полицию!

— Иди, блядь, заткни эту суку, — сказал один.

— Уходи, Харпер! — прорычал Кейн, быстро вскочил на ноги и набросился на того, кто уже двигался в моем направлении, повалил его на землю, и уже через секунду его кулак неистово дубасил незнакомца по лицу. Другой парень пошел ко мне, он явно не был студентом, никто из них не был похож на студентов, я развернулась и побежала обратно в здание заправки.

— Скорее, закрывай дверь! — закричала я, парень выскочил из-за стойки и тут же сделал, что я просила. — У тебя есть мобильник? — свой я оставила у Бракса.

Закрыв дверь, он передал мне свой мобильник. Я задумалась: если я позвоню в полицию, Кейна могут арестовать. Я быстро набрала свой номер телефона, шли гудки, еще и еще. Я молилась, чтобы хоть кто-то оказался дома, Бракс или Оливия, и подняли трубку.

— Алло, — это была Оливия.

— Оливия! Это Харпер! Я на заправке, недалеко от Ковингтона, какие-то незнакомые парни избивают Кейна, очень сильно, — я посмотрела на дверь, того парня не было. — Я не звонила в полицию, пожалуйста, скажи Браксу, чтобы он поторопился!

— Хорошо, держись от них подальше, Харпер! Бракс будет там, как только сможет, — она отсоединилась, и я передала трубку обратно парню.

Подойдя к двери, я заметила, что внедорожника уезжает прочь с парковки, я наблюдала за тем, как он скрылся из виду. Байк Бракса стоял там же, они его не забрали.

Я повернула замок и открыла дверь.

— Мне вызвать полицию? — спросил парень.

— Нет! Нет! Пожалуйста, не надо! Пожалуйста, — умоляла я, затем выбежала на улицу и спустилась в обрыв, тормозя каблуками. Кейн лежал в ручье, на боку, неподвижно. Я катилась вниз, пока не добралась до него. Уже изрядно потемнело, так что я едва видела, но и этого было достаточно. От внешнего вида Кейна у меня все сжалось внутри, сердце забилося чаще.

Я потянулась к его руке, она была холодной, как лед.

— Кейн?

Низкий стон вырвался из его горла, я вздохнула от облегчения.

Я стала осматривать его раны, ребра были красными в местах ударов, лицо уже стало фиолетового цвета, из губы сочилась кровь, кожа на костяшках рук была содрана и оттуда тоже шла кровь.

Затем я увидела его спину, я ничего не могла с собой поделать, от шока у меня перехватило дыхание. Я не верила своим глазам.

Я чуть не упала, ощущение было как будто меня ударили в живот.

Как только я потянулась к нему, к сморщенной коже возле лопатки, его глаза распахнулись.

— Не надо, — сказал он хрипло. — Пожалуйста, Харпер, не надо. — Он перекатился на спину, чтобы я ничего не видела.

Но было поздно, я уже заметила то, что он не хотел мне показывать. Еще один секрет Кейна.

Я посмотрела на его лицо, кофейного цвета глаза изучали меня. Его глаза были наполнены болью, стыдом, страхом.

— Прости, — прошептал он, затем закашлялся — Они появились из ниоткуда, мне так жаль, — он застонал. — Не надо полиции, Харпер, пожалуйста, — он снова попытался встать и опять упал.

— Шшшш, никакой полиции не будет, я только позвонила Браксу, он уже едет, — я убрала волосы с его лица, его всего трясло, и это вовсе неудивительно, ведь он полуголый лежал рядом с ледяным ручьем. Я сняла свитер и накрыла его им, но он предпринял третью попытку, и наконец отодвинулся от ручья. Я помогла ему встать на ноги он облокотился об меня. — Кейн, мне кажется, тебе нужно в больницу...

— Нет, — ответил он. — Я в порядке, — эту фразу он просто прохрипел, отчего мне стало еще яснее, что он вовсе не в порядке. Мой свитер едва прикрывал его широкие плечи, но я все равно удерживала его

на спине Кейна. В его обращенном на меня взгляде я видела его душу. Кейн не говорил ни слова, но его глаза буквально кричали. Я положила голову ему на плечо, все еще помогая ему сохранить равновесие.

Звук приближающегося мотора нарастал, почему-то я сразу подумала, что это вернулись те парни, избившие Кейна, страх тут же сковал мои внутренности, и я посмотрела на ручей, пытаясь найти что-нибудь для защиты. Хлопнули дверцы машины и Бракс прокричал:

— Кейн! Харпер!

— Мы здесь! Внизу! — прокричала я в ответ, и через секунду появился Бракс. С ним был большой парень, его друг и игрок Силвербэков — Кори Максвел. Они оба соскользнули вниз в овраг. Лицо Бракса одновременно выражало гнев и обеспокоенность. Жуткое, страшное зрелище.

— Давай его сюда, Харпер, — сказал Бракс, они с Кори тут же подхватили Кейна под руки и потянули наверх.

Мой свитер соскользнул с Кейна, я помимо воли посмотрела на его спину, и вновь внутри все перевернулось, как будто меня ударили в живот. Мне уже хватило первого раза, видеть это во второй раз было даже хуже, чем в первый.

На спине Кейна было вырезано слово “ГЛУПЕЦ”, что безусловно не обошлось без ужасной боли.

Именно в этот момент я поняла, что моя жизнь была не такой уж и плохой, как я думала раньше.

17. Правда

Оливия присела ко мне на диван, мы были у Бракса дома, сидели молча и ждали. Бракс был в спальне, он перевязывал ребра Кейна, скорее всего, этому его научил сам Кейн, пока они оба были в приемной семье. Время от времени я слышала, как Кейн тихонько постанывал от боли. Оливия взяла мои руки в свои.

— Бракс позаботится о нем, он не позволит чему-то плохому случиться с Кейном.

Я кивнула, а сама все думала, видела ли Оливия то, что увидела я. Разглядела ли она, что было вырезано лезвием ножа или каким-то другим острым предметом на спине Кейна. Пурпурно-розовый шрам, так явно выделяющийся на бархатистой, бледной коже Кейна.

Глупец.

Кто же мог так ужасно поступить?

Послышались шаги, это был Бракс, он тоже сел к нам на диван. У него было очень серьезное лицо, но, когда он посмотрел на меня, в глазах почему-то лучилась доброта. Я хотела встать, но Бракс положил руку мне на плечо.

— Он сейчас спит, Харпер.

— Я знаю, — ответила я и посмотрела в сторону спальни, дверь была приоткрыта, но я не могла ничего рассмотреть. — Могу я просто посидеть рядом с ним?

— Вообще-то, — сказал Бракс, — мне надо поговорить с тобой.

Я встретила его странный взгляд.

— Ладно.

— Сделаю-ка я горячего чаю, — сказала Оливия, поднимаясь с дивана. — Харпер?

Я покачала головой, Оливия улыбнулась и пошла в ту часть комнаты, где была кухня. Бракс сел рядом со мной, положив свои мускулистые руки на колени.

— Мы с Кейном с самого детства узнали, что мир жесток. Я познакомился с ним в приличной приемной семье. Взявшие нас родители были довольно милыми, но, как известно, все хорошее не вечно, — он посмотрел на меня. — Нас разделили, но мы все равно жили в одном районе, — Бракс улыбнулся. — Кейн всегда присматривал за мной и выбивал дух из каждого засранца, который пытался меня обидеть, — он

наклонил голову — так же, как делал Кейн, чтобы поймать мой взгляд. — Я готов умереть за него, но до сих пор есть вещи, о которых я не знаю, о которых он мне не рассказывал, например, о своем прошлом, — он сцепил руки в замок. — Я знаю, что у него была сестра, она младше меня, Кейн всегда принимал наказания вместо нее. Это его настоящий отец, биологический, сотворил тот ужас с его спиной, — он провел рукой по волосам. — Я не знаю о нем ничего, лишь только, что этот ублюдок сейчас гниет в тюрьме.

Я впитывала все это в себя, каждое ужасное слово. Чувство вины переполняло меня из-за того, что я всегда жалела себя. Я так хотела сейчас пойти к Кейну, но Бракс не пускал меня.

— Понимаешь, я не знаю, почему Кейн все еще занимается ставками. Он чертовски умен, просчитывать выигрышные комбинации — его конек. Но! О своем брате я знаю одно, — сказал он, и тогда я повернулась, чтобы посмотреть Браксу Дженкинсу в глаза. — Он сильный, честный и если он о ком-то заботится, то это на всю жизнь, — он покачал головой. — И ты важна для него, надеюсь, это чувство взаимно.

Мое сердце колотилось как бешеное, казалось, оно застряло в горле, я не могла сказать ни слова, могла лишь дышать и впитывать все слова, которые произносил Бракс, все до единого.

— Дай ему немного времени, Харпер. Ему нужно пережить то, что ты увидела его шрамы. Для тебя, возможно, это мелочь, или для кого-то еще, но для Кейна это вовсе не так. Он стыдится их и сделал бы все возможное, чтобы ты их никогда не видела.

Я кивнула, соглашаясь с его словами.

— Он не хочет меня видеть, ведь так?

Бракс сжал мое плечо.

— Это не из-за тебя, милая. А из-за того, что ему нужно это пережить. Позволь Кейну сделать это, дай немного времени. Это дерьмово, я знаю, но таковы все мы, — он наклонился ближе. — Ты же понимаешь, что для нас — парней с Юга — все немного по-другому.

Он пытался как-то взбодрить меня, но не вышло.

— Я знаю, — ответила я и встала с дивана. Часть меня действительно знала и понимала все. Я повернулась к брату Кейна лицом.

— Спасибо, Бракс, — сказала я тихо. — Пожалуйста... дай знать, если я хоть что-то могу сделать. И еще, передай ему... — я посмотрела Браксу в глаза и все слова вылетели из головы, — ... что я думаю о нем.

Лицо Бракса тут же расплылось в улыбке, когда он улыбался, это была как какая-то магическая трансформация из одного человека в другого.

Жесткие черты лица смягчались и становились нежными. Неудивительно, что Оливия так в него влюблена.

— Конечно же, передам, коротышка, обещаю.

Оливия вышла со мной на улицу, натянув на голову красную вязаную шапочку. Остатки света окутывали ее, словно ореол.

— Я уверена, он передумает, Харпер. Эти двое, — она кивнула головой в сторону двери, — их истории просто невероятны, ну, по крайней мере те, которыми они делятся, — она вздохнула. — Я уверена, что есть вещи, которые они всегда будут держать при себе. Жизнь их потрепала.

Я просто кивнула, не зная, что еще сказать.

Оливия улыбнулась и обняла меня, это было так неожиданно, что я даже не вздрогнула.

— У всех из нас в жизни случались вещи, о которых бы нам хотелось забыть, — сказала она мне возле самого моего уха, затем посмотрела в глаза. — Я всегда рядом, если тебе понадобится друг.

— Спасибо, Оливия, — ответила я и пошла.

Позже вечером я лежала в постели без сна и думала о событиях этого дня. Меня поразил гнев Кейна, когда он подскочил и напал на того мужика. Я знала, конечно, что он способен на такое, но обычно он был таким... таким нежным, милым, спокойным. Одним словом — держал себя в руках. Для меня было шоком увидеть его другим — бросающимся на кого-то с такой яростью.

Хотя я тоже молодец, добавила ему проблем, когда появилась там. Ведь я хотела, чтоб он вышиб из них дух. Три больших мужика не могли успокоить Кейна. Да, физической силы у него полно, но чтобы подняться после такого избиения требуется и немалое умственное усилие.

Как бы я не хотела думать о зарубцевавшихся буквах на его спине, но мысли все время возвращались к ним. Сама не знала, зачем об этом думаю, но я хотела знать больше. Даже Бракс не знал всех подробностей. Так почему же я тешу себя надеждой, что когда-нибудь все узнаю?

Следующим вечером я организовала общее собрание Дельт.

— Дамы, — начала я, стоя за подиумом посреди комнаты. — Тщательно подумав, я пришла к выводу, что поторопилась с принятием решения отомстить Каппам за их пари, — я окинула взглядом комнату. — Не буду ходить вокруг да около, — продолжила я. — Я считаю необходимым отменить наше пари.

По комнате пробежало эхо с вопросом «Что?», поэтому я продолжила.

— Это просто неправильно с моральной точки зрения. Ведь мы, Дельты, выше этого, не так ли?

— А как насчет того, чтобы проучить Капп? — крикнула Анна Коннерс. У нее был резкий и грубый голос, так я поняла, что она вовсе не в восторге от моего решения.

— Лучший урок — показать пример, — сказала я. Послышалось несколько вздохов, по большей части от первокурсниц. — Безусловно, Каппы могли бы посмеяться над нами, и они вероятней всего продолжают свои дурацкие пари, но мы не несем ответственности за изменения в их поведении или за их наказания, — я посмотрела на девушек, поймав при этом несколько взглядов. — Нельзя играть с чьими-то эмоциями.

— Я поддерживаю, — крикнула Мерфи.

Я улыбнулась ей.

— Я тоже за, — сказала Лесли. — Плюс ко всему, мне действительно нравится Джейсон!

Несколько девушек захихикали.

— Я думаю, это ошибка, — сказала Анна. — Я считаю, что нельзя отпускать эту ситуацию.

— Ты права, — согласилась я с ней. — Но не мы должны быть их последствиями за содеянное.

Последствия. От этого слова у меня сводило живот.

По комнате пробежал шумок, но никто не стал меня отговаривать.

— Всем все ясно по этому вопросу? Пари объявляется официально закрытым.

Сестры захлопали, а это означает, что большинство приняли мою точку зрения.

Я была рада, что этим я хотя бы чуточку очищаю свою совесть.

В течение нескольких следующих дней я ничего не слышала от Кейна. Оливия писала мне смски каждый день, сообщая о его состоянии. Скорее всего, у него сломаны ребра, плюс синяки и гематомы по всему телу, в частности, в местах, куда больше всего били эти ублюдки. Кейн вел серьезные дела в Ковингтоне со взрослыми мужчинами, и по всей видимости, их что-то не устроило. Кори Максвелл нашел парня, одного из Капп, который не только все рассказал про Кейна, но также где, когда и сколько его найти. Тем вечером они следили за мной и Кейном, а в подходящий момент избили его за причастность к их ставкам. Оливия сказала, что Бракс слетел с катушек из-за этого, но Кейн убедил его оставить все как есть. Больше Кейн ничего не говорил. Он не писал мне и не звонил. Грусть расплывалась в моей душе и выгрызала внутри меня дыру. Как я позволила себе так привязаться к Кейну МакКарти? Да еще так быстро? Шли дни, мне становилось все хуже, все холоднее, я чувствовала

лишь отстраненность. Казалось, я просто хочу забраться внутрь себя самой, спрятаться от внешнего мира. Но я не могла. Мне нужно было притворяться, как я делала всегда.

На следующий день у меня была пара по искусствоведению, которая длилась просто до бесконечности долго, когда она наконец закончилась, я взяла свой рюкзак, сумку и пошла в кафе. Никто не остановился, чтобы поговорить со мной, никто не улыбался, не махал и не говорил мне “Привет”. Полагаю, мне хотелось, чтоб так все и было. Вот только сейчас почему-то я обращала на это больше внимания, чем раньше. Кейн был прав, когда оценивал меня. У меня ведь действительно нет друзей. Ну, не считая Мерфи и Оливию. Я незаметно продвигалась в толпе. Невидимка. Впервые после переезда в Уинстон это беспокоило меня.

В кафе как обычно я купила сэндвич с индейкой, яблочный сок и пошла к машине. Через несколько минут я приехала в парк Ковингтона и уселась на свою скамейку. Дул свежий ветерок. Солнце приближалось к линии горизонта и уже практически спряталось за озером, поэтому я поспешно развернула сэндвич и откусила кусочек. Аппетита вообще не было, потому я просто сидела и наблюдала за бегунами на дорожке. Кейн занимал все мои мысли.

Его испещренная шрамами спина появилась у меня перед глазами. Что же он пережил? Через какие еще мучения он прошел, когда был маленьким мальчиком? Должно быть, его детство было бесконечным кошмаром. Как он вырос таким заботливым? Таким нежным? Все же его демоны еще были при нем. В принципе, так же как и мои. Разница лишь в том, что он был смелым. У него хватало сил оставить демонов позади и жить нормальной жизнью. Так почему же я не могу так же? Вместо этого я пряталась вместе со своими монстрами за деньгами моей бабушки и влиятельным именем Бель. Я была трусихой. Вот и все. Что вообще заставило меня подумать, что Кейну нужен такой сломанный человек, как я? Что заставило меня подумать, что я заслуживаю такого парня, как Кейн?

— Простите, — сказал хриплый голос рядом со мной. — Здесь свободно?

Погруженная в свои мысли, от звука чужого голоса я перепугалась. Подняв глаза, рядом со скамейкой я увидела маленькую, стройную, пожилую женщину. У нее были сплошь седые, коротко подстриженные волосы. Одета она была в спортивные штаны, кроссовки и футболку с изображением Техаса. В волосах был цветок с розовыми лепестками.

— Ой, — ответила я. — Конечно, присаживайтесь, — я изо всех сил боролась с желанием убежать, ведь предпочитала сидеть одна и до этого

самого момента никто и никогда не хотел присесть ко мне на лавку. Не желая показаться грубой, я успокоилась и улыбнулась ей. Она улыбнулась мне в ответ, отчего вокруг глаз и рта появились морщинки.

— Спасибо, — сказала она милым, старческим голосом и аккуратно села возле меня.

Я не знала, что делать, потому откусила еще кусочек от сэндвича и продолжила смотреть на озеро. Старушка рядом со мной зашевелилась, любопытство пересилило меня, и я взглянула на нее: она достала из сумки небольшой пакет с тремя кусочками хлеба, вытащив один кусочек, она разломала его на несколько частей и бросила нам под ноги.

— Кря-кря-кря, — поддразнила она стайку уток на краю озера. Утки тут же пошли в нашу сторону, крякая от удовольствия и предвкушения вкусной еды. Как будто они с бабулей были старыми знакомыми. Я тут же ее вспомнила, это она всегда стояла у кромки озера, бросала хлеб уткам и перекрякивалась с ними.

Знакомое неудобное чувство стало накатывать, и я стала подниматься.

— О, пожалуйста, — сказала она. — Оставайтесь еще ненадолго и посмотрите вместе со мной за утками. — Ошеломленная ее словами, я посмотрела на нее, улыбка на ее лице была мягкой и теплой. — Мне порой бывает тоскливо и хочется побыть с кем-то рядом, — в ее зеленых глазах явно читалась мольба. — Вы не останетесь?

Каким-то образом своими добрыми глазами ей удалось меня убедить.

— Хорошо, — ответила я и села обратно. Заметив, что она пристально наблюдает за мной, я нерешительно улыбнулась ей.

— Я вас здесь уже видела. С утками.

Она кивнула и улыбнулась.

— Я тоже вас видела.

Утки уже добрались до лавки и хватали кусочки хлеба так быстро, как только бабуля успевала его ломать. Она протянула мне один кусок. Я взяла. Понаблюдав за ней пару секунд, я стала делать тоже самое — ломать хлеб на кусочки и бросать его уткам. Толстая белая утка поспешила ко мне, схватила кусочек хлеба оранжевым клювом и запрокинув голову назад проглотила. Я усмехнулась, а когда взглянула на бабулю, заметила, что она внимательно на меня смотрит.

— Почему вы такая грустная? Такая милая девушка, но всегда приезжаете сюда одна и едите тоже в одиночестве, — она вытащила цветок из волос, и я обратила внимание на то, какими тонкими и хрупкими были ее руки. — Каждый день я желаю себе не быть одной. Что же вас беспокоит, дорогая?

На минутку я представила себе, каково бы было, если бы бабушка Бель была такой же милой, как эта бабуля. Трудно представить. Смею ли я разговаривать с ней? Могу ли рассказать ей что-нибудь? Я бросила на землю еще несколько кусочков хлеба, все утки собрались у моих ног. Старушка терпеливо ждала мой ответ.

Я улыбнулась.

— Я всегда была одна. До недавнего времени.

Улыбка расплылась по ее лицу.

— Вы познакомились с молодым человеком? Я видела его. Дьявольски красив, — она хихикнула и смешок вышел скрипучим. — Симпатичная попка.

Я рассмеялась и кивнула.

— Да, — я посмотрела на нее. — У нас обоих непростое прошлое, — призналась я. — Кое-что... кое-что недавно случилось, и мне кажется, я могу потерять его навсегда, — слезы наполнили мои глаза просто от того, что я сказала это вслух. Я хотела, чтобы они оставались спрятанными за моими веками, чтобы она не увидела этих слез.

— Понятно, такое случается время от времени, — она бросила последний кусок хлеба уткам. — Вы его любите?

Вопрос был неожиданным, я подумала несколько секунд.

— Я... Я не знаю, я никогда раньше никого не любила.

— Тогда заявляю, что это самое грустное, что я когда-либо слышала, — она повернулась ко мне, положив ногу на ногу. — Вы поймете, занято ли Ваше сердце лишь только тогда, когда поставите его потребности выше своих. Когда вы будете готовы сделать все, что угодно, лишь бы улыбка не сходила с его губ, а боль не касалась его сердца, — улыбка на ее лице замерла. — Я встретила Сэма, когда мне было всего тринадцать лет. Ему было пятнадцать, — она подмигнула мне. — Мне нравятся парни постарше, — она мягко рассмеялась от своей собственной шутки, затем продолжила свою историю. — Мы вместе учились в школе, а потом он ушел на войну. Это было летом тысяча девятьсот сорок второго года. Как-то он вернулся домой в краткосрочный отпуск, — она вновь подмигнула мне. — Тогда я забеременела нашей первой дочкой. Когда его отпуск кончился, я была в ужасе, что он больше не вернется.

Я наблюдала за этой старой, хрупкой женщиной, потерянной в воспоминаниях о прошлом. Она полностью ушла в себя и уже больше не была в настоящем. Вспоминая свою прошлую жизнь — до того, как стала одинокой.

— После того, как Перл Харбор атаковали японцы, ребята были очень

напуганы, но полны мести. Мой Сэм тоже, — на секунду она прикрыла глаза. — Господи Иисусе, это был красивый мужчина. У меня перехватывало дыхание всегда, когда я думала о нём, — она открыла глаза и посмотрела вперед, вспоминая. — Темно-русые кудри — конечно, пока в армии их не сбрили — сверкающие голубые глаза и заразительный смех. И честное слово, он умел танцевать!

Я сидела и слушала, затаив дыхание. Лишь изредка я вспоминала, что нужно крошить уткам хлеб. Они были прямо под моими ногами, пытаясь перехватить хлеб как можно быстрее. Я хотела узнать больше о той любви, мне даже не нужно было просить об этом. Старушка продолжала.

— Мой Сэм приземлился в Юта-Бич, это в Нормандии, Франция, в день начала боевых действий, хотя в то время я об этом не знала. А если бы знала, то довела бы себя до сумасшествия. Но хвала Иисусу, он выжил, — она повернулась ко мне, ясные, зеленые глаза стали темнее с закатом. — Я молила Бога, что, если он вернет моего Сэма живым и невредимым, я каждый день буду жить лишь для того, чтобы делать его счастливым. Бог услышал меня, потому как Сэм вернулся домой, — она вновь погрузилась в свои мысли, назад в тот день, морщинки слегка разгладились вокруг ее глаз. За пеленой времени я видела ее юношескую красоту. — Я никогда не забуду тот день на аэродроме, когда ждала его. Когда он сошел с трапа, я думала, мое сердце выпрыгнет из груди!

Слезы вновь ужалили мои глаза, и я поразились своей реакции.

Она посмотрела на меня.

— А как ваше сердце ведет себя, когда вы видите этого молодого человека?

Я тихо вздохнула и посмотрела ей в глаза.

— Как будто оно готово разорваться в груди.

— Значит, — сказала она, протянув мне свою костлявую руку и похлопав меня по колену, — если это настоящая любовь, все будет хорошо, моя дорогая. Просто помните, что я вам сказала, — она взяла меня за руку и легонько сжала. — Меня зовут Клара. А вас как?

Я улыбнулась.

— Харпер.

Клара кивнула.

— Спасибо, что позволили мне рассказать о своем Сэме. Вы же еще приедете сюда? Мы можем вновь вместе покормить уток и поболтать немного.

Я улыбнулась ей.

— С удовольствием, Клара.

Ее зеленые глаза сверкали.

— Замечательно.

Позже ночью, я лежала без сна и думала о Сэме и Кларе. Интересно, почему ей так одиноко? Я решила, что, должно быть, Сэм уже умер, но как насчет ее детей? Или внуков? Она такая милая и добрая, я даже представить себе не могу, каково это — иметь такую бабушку. Будь у меня такая бабушка, я бы проводила с ней как можно больше времени.

Но мне не повезло. У меня была Коринн Бель. Она не была милой, скорее наоборот.

Клара, однако, дала мне надежду. Возможно, спустя время, у нас с Кейном все наладится, и мы сможем продолжить наши... что? Отношения? Я знала одно — я хочу, чтобы это продолжалось.

Несмотря на мои надежды, от Кейна не было вестей. День за днем, ночь за ночью, я ждала, а он все не звонил. Мне казалось, что я живу на автопилоте, передвигаясь по кампусу с пары на пару с фальшивой улыбкой и маской на лице. Я уже больше не могла притворяться. Становилось все труднее и труднее убеждать других в том, что я счастливая, богатая любимица Техасского общества, у которой было все, и даже больше. Мерфи была полностью поглощена отношениями с Джошем, что немного облегчало мне задачу. Но внутри я жутко нервничала, чувствовала себя загнанной в угол, не знала, куда идти и что делать дальше.

Оставалось полторы недели до каникул. Несмотря на некоторое недовольство нескольких Дельт, которые все еще хотели отомстить Каппам, я полностью прогнала все мысли о пари из головы так же, как и все остальное, что происходило вокруг меня. Предчувствие поездки в дом Бель, нападение на Кейна и — самое главное — его отчуждение от меня. Это было больнее всего. Но мне казалось, я понимаю его, правда понимаю. Разве я не сделала бы то же самое? Тем не менее, от этого мне не легче не становилось, боль не уходила.

Казалось, из-за того, что я узнала его секрет и увидела шрамы, между нами возникла пропасть. Как будто он каким-то образом связал меня со шрамом. Конечно, все это были лишь мои догадки, и я продолжала придумывать все новые и новые и проигрывать их в своем мозгу, пока боль, которую он мне оставил, не стала невыносимой. Я скучала по нему. Скучала так, как никогда раньше.

Такое чувство, будто его не стало, как будто он умер.

— С тобой все в порядке? — спросила Мерфи, неожиданно оказавшись рядом со мной. Сегодня пятница — прошла ровно неделя после избиения Кейна. Неужели уже целая неделя? Последние два часа мы

были на кухне, раскладывали консервы, которые нам пожертвовали. Предрождественские благотворительные акции всегда длились долго, мы много еды насобирали в этот раз.

Мерфи была в кепке Силвербэков, волосы заплетены в косички, которые торчали по обе стороны от кепки. Она пристально посмотрела мне в лицо.

— У тебя такой вид, как будто у тебя болит живот.

Ее слова заставили меня слегка улыбнуться:

— Все в порядке. — Конечно же, это была ложь. К счастью, нападение на Кена держалось в секрете, об этом никто не знал. Я даже Мерфи об этом не сказала. В любом случае, она бы ничем не смогла помочь, так зачем же тогда нагружать?

— Ну вот, наконец и она, — Мерфи улыбнулась. — Эта прекрасная улыбка, которую я давненько не видела и уже успела соскучиться, — она потянулась. — Класс! Я пошла, — он толкнула меня локтем. — Не знаю, чего хочется больше: секса или выпить, но в любом случае — она подмигнула мне, — пока.

— Пока, — ответила я, наблюдая, как она шагает к машине Джоша, возле которой он уже ждал ее, прислонившись и сложив руки на груди, и когда Мерфи увидела его, она побежала навстречу и прыгнула прямо ему в руки. Они поцеловались, она обняла его за талию, а я лишь покачала головой, ведь они чуть не упали, затем рассмеялись и стали целоваться вновь. Сложив последнюю коробку консерв, я загрузила ее на полку, помахала на прощание кухонному персоналу и пошла к выходу.

Увидев Кейна, я остановилась как вкопанная.

Слова не приходили, я лишь смотрела на его избитое лицо, которое все еще было черно-синим, но в некоторых местах синяки уже начали желтеть. Под рубашкой виднелись бинты, стягивающие его сломанные ребра. Я вздрогнула, мои глаза наполнились слезами.

— Нам нужно поговорить, — сказал он, и его глаза уже говорили, буквально кричали, кричали о том, чего я не хотела слышать.

— Хорошо, — ответила я и просто... просто ждала. Я не знала, что мне делать, куда идти, что говорить...

В следующую секунду его руки коснулись моего лица, а губы — моих губ, я выдохнула, он вдохнул.

— Я так скучал по тебе, — сказал он и крепко меня поцеловал.

Я поцеловала его в ответ.

18. Тайны

— Ты в порядке? — спросила я, все еще ощущая вкус мяты после поцелуя с Кейном.

Он кивнул.

— Уже лучше, — Кейн посмотрел на меня и взял за руку. — Бракс и Грейси уехали на выходные, — он пристально посмотрел на меня. — Останешься со мной? — рукой он приподнял мой подбородок. — Пожалуйста.

Я подняла голову, подставляя губы для поцелуя, и он этим тут же воспользовался, медленно и нежно поцеловал меня, затем вздохнул.

— Я встречу тебя здесь через час.

Это был самый длинный час в моей жизни. Я сбегала в душ, переоделась, высушила голову, сделала легкий макияж. Исследовала свой шкаф, все было слишком официально. Мерфи разрешала мне пользоваться ее шкафом и брать то, что хочу, поэтому я побежала к ней в комнату, нашла джинсы с дыркой на колене, майку в полоску и красную рубашку. Схватив все это, я побежала обратно к себе, оделась и просто влюбилась в свое отражение.

Как так вообще вышло, что я раньше не носила джинсы?

Я посмотрела на свою обувь — не пойдет, ничего сочетающегося с моим внешним видом. Побежала обратно в комнату Мерфи, где нашла ее черные угги — не думаю, что она убьет меня за них — надела и снова просто ощутила себя другим человеком.

Я пропала. Без вести. Внезапно я почувствовала себя свободной, словно стала самой собой. Это было захватывающее зрелище.

Дорога до дома Бракса заняла десять минут из-за интенсивного движения машин в пятницу вечером, и когда я подъехала, Кейн уже ждал меня, прислонившись к своей машине. Я заглушила двигатель и Кейн улыбнулся, когда я вышла из Лексуса, он улыбнулся еще шире.

— Вау! — сказал он себе под нос, но я все равно слышала. Он медленно осмотрел меня с головы до ног. — Повседневная одежда выглядит на тебе просто супер.

— И по ощущениям тоже просто супер, — сказала я вздрогнув. Кейн притянул меня ближе, взял за руку и повел внутрь. Внутри свет не горел, лишь свечка на журнальном столике. Не говоря ни слова, он повел меня к дивану, я села, Кейн сел рядом и обнял меня.

— Я хочу тебе кое-что сказать, Харпер, — сказал он тихим, завораживающим голосом. Я вся обратилась в слух, меня это заинтриговало. Я знала, что будет дальше, он будет говорить вещи, которые не хочет говорить, вещи, которые я не хочу слушать.

Но нам обоим это необходимо.

— Я знаю, что Бракс немного тебе рассказал той ночью. Я не собираюсь все это повторять еще раз. Во-первых, я хочу, чтобы ты кое-что знала, — он вздохнул, посмотрел мне в глаза. — Я никогда не подвергну тебя опасности, Харпер. Надеюсь, ты это знаешь, — ярость пробежала по его лицу. — Когда я увидел, как тот мужик идет в твою сторону, я просто свихнулся.

У меня пересохло в горле от ярости в его глазах.

— Я знаю, Кейн. Я знаю, что узнал Кори.

Он кивнул.

— Но есть вещи, о которых даже Бракс не знает, — он покачал головой, потер рукой челюсть. — Черт! — он боролся сам с собой, я явно видела это, но молчала, ждала.

— Моя сестра, Кэти, — он грустно улыбнулся. — Тогда она была моим единственным светом, такая милая, маленькая и такая беспомощная, — его лицо стало злым. — Наш отец, здоровенный мужик с большим животом, большим ртом и жутким нравом. Особенно, когда у него в желудке было шесть бутылок пива. А оно там было практически постоянно, — он отпустил меня, потер глаза, затем посмотрел мне в глаза. — Обычно я принимал на себя все наказания Кэти. Но все же одно прошло мимо меня, — он закрыл глаза, вздохнул, снова открыл их. — Как-то я вернулся домой, а он избил мою сестренку до бессознательного состояния. А сам вырубился в кресле в куче мусора, в которой мы жили, — он снова покачал головой, я знала, что он вновь переживает этот кошмар. Сама испытывала такое. Кейн продолжил. — Я нашел ее на полу в куче грязного белья, — у него был тихий, надтреснутый и болезненный голос, мне больно было его слышать. — Она лежала и не просыпалась. Ее маленькие тоненькие ноги и руки были вывернуты странным образом, — он прочистил горло. — Я знал, что она жива, поэтому позвонил 911. Затем избивал пьяную, жалкую задницу своего отца, пока парамедики не оттащили меня от него, — он вновь прочистил горло. Я вложила свою руку в его, и он сжал ее. — Я избил его недостаточно сильно, потому что этот ублюдок ходил живой и здоровый уже спустя пару дней. Сейчас он в тюрьме и не выйдет оттуда, по крайней мере пока я жив, — его взгляд был сосредоточен на наших руках, затем он поднял голову и от боли, которую я

увидела в его глазах, я перестала дышать.

— Моя сестренка так и не проснулась, — признался он. — Сначала Кэти была просто в больнице, — он вздохнул. — Она была переполнена, в ней не хватало оборудования, и то, как за Кэти там ухаживали... я ненавидел туда ходить. Ненавидел, что она там, — его глаза теперь были полны огня, боли и теней. — Я бросил школу, когда был в старших классах, сбежал из еще одной приемной семьи и тогда стал заниматься числами, стал считать, проверял свои знания, делая маленькие ставки, затем все больше и больше. Возможности были безграничны, ведь я был в этом хорош, — теперь он отвел взгляд, я поняла, что он задается вопросом, осуждаю ли я его. — Я тратил каждую копейку на безнадежно маленькую квартиру и оплату за заботу о своей сестренке, которую перевез в приличное частное заведение на побережье, за городом. Харбор Бриз. Там о ней хорошо заботятся и относятся с уважением. Даже если врачи говорят, что она этого не видит, из ее комнаты открывается прекрасный вид на гавань, и я думаю, она видит это, я думаю, она слышит меня, когда я разговариваю с ней. С восемнадцати лет я забочусь о своей сестренке, плачу за ее лечение.

У меня внутри все потяжелело, как будто я проглотила что-то очень тяжелое.

Его младшая сестра жива, но была избита собственным отцом до состояния овоща. А Кейн с тех пор заботится о ней. Слова не шли, в горле пересохло.

Кейн приподнял мой подбородок и посмотрел мне в глаза. Из моих глаз градом катились слезы, его собственные были влажными, стеклянными и просто бездонными.

— Итак, Харпер, вот именно поэтому я считаю, делаю ставки и помогаю делать их другим, именно поэтому не могу бросить. И никогда не смогу, ни на секунду. Моя младшая сестренка — мое сердце — заслуживает всего самого лучшего.

Когда голос Кейна снова надломился, я прислонилась к его груди и осторожно обняла, но не сжимала, а просто прильнула к нему, он положил свой подбородок мне на голову, некоторое время мы молчали, просто сидели.

— Об этом я рассказал только тебе, — признался он. — Только ты знаешь.

Я подняла глаза, посмотрела на него, его глаза говорили, говорили без остановки.

— Со мной ты в безопасности, — сказала я тихо, проведя пальцами по

его волосам. — Ты можешь мне верить.

В глазах Кейна я увидела благодарность. Желание. И еще что-то, с чем я не была знакома.

— Могу, да? — спросил он, прикоснувшись пальцем к моей губе.

— Да, — ответила я, и у меня побежали мурашки по коже.

Он притянул меня к себе, прижав губы к моему уху, прошептал:

— Спасибо, — затем нежно поцеловал меня в ухо, я руками нашла его лицо, ощущения от небритой кожи были просто поразительными.

Я повернулась и наклонилась к нему, он легонько застонал, я резко отодвинулась, посмотрев на его ребра.

— Прости меня, — прошептала я. — Я...

Он поцеловал меня, заглушив мои слова.

— Я в порядке, — прошептал он. — Просто немного болит, — он гладил меня по бедру, затем по спине, забрался под рубашку, после — под майку, пока не коснулся моей кожи. У меня перехватило дыхание, и он остановился.

— Нет, — сказала я, целуя его в губы. — Я не хочу, чтобы ты останавливался, Кейн, — он посмотрел на меня, в его больших глазах явно читался вопрос, была ли я уверена. — Ты веришь мне, — тихо сказала я. — А я верю тебе. Я никогда прежде не хотела разделить эту часть себя с кем-либо, — он внимательно смотрел на меня, заставляя мои внутренности гореть огнем. Я не хотела говорить ему, что это запрещено, что это грех в глазах моей властной бабушки, не сейчас. — Я хочу, чтобы это был ты, Кейн МакКарти.

Не закрывая глаз, он нежно поцеловал меня.

— Ты уверена?

Я поцеловала Кейна, подражая его движениям, затем отстранилась.

— Я никогда не была так уверена.

— Я привел тебя сюда не для того чтобы соблазнить, — тихо сказал он.

— Но ты соблазнил, — ответила я, робко улыбнувшись. — Я с абсолютной уверенностью могу тебе сказать, что я на сто процентов соблазнена.

Он улыбнулся, встал с дивана и потянул меня за собой. Нагнувшись, поднял свечу, которая так соблазнительно пахла, взял меня за руку и повел меня в комнату — ту самую, где он лежал после драки. Там он поставил свечу на тумбочку, завел меня внутрь и закрыл за нами дверь.

Почему же я не волновалась? Почему не было потока страшных воспоминаний? Было ли это от того, что Кейн был прав? Что мы с ним оба

были правы? Правы в том, что мне нужно было довериться лишь одному человеку.

Когда дверь в комнату закрылась, я забыла, что такое страх и ужас.

19. Кейн

Черт, что я творю? Часть меня знала, что мне нужно остановиться. Просто встать и выйти за дверь. Выйти на улицу и, черт подери, остыть.

Харпер потянулась ко мне, она взяла меня за руку и ее маленькие, нежные пальчики растворились в моей большой руке, а глаза были похожи на два океана. Она просто стояла, затем стала медленно приближаться. Я почувствовал запах цветочного шампуня, когда Харпер заправила волосы за ухо.

— Раньше мне не хотелось, чтобы ко мне прикасались, — сказала она тихо. — Теперь я хочу.

В эту самую секунду я пропал. Всего три слова — и я, черт возьми, пропал. Я взял ее лицо в свои ладони, рассматривая каждую черточку лица, затем поцеловал, так страстно и голодно, как будто не ел уже несколько недель. У нее были полные губы, мягкие, податливые, неопытные, но она целовала меня так же, как и я ее, полностью имитируя мои движения, пробовала там же, где пробовал я. Харпер положила руки мне на грудь, затем переместила их на живот, в тот момент я был совершенно потерян, от этого смелого движения мне даже пришлось проверять себя, не сплю ли я, жив ли я вообще. Я отстранился, она посмотрела на меня и улыбнулась, такую улыбку я еще не видел, ведь она не была сломанной, она была настоящей и предназначалась только мне.

— Мне нравится, как ты меня целуешь, — призналась она. Даже при свете свечи я увидел, что ее щеки покраснели. Она опустила глаза вниз, затем обратно. Застенчиво. Храбро. В ее глазах горело желание.

Я наклонил голову, провел губами по ее губам, коснулся пальцами ее ключицы, затем спустился к рубашке, расстегнул, сбросил с ее плеч прямиком на пол. Я касался ее так легко, как мог, она казалась такой нежной, маленькой. Недолго думая, Харпер последовала моему примеру: нащупала пуговицы на моей рубашке, расстегнула их все до единой. Прямо как я.

Она распахнула мою рубашку, от вида синяков и гематом вокруг моих ребер у нее расширились глаза, она нежно касалась синяков, ее рука скользнула на мой живот, изучая пресс. Затем посмотрела на меня, обняла за шею и притянула к себе.

Я поднял ее на руки, было чертовски больно, но мне было все равно. Она почти ничего не весила, но мои сломанные ребра еще не срослись.

Харпер смотрела на меня широко раскрытыми глазами, я положил ее на кровать, но ее руки так и не покинули мою шею, а губы все еще были на моих губах. Мы делили один воздух, одно пространство на двоих. Мы могли бы быть одним целым.

Лежа рядом, я почувствовал, что ее поцелуи становились такими же голодными и страстными, как и мои, и когда я скользнул рукой по ее бедру, ощущая кожу под тонкой тканью, она придвинулась ближе и застонала. Я скользнул под ее майку, у нее была мягкая, никем не тронутая кожа, я засомневался, потому отстранился, пытаюсь найти ответы на волнующие меня вопросы, при этом не произнося их вслух, я искал одобрения в ее глазах.

Харпер села, сняла через голову майку и бросила на пол, затем потянулась к моей майке, и я позволил снять ее с меня, затем она притянула меня к себе, и я вновь подчинился.

Наши губы были как будто кусочками паззла, когда ее пальцы скользнули по моей спине, изучая мои шрамы, я почувствовал, что исцеляюсь. Это было чертовски приятно. Как будто я всю жизнь ждал лишь ее, просто чтобы доверить ей самые темные частички моей души. Она видела эту темноту и принимала ее. Я поглощал ее часть за частью и все равно этого было недостаточно.

Я потянулся к ее джинсам, коснулся бедер, затем упругого живота, ребер, и когда добрался до груди, у меня пересохло во рту. Мне не пришлось ее ни о чем спрашивать, она приподняла попу, сняла с себя джинсы и бросила их на пол. Одним легким движением руки я расстегнул ее кружевной лифчик, Харпер лежала передо мной, доверяя мне, с широко распахнутыми глазами и рассыпавшимися по сторонам волосами, как ангел, спустившийся с небес. Я буквально перестал дышать, просто забыл, как это делается, не говоря ни слова, я взял ее за руку и приложил к своей груди — слева, где как сумасшедшее стучало мое сердце. В ее глазах явно читалось удивление, когда она почувствовала бешеный ритм моего сердца. Я поднялся с кровати, снял джинсы, трусы, она снова потянулась ко мне, и я пошел на ее зов.

Ее мягкое и нежное тело лежало подо мной, мы слились воедино, как два кусочка металла, разгоряченных до жидкого состояния. Она касалась моих шрамов на спине, но мне было все равно. Мне не было стыдно от того, что она видела мои шрамы. Когда я пробовал ее, целовал в шею, в ложбинку на горле и в эти сладкие, полные губы, я изучал ее тело и понимал, что оно идеальное, гибкое, как и мое. Она была самой красивой из всех девушек, которых я видел.

Нащупав кошелек на прикроватном столике, я вытащил оттуда презерватив, открыл его и надел. Я взялся за краешки ее трусиков, нежно стянул их и бросил на пол, затем медленно двинулся к ней, нерешительно, пытаюсь совладать с желанием и голодом. Я целовал ее, целовал не прекращая, затем коленом раздвинул ее бедра, и наконец заполнил, проглотив ее вздох поцелуем, затем замер, чтобы Харпер немного привыкла ко мне. К нам. Я чуть не сошел с ума, пока ждал. Затем поцеловал ее, и она поцеловала меня в ответ. Ее ноги инстинктивно обхватили меня за талию и тогда мы стали двигаться, двигаться в такт, как единое целое, и я снова потерялся. Я увидел, как глаза Харпер расширились, а затем она зажмурилась, и стон наслаждения сорвался с ее губ. И тогда я взорвался, волна за волной, пока хватало дыхания, после падая рядом с ней. Мы оба задыхались, я притянул ее к себе, она прижалась ко мне всем телом, и я ласково поцеловал ее в лоб. Мы лежали, пока наши сердца возвращались в нормальный ритм.

Я посмотрел на нее, такую нежную при свете свечи. Ее губы слегка распухли от поцелуев, а глаза были слегка влажные.

— Я не могу перестать смотреть на тебя, — сказала она, и ее пальцы коснулись моего живота. — Или изучать руками.

Если бы девушка могла заставить сердце парня растаять, то именно этой фразой она только что сделала это. Я заложил ей волосы за ухо.

— Я здесь, — пробормотал я.

Она склонила голову.

— Что ты имеешь в виду?

Я провел пальцем по ее губам.

— Я искал тебя всю мою жизнь.

Она улыбнулась такой улыбкой, которой я еще не видел, положила мою голову себе на грудь, и я заснул самым спокойным сном в объятиях Харпер. Она нежно водила пальчиком по моей коже, по волосам, целовала в висок. Исцеляя меня.

Едва занялось утро, я проснулся, все еще в объятиях Харпер, и когда я поднял свой взгляд, ее широко раскрытые глаза смотрели на меня, наполненные удивлением.

— Я же говорила, что не могу перестать смотреть на тебя, — она улыбнулась, затем нахмурила брови. — У меня все болит.

Я медленно улыбнулся.

— Это нормально.

— У тебя... у тебя такой большой член.

Я приподнял бровь.

— Так все девочки говорят?

Она бросила в меня подушкой.

— Я серьезно! — затем она опустила глаза вниз, увидела мою эрекцию. — Ого.

Я не мог сдерживаться, потому рассмеялся. Ее роскошное тело звало меня, но я знал, что нужно время, чтобы у нее там внизу все зажило, иначе я сделаю ей больно.

— Пойдем готовить блинчики.

— Пойдем.

Я подумал, что неплохо было бы для начала принять холодный душ, но отменил эту идею и дал ей одну из моих футболок. Она была ей практически до колена, но выглядела Харпер в ней просто восхитительно. Пока я готовил блинчики, она сидела на столешнице, затем мы вместе позавтракали на диване. Это было так... так нормально. Так правильно. Как будто все то дерьмо и ад, через которые я прошел в детстве, привели меня вот сюда, к этой девушке, к той, которая исцелит меня.

Выходные пролетели слишком быстро. Я не мог отвести глаз от нее или отнять рук. Да я практически чувствовал себя девственником рядом с ней. С Харпер все было по-другому, не так, как со всеми другими девушками, которые у меня были. С Харпер все было уникально. Особо. Она заполняла ту пустоту, которая всегда была со мной, пустоту, которая, как я думал, не заполнится никогда. Я ни разу никого не подпускал так близко, не позволял видеть себя настоящего. Было так легко пустить Харпер. Так чертовски легко. И что теперь? Когда она там? Я не хотел, чтобы она уходила. За всю свою жизнь я любил лишь двоих — Кэти и Бракса. Теперь же, впервые в жизни, я понял, что у меня в сердце еще есть место. Понимание этого заставило меня задуматься, задуматься о будущем. Ведь если я хотел быть с Харпер, нужно было покончить с числами. Как, черт возьми, я это сделаю?

В воскресенье днем Оливия с Браксом вернулись. Мы вышли на улицу, чтобы встретить их.

Оливия, с рюкзаком за плечами, слезла с байка Бракса и стала расстегивать шлем. Бракс последовал ее примеру.

— Как дела, брат? Коротышка?

Я притянул Харпер ближе к себе.

— Отлично.

Оливия улыбнулась.

— Последние несколько десятков миль я чувствовала, как у Бракса урчит живот, — сказала она и посмотрела на Харпер. — Мы... мы

собираемся поехать в пиццерию. Поедешь с нами?

Я почувствовал, как она напряглась, но затем заметил, как Харпер выдыхает, медленно, успокаивающе. Это чувствовал только я, больше никто.

— Было бы здорово, Оливия, — медленно и нерешительно сказала Харпер. — Спасибо.

Оливия улыбнулась мне. Я не смог сдержаться, потому улыбался, как идиот во весь рот. Оливия просияла, как будто сделала величайшее открытие. Окончательный прорыв. Харпер посмотрела на меня и ее глаза сияли.

Она согласилась пойти и, по какой-то причине, я понял, что это важное изменение, важная веха в жизни. Я не мог понять, почему она никогда не соглашалась, даже если это был просто ужин с друзьями. Меня беспокоило, что она очень мало ела. Все выходные я чувствовал и слышал, как ее живот урчит от голода, но, когда я предлагал поесть, она говорила, что не голодна. Ей не нужна была еда, ей нужен был я. В этом плане она была голодна, очень даже, от этого я улыбался, но все же беспокоился. Я знал, что она доверяет мне, но большая темная комната, полная тайн и секретов Харпер, все еще была закрыта для меня. Надеюсь, однажды она пустит меня туда.

Но сейчас она приняла приглашение Оливии и даже согласилась показаться со мной на людях. Еще одна веха. Я проломил, по крайней мере, внешнюю стену, которую она тщательно построила вокруг себя, и это здорово. Позже днем я ждал ее в гостиной сестринства Дельта, пока она побежала наверх переодеваться.

Именно тогда я услышал то, чего хотел бы не слышать.

— Я все еще думаю, что Харпер ошибается, — сказала девушка, она и еще двое других девушек стояли у камина, а я стоял у входной двери, и они не видели меня, а даже если бы и видели, то, вероятно, они не в курсе, что я жду Харпер. — Она же сама придумала пари, она хотела отомстить Каппам, и этот лузер, брат Бракса Дженкинса, был ее выбором, подопечным, объектом для реформации.

У меня все внутри замерло. Может быть, я не так их понял?

— Я слышала, как она говорила Мерфи, что он не вариант. — сказала другая. — Что его невозможно изменить и она не хочет попасть в неприятности из-за него. Ха, думаю именно поэтому Харпер и отозвала пари. Она просто не хотела проиграть.

— Возможно, — ответила другая девушка. — Если меня кто спросит, то я считаю, что это все неправильно, и пари нужно вернуть. Она наш

президент, но мы должны отомстить за Оливию и Марси.

Я услышал достаточно.

Я что, был частью дурацкого розыгрыша?

Я не оглядывался, не смотрел на девушек.

Я просто пошел подальше оттуда.

20. Сломанная

Спустившись с лестницы, я увидела, что Кейн уходит.

Почему он уходит?

— Эй, Харпер, привет, — это была Анна.

— Привет, — сказала я и пошла к дверям. Кейн был на полпути к своему пикапу. — Кейн! — позвала я, но он не остановился, и я пошла быстрее. — Кейн, подожди!

Он остановился, но стоял ко мне спиной. Даже когда я подошла к нему, он не повернулся. Его широкие плечи опустились, как будто на спине была гиря, взгляд был направлен вниз. Бракс с Оливией стояли возле байка Бракса и издали наблюдали за происходящим, оба были обеспокоены.

Наконец Кейн повернулся ко мне. В его глазах цвета кофе плескалась боль.

— Пари, Харпер? Вот кем я был для тебя? Экспериментом?

Страх парализовал мои голосовые связки. Он не кричал, даже голос не повысил, но вот его глаза, они словно выплескивали все эмоции на меня.

— Нет, о, нет, Кейн. Как... как ты узнал?

Гнев вспыхнул в его глазах.

— Так это правда? — он говорил спокойным голосом, но внутри него все кипело. Гнев и боль. Оба этих чувства я ощущала, как свои собственные.

Я кивнула.

— Да.

Он смотрел на меня своими кричащими глазами.

— И что, никаких оправданий, объяснений не будет?

— Нет, — тихо ответила я. — Пари было. В самом начале — да, но потом я...

Он покачал головой.

— Я не хочу это слушать, Харпер, — он развернулся, открыл дверцу пикапа, затем повернулся обратно ко мне, наклонился к уху. — Я. Верил. Тебе, — сказал он резко, выделяя каждое слово. Его глаза зло смотрели на меня, такого взгляда у него я еще не видела. Я хотела все ему объяснить, хотела сказать, как он был не прав, хотела сказать, как я была не права, когда придумывала это пари, но я не могла этого сделать. Я знала, что это просто бесполезно. Он молча отвернулся, сел в машину, завел двигатель и уехал прочь, даже не взглянув на меня.

Внутри я дрожала. Живот скрутило, я не могла дышать.

Что же я наделала?

Я уставилась на быстро удаляющиеся задние габаритные огни его машины и смотрела, пока они вовсе не скрылись из виду. Боль охватила меня, она была просто ужасной — давно я не испытывала такой боли.

Оливия подбежала ко мне.

— Харпер, что случилось с Кейном?

У меня онемели губы. Я стояла и дрожала, боль была такой сильной, что мне хотелось разделиться на части. Я даже не могла заставить себя посмотреть на нее. Я могла лишь смотреть туда, куда уехал Кейн.

— Это... это я виновата, — тихо сказала я, Бракс подошел вплотную к нам, но молчал. — В начале семестра я придумала план, как отомстить Каппам за их ежегодные пари, — медленно проговаривала я каждое слово. — За то, что они сделали с тобой, а затем с Марси Уотерс в этом году, — я вздохнула, Оливия и Бракс внимательно меня слушали. — Я придумала план реформации, ответное пари, чтобы отомстить Каппам, — я наконец смогла посмотреть на Оливию. — Преображение плохого парня. — Господи, как же глупо это звучало сейчас. — Трое из нас выбрали себе подопечных для улучшения, — я вздохнула. — Кейн был моим.

— Господи Иисусе, — пробормотал Бракс. — Грейси, пойдем, — он развернулся и пошел к своему байку, сердитым, быстрым шагом.

— Он просто защищает своего брата, — сказала Оливия.

Я покачала головой.

— Я не виню его, — сказала я. — Я была полной дурой.

Оливия положила мне руку на плечо и улыбнулась.

— Просто дай ему немного времени, Харпер, — сказала она. — У таких вещей есть срок годности, — затем она развернулась и пошла к Браксу, села на байк, надела шлем, и они уехали. Я наблюдала за исчезающим вдали габаритным огоньком. Я стояла под фонарем на парковке возле дома “Дельт”, ночной воздух окутал меня и, хотя вокруг были люди, а из дома “Капп” доносилась музыка, я все равно чувствовала себя ужасно одинокой.

Я оставалась на улице, позволив декабрьскому воздуху морозить мои руки, щеки холодом. Как я могла быть такой дурой? Нужно было все рассказать Кейну давным-давно. По крайней мере, о том, что я его выбрала и что собираюсь все отменить. Вместо этого я просто все пустила на самотек, отозвала пари и благополучно забыла про него. Я позволила своей новообретенной радости с Кейном поглотить меня так, что я потеряла бдительность. Бдительность во всем.

Как я могла так с ним поступить? Я ведь знала, через что ему пришлось пройти. А своими действиями я сделала ему еще больнее. Была ли Оливия права? Пройдет ли это само? По какой-то тошнотворной причине я думала, что нет. Кейн был тем парнем, который дает лишь один шанс заработать его доверие. И когда ты его получаешь, то действительно этого заслуживаешь.

А что если ты его теряешь? Тогда все. Доверия больше нет.

Так же как это было со мной.

Слезы наполнили мои глаза, и я позволила им свободно падать, я не могла их сдерживать.

Я порвала на мелкие кусочки все то, что было у нас с Кейном.

Наконец, я вернулась в дом, поднялась по лестнице в свою комнату. Голод больше не чувствовался. Я переоделась и забралась под одеяло, повернувшись на бок.

В душе я чувствовала, что это был последний раз, когда я видела Кейна МакКарти.

Закрыв глаза, я плакала и плакала, пока не уснула.

* * *

Прошло три дня, за все это время я ни разу не видела машину Кейна на территории кампуса. Он свернул все свои дела, и даже если все еще был в городе, то больше не появлялся в университете. Я блуждала по коридорам с лекции на лекцию, с собрания на собрание, изо дня в день, на автопилоте. Я звонила ему, но он не брал трубку. Я писала и смски, но на них он тоже не отвечал. Это были самые длинные три дня моей жизни. Новообретенная свобода, которую я почувствовала с Кейном, постепенно ускользала, и мои старые страхи вернулись. Снова вошли в мою жизнь, не спросив разрешения. Они просто взяли и... вернулись. Может быть, с новой силой. У меня совсем пропал аппетит, я даже не могла съесть одно блюдо в день. Мне было холодно изнутри. Пусто. Пусто без Кейна. Я скучала по нему. И мое сердце болело от того, что я стала причиной боли Кейна. Его слова преследовали меня в течение дня, но больше ночью.

Я. Верил. Тебе.

Он открыл мне свою душу — больше, чем кому бы то ни было. А я в ответ выбила почву у него из-под ног. Чувство вины захватило меня, мне было очень сложно поддерживать маску, которую я все два года успешно носила в Уинстоне. Три дня. Я больше не могу это терпеть.

Наконец, я набралась смелости пойти к Браксу. Внутри у меня порхал

ком бабочек. Мысль о встрече с Кейном лицом к лицу пугала меня. Но я должна была это сделать.

Когда я подъехала к квартире Бракса, мое сердце упало — пикапа Кейна не было, зато Бракс и Оливия оба были дома. Прежде чем я добралась до двери, чтобы постучать, они оба вышли на крыльцо.

— Он уехал, милая, — сказал Бракс. — Ему очень больно, но я предполагаю, что ты и так это знаешь.

Я кивнула и слезы обожгли мои глаза.

— Я не хотела причинить ему боль.

Оливия взяла меня за руку.

— Бракс, должно быть, забыл, что значит быть на твоём месте, — мягко сказала она. — Так ведь, Бракс?

Он вздохнул, потер подбородок.

— Послушай, Харпер, — сказал он. — Я знаю своего брата, он никого к себе не подпускает, держит всех на приличном расстоянии, — он покачал головой. — Но он впустил тебя, ты достучалась до него, а от этого боль лишь сильнее, — он притянул к себе Оливию. — И да, я знаю, каково быть на твоём месте. Это чертовски отстойно.

Слеза скатилась по моей щеке.

— Я никогда не хотела, чтобы так все получилось, — сказала я, посмотрев сразу на Оливию, затем на Бракса. — А он... он уехал из Техаса?

— Я почти уверен, что да, — сказал Бракс. — Но не могу сказать точно, Кейн мне не отчитывается, он полностью самостоятелен и не отвечает на мои звонки, так же как и на твои, — Бракс притянул меня к себе и заключил в свои медвежьи объятия, чем меня ужасно удивил. — Дай ему немного времени, милая, — посоветовал он и поцеловал меня в макушку. — Увидишь, что будет.

Я кивнула.

— Спасибо, — я посмотрела Браксу в глаза. — Я тогда его совсем не знала, думала, что он просто... случайный парень-плохиш, которого неплохо было бы изменить.

Бракс улыбнулся.

— Ну, это не так уж и далеко от истины, не так ли?

— Только вот он совсем не случайный, — сказала я и посмотрела на Оливию. — Простите меня.

Она обняла меня.

— Все в порядке, Харпер. Я понимаю, почему ты это сделала.

— Он не отвечает на мои звонки, — сказала я и мой голос сорвался.

— Я просто... мне так жаль.

Оливия посмотрела на меня.

— Если это и правда судьба, — сказала она и улыбнулась мне. — То все будет в порядке. Просто верь.

Я посмотрела в мудрые глаза Оливии, я была так благодарна ей за дружбу.

— Спасибо, Оливия.

Сказав это, я ушла, мое сердце сжалось от боли, от страха.

Страх того, что я больше никогда не увижу Кейна. И что я вместо реформации и улучшения сделала ему лишь хуже.

* * *

Завтра будет праздник, событие года, к которому у меня не лежит душа. Абсолютно. Но тем не менее, я помогала со всем и сделала все, что от меня требовалось для подготовки. Дом “Дельт” подавал десерты, я стояла на кухне рядом со своими сестрами и подавала чизкейк с миндалем и вишней, одетая в элегантное красное бархатное платье с длинным рукавом, серебряным лифом и подпоясана праздничным фартуком. Играла рождественская музыка, Дельты нарядили маленькую ель, которая стояла в углу комнаты и мелькала разноцветными огоньками. Повсюду висели гирлянды, ей же были увиты перила лестницы. Я улыбалась, накладывая кусочки торта в пластиковые одноразовые тарелки. Мерфи стояла рядом со мной, поливая каждый кусочек сливками и добавляя вишни. Она остановилась и посмотрела на меня.

— Что-то не так, — сказала она. — Я знаю, что много времени провожу с Джошем, но теперь я вижу. Ты оступилась.

Я посмотрела на нее и слабо улыбнувшись переспросила:

— Оступилась?

— Да, — сказала она. — Произошел возврат к старой Харпер Бель. Понимаешь? К той, которая была ДО Кейна.

Последняя пара прошла мимо меня с тарелками, каждая Дельта шла под руку с парнем из братства, все были одеты в праздничную, яркую одежду. Положив последний кусочек чизкейка, Мерфи поставила на стол бутылочку со взбитыми сливками и потянула меня за руку.

— Пойдем, — сказала она.

— Куда? — спросила я.

— Наверх, — она посмотрела на меня через плечо. — Время исповеди, милая.

Я рассказала Мерфи практически все, что произошло между мной и Кейном сидя на кровати Мерфи. Включая избиение Кейна, а также о том, что он узнал про пари, остальное я все же оставила при себе.

— Чепуха, — прошептала она. — Черт возьми, Харпер, мне так жаль. — она сжала мою руку — Он вернется. Я готова поставить на кон свою жизнь, — она улыбнулась. — То, как этот парень на тебя смотрит, ух, простое недоразумение в стенах женского сообщества не позволит ему вот так просто уйти.

Я вздохнула.

— Надеюсь, ты права, — я посмотрела на нее, она была моим другом, не считая Оливии. — Спасибо, Мерфи.

— В любое время, детка, я здесь, — ответила она.

Ночью я лежала в кровати без сна, пялясь в потолок залитой светом комнаты и думала про Кейна. Я еще раз попробовала позвонить ему, но попала на голосовую почту. Я повесила трубку, дыра в груди становилась с каждым днем все больше. Я заснула.

* * *

Прошло еще три дня, Уинстон распускал всех на каникулы. От Кейна по-прежнему не было вестей. Ни единой смски, ни единого звонка — НИЧЕГО. В моем сердце было холодно, пусто, грустно. Часть его подпитывалась стыдом, я знала, что пари с самого начала было плохой идеей. Ведь я не рассчитывала влюбиться в своего “подопечного”. Влюбиться так быстро.

В принципе, влюбилась я так же быстро, как и разрушила все. Теперь Кейна не было рядом.

Я поехала в парк, села на скамейку рядом с Кларой, мы поболтали. Рядом с ней мне как-то стало легче. Она была милой и мудрой женщиной, даже просто слушая ее истории, я возвращалась к жизни. Правда, до тех пор, пока я не ложилась в кровать, где страхи и мысли не давали мне уснуть. На сердце было тяжело.

Мы вышли с Мерфи из библиотеки, она обернулась и сказала:

— Новостей нет, да?

Я покачала головой.

— Нет.

Она обняла меня в попытке утешить.

— Ой, милая, он вернется, как только его раны заживут, он поймет, что не может жить без тебя. Дай ему время, — она подмигнула мне. — Вот

увидишь.

Я кивнула и, не желая быть полной развалюхой, натянуто улыбнулась.

— Как у тебя дела с Джошем?

Улыбка медленно растеклась по ее лицу.

— Все хорошо, спасибо. После Рождества он приедет знакомиться с моими родителями, — она покачала головой. — Не могу дождаться того момента, когда он познакомится с моим папой. Господи, он же у меня такой большой, грозный валлиец, — она улыбнулась. — Я сниму эту встречу на камеру, — она обняла меня еще раз. — Если что-то изменится, ты ведь позвонишь мне? А еще, тебе всегда рады в доме Полков! Так что если передумаешь, приезжай на Рождество!

— Спасибо, — ответила я. — Я...

— Харпер Бель?

Я повернулась и увидела пожилого мужчину в сером костюме и длинном пальто. Он был высокого роста с сединой на висках. Осторожные голубые глаза смотрели на меня. Добрые, пронцательные глаза. Он улыбнулся.

— Я уверен, ты меня не помнишь, мы встречались с тобой очень давно, — он протянул мне руку, и я пожала ее. — Меня зовут детектив Фрэнк Шэнкс. Могу я поговорить с тобой наедине? Возможно, у меня есть кое-какие новости по делу твоих родителей.

Я ошеломленно смотрела на него. Мой мозг начал усиленно работать, и вдруг звуки вокруг меня приглушились. Его губы двигались, но я не слышала, что он говорил. Воспоминания накатили, у меня перехватило дыхание, коленки задрожали. Человек, который много лет назад вытащил меня из кухонного шкафчика, сейчас стоял прямо передо мной. Волна за волной обрушивались на меня, пока я стояла, держа за руку детектива Шэнкса. У него нахмурились брови, когда он наклонился ко мне. У меня онемели губы, и я начала задыхаться. Конечно же, я помнила его. Я бы никогда не забыла. Никогда.

О Господи, нет! Не дай этому случиться! Не позволяй им увидеть то, что внутри меня!

Меня как будто посадили на быстро вращающуюся карусель, я кружилась, кружилась все быстрее и быстрее, вот лицо Мерфи, вот лицо детектива, опять Мерфи, опять детектив, и так до бесконечности, пока я не упала, содрогаясь всем телом. Я не могла дышать, ничего не видела вокруг. Монстр вышел наружу, я знала это. Я чувствовала, что задыхаюсь, кашляю. Все это увидят и меня поместят в психушку. Дрожь пробрала все мое тело, затем зловещая пелена тьмы упала на мои глаза.

* * *

— Привет.

Я медленно открыла глаза. Мерфи смотрела на меня. Тот мужчина, детектив Шэнкс, тоже.

Они вместе образовывали букву “У”.

— Харпер, у тебя был приступ, — сказал детектив Шэнкс. — Ты страдаешь эпилепсией? Как ты себя чувствуешь?

Я попыталась сесть, но его тяжелая рука лежала у меня на плече.

— Нет, милая, — сказал он хриплым, но ровным голосом. — Полежи. Я вызвал скорую.

Я оттолкнула его, голова закружилась.

— Нет, отзовите их, мне не нужна скорая, я в порядке, — я посмотрела на него и мои страхи вернулись. — У меня нет никакой эпилепсии.

Я села с его помощью. Взглянула на Мерфи, у нее было обеспокоенное лицо, позади нее было много других лиц, на которых явно читался ужас.

— Тебя трудно было найти, — сказал детектив. — Ты стала совсем взрослой. Просто отдохни, Харпер. Посиди, пока не приедет скорая. Мы можем поговорить позже, ладно?

Поговорить позже? Что он узнал? Слышал ли кто-нибудь его слова? Мои глаза метались по толпе людей, наблюдающих за мной.

— Я... я в порядке, правда. Могу я встать? — Я не была в порядке, голова болела, меня тошнило. Детектив Шэнкс вернул все ужасы прошлого, все ужасы той ночи, тех дней, которые я провела, прячась в кухонном шкафчике. Он помог мне встать, и я заставила себя успокоиться.

— Вам придется вернуться, — поспешно сказала я детективу, я повернулась и пошатнулась, но заставила ноги слушаться, вести меня через толпу. — Я не могу сейчас говорить и скорая мне не нужна.

Он не пошел за мной. Это удивило меня. Я пробиралась сквозь толпу зрителей, их лица расплывались у меня перед глазами. Они все устали на меня, как будто я была монстром, Коринн Бель была права. Мне нужно было уйти, уйти подальше — прежде, чем меня заберут в психушку. Мои ноги были слабыми, но я шла так быстро, как только могла, пока не дошла до дома Дельт. Мерфи шла прямо за мной.

— Харпер, подожди, — настаивала она. — Харпер!

Я поднялась по ступенькам, встала у двери. Я оставила там сумку. Кошелек. Ключи. Слезы полились из глаз, Мерфи подошла ко мне.

— Вот, вот твоя сумочка, — сказала она и провела картой-ключом по

двери, и мы вошли. Я побрела к лестнице, Мерфи пошла за мной.

— Харпер, — сказала она. — Милая, тебе нужно отдохнуть.

Войдя в комнату, я пошла напрямик к кровати, Мерфи пошла за мной и положила мои вещи на пол. Я легла на кровать и повернулась на бок, отвернувшись от нее.

— Этот детектив дал мне свою визитку, — сказала она и положила визитку мне на тумбочку. — Я побуду с тобой. Харпер, что происходит?

Впервые в жизни Мерфи допрашивала меня о моей личной жизни.

— Я не могу сказать, Мерфи. Нет, — пробормотала я. — Не оставайся.

— Но я не могу оставить тебя здесь вот так просто после того, что было.

— Можешь, — сказала я. — Иди.

— Зови, если я тебе понадобится. — тихо сказала она. — Я буду у себя до утра.

Я ничего не ответила. Потом я услышала, как закрывается дверь, и только лишь тогда я смогла дышать вновь. Я закрыла глаза и из них тут же потекли слезы, вновь я плакала и плакала, пока не уснула.

Детектив Шэнкс. Как он нашел меня? Что он хотел? После стольких лет он вновь принес кошмары в мою жизнь. Я не хотела этого, я хотела, чтобы кошмары пропали. Навсегда.

Предполагаю, это никогда не произойдет. НИКОГДА.

* * *

Я проспала всю ночь, и уже к утру новость о моих демонах распространилась повсюду. Мой припадок посреди кампуса. Я, так же как и Оливия, стала звездой ютуба Уинстона за одну ночь. Коринн Бель предупреждала меня, что так будет, если я не буду осторожной. Тем не менее, никто из них не знал количества моих демонов, и за это я была благодарна. Бракс и Оливия зашли ко мне, Мерфи их впустила, и я немного с ними поболтала. Я собрала всю волю в кулак, навесила на себя маску смелости, сказала им пару слов и отправила на пары. У Оливии было обеспокоенное лицо, но я попыталась убедить ее, что со мной все в порядке. Несмотря на мое унижение в интернете, я поняла, что хочу просто... исчезнуть. Уехать. И хотелось верить, что за время каникул все об этом забудут.

— Ты не надумала ехать к нам на рождественские каникулы? — спросила Оливия. — Тебе нужно развеяться.

— Спасибо, — ответила я, — но моя бабушка ждет меня.

Оливия несколько секунд смотрела на меня, затем кивнула.

— Хорошо, — сказала она. — Звони в любое время. Тебе нельзя за руль, Харпер.

— Я буду ехать осторожно, — заверила ее я. — Спасибо, Оливия.

Я смотрела, как Бракс и Оливия уходят, а затем и Мерфи. Но перед уходом она в который раз умоляла меня поехать с ней. Я любезно отказалась. Наконец, я осталась последней живой душой в доме Дельт. Кампус тоже опустел, обычно мне было все равно. Теперь? Теперь все казалось шелухой, мусором. Собрав вещи, я взяла сумку, спустилась вниз, забросила сумку в багажник и покинула Уинстон.

Поездка домой поглотила меня. Сердце стучало так, будто я бежала марафон, а желудок, казалось, вытащили и засунули обратно, но неправильно. Некоторые мои секреты стали достоянием общественности в Уинстоне. Что я буду делать, когда вернусь?

Хуже того, внутри меня была дыра, пустота, и я знала, что это Кейн, но ведь я сама виновата в том, что он ушел. Было бы все иначе, знай он с самого начала? В момент, когда я поняла, что не хочу больше участвовать в пари и что он что-то значит для меня.

Это был долгий, долгий путь домой. Я остановилась в местном супермаркете, чтобы купить немного еды, бананы и воду. Затем поехала домой. Тьма окутала дом Бель со всех сторон, но так как я в прошлый раз оставила включенными все лампы в доме, они приветливо встречали меня ярким светом. Я припарковалась, вышла из машины, взяла пакет со скудными припасами, сумку с вещами и побрела к входной двери. Подняв коврик, я вытащила ключ, открыла дверь и вошла внутрь.

Отопление я не включала, потому внутри было холодно, и я пошла напрямик к камину разводить огонь, когда дело было сделано, вытащила одеда из сумки, расстелила их на полу и легла. Есть не хотелось, пить тоже, в душ идти не было желания, думать тоже.

Я лежала и смотрела на огонь, пока мои веки не потяжелели, и я не погрузилась в сон.

Мне снился Кейн, мы занимались любовью, я чувствовала, как наяву все его прикосновения, ласки и поцелуи, но затем этот прекрасный сон превратился в кошмар, и я оказалась голой, запертой в темной комнате наверху, тот самый запах из кухонного шкафчика под раковиной ударил мне в нос. Я видела маму, она лежала на полу в неестественной позе, широко распахнутые глаза смотрели прямо на меня, светлые волосы залиты кровью. Она лежала и не просыпалась, вне зависимости от того, как сильно я ее трясла. Она не закрывала глаза. Только смотрела на меня

невидящим взглядом. Затем появились голоса. Я побежала. Спряталась. Втиснулась в этот кухонный шкаф. Детектив Шэнкс нашел меня, и я снова оказалась в его объятиях, а потом я кричала, стоя посреди Уинстона, потому что монстр внутри меня вышел и его увидела Мерфи, все увидели.

Я проснулась в панике, вся мокрая от пота, холодный воздух окутал меня и дрожь побежала по всему телу. Я тяжело дышала, сердце стучало в груди как сумасшедшее. Каким-то образом я вновь заснула.

Проснувшись утром, я обнаружила, что огонь в камине погас, мне было холодно внутри и снаружи.

Так я промаялась еще два дня. Я колола дрова. Заработала еще больше мозолей. Наконец, я сходила в душ. Я читала, гуляла по участку Бель, замечая, как все вокруг стало запущено, я чувствовала свою вину в этом, что так запустила дом и окрестности. Кейн, однако, все равно забирался в мои мысли. Я даже носила с собой телефон, так, на всякий случай. Но он не звонил и не писал, а мне было слишком стыдно звонить или писать самой.

Наступил канун Рождества.

И я вновь была один на один со своими призраками.

21. Демоны

Я сидела перед камином в доме Бель и жевала сэндвич с индейкой, который приготовила сама. Канун Рождества, а я вновь одна в доме Бель. Я держала себя в руках, все было под контролем, как минимум, частично.

Я не могла дожидаться, когда закончится завтра.

Сон не шел, я легла спать раньше, но совсем не устала. От кошмаров у меня была бессонница, и я чувствовала себя совершенно беспомощной. Я взяла книгу, но что-то мне не очень хотелось читать Эмили Бронте сегодня. Да мне вообще не хотелось читать.

Я хотела Кейна. Я хотела все ему рассказать. Хотела сбросить бремя, которое все эти дни таскала за собой. Я так сильно его хотела, что было больно даже вспоминать его имя, не говоря уже про глаза, лицо, губы, те самые губы, которые доставляли мне столько удовольствия. Дыра в моей груди росла. В канун Рождества я чувствовала себя более одинокой, чему в другие дни.

Я стала ходить по комнатам, прекрасно зная, что из этого выйдет. Воспоминания о жизни, которая была, моменты, которые я вовсе не хотела запоминать. Страх, который я не хотела испытывать.

А что насчет боли? В конце концов, ее-то я заслужила. Коринн Бель говорила так.

Меня от этого тошнило. Чертовски все надоело.

Воспоминания нахлынули на меня, и я выскочила из дома в холод. Схватила топор и побежала на третий этаж, в ту самую комнату. Я вдруг вспомнила свой первый день в доме Бель. Коринн Бель тогда заставила меня раздеться перед ней, принять душ, чтобы смыть всю грязь с девочки, которую она ненавидела, которой она не позволяла оплакивать своих родителей и даже вспоминать о них. Она никогда не обнимала меня и никогда не жалела, никогда не утешала. Она просто взяла все мои вещи и сожгла, вместе с единственной фотографией моих родителей. Она оставила меня одну. Заперла в темной комнате гольшом лишь за то, что я хотела вернуть свои вещи. За то, что я не хотела терять последнюю частичку себя, своей жизни. Она заставила меня страдать от последствий. Сказала мне, что я мертва.

В конце коридора темнелась дверь. Я подошла к ней, у меня тут же перехватило дыхание и сердце забилось чаще, слезы потекли из глаз, я закричала.

Взмахнув топором, я ударила им по двери, я делала это снова и снова, до тех пор, пока дверь не раскололась пополам, тогда я без сил упала на пол. Едва дыша, я рыдала, затем встала и поплелась в свою старую комнату, еще больше воспоминаний и кошмаров окутали меня. *Кейн*. Господи, как бы я хотела, чтобы он сейчас был рядом со мной.

Я вновь почувствовала одиночество. На этот раз это была моя вина.

Как только я открыла дверь своей старой комнаты, страхи атаковали меня. Я зажмурилась от волны воспоминаний, но уже через секунду почувствовала, что заслужила все это. Поэтому я осталась, села на кровать.

И разревелась.

Видения той ночи, когда меня нашли полицейские, были такими реальными, что я подскочила с кровати и выбежала из комнаты, как будто демоны бежали за мной по пятам. Они и вправду бежали. Они были там, всегда были.

Сбежав вниз по лестнице, я бросила топор и побежала со всех ног к своей временной кровати у камина, там я натянула тонкое одеяло на голову и только тогда слезы полились с полной силой, а рыдания превратились в вопли. Я заснула, плача, я даже не помню, когда рыдания прекратились, но к тому моменту, как я открыла глаза, солнечные лучи ласкали мое лицо. Наступило утро. Рождественское утро. Холод. Одиночество. Я оттолкнула свое отчаяние из-за прошлого, потерянного детства, а так же свою новообетенную любовь к Кейну. Настало время встретиться лицом к лицу со старым демоном.

Я быстро собралась и приготовилась к очередному визиту к Коринн Бель.

В Оаквью мисс Бэйкер как всегда встречала меня так, как будто не видела меня несколько недель назад. Я надела зеленое бархатное платье и дорогие черные лакированные туфли, волосы просто причесала и заложила за уши. Для персонала я специально купила фруктовый пирог. Он мне казался кирпичом, но им всегда нравилось.

Поздоровавшись со всеми, я подготовилась к ледяному взгляду, которым меня окутывала Коринн Бель при входе, но она не открыла глаз, когда я вошла. На ней была надета красная клетчатая фланелевая рубашка с белым воротничком, ее белоснежные волосы были собраны в хвост. Лицо было расслабленным, без злых линий, которые всегда были на нем. Мое сердце забилось быстрее, я глубоко вздохнула и сказала:

— Счастливого Рождества, бабушка Бель.

Ледяные голубые глаза по-прежнему оставались закрытыми, а брови не нахмурились как обычно.

Я подошла ближе. Взяла ее за руку, которая лежала сверху на одеяле. Рука оказалась такой же ледяной, как и ее взгляд. Холодная. Жесткая.

У меня дрогнуло сердце.

— Бабушка?

Коринн Бель не шелохнулась. Она не двинулась ни на миллиметр. А еще она не дышала.

Я стояла и смотрела на нее в ожидании, что ее ужасные сердитые глаза откроются, сфокусируются на мне и вспыхнут злостью. Но этого не произошло. Меня начало трясти, дыхание участилось, сердцебиение тоже. Как такое могло произойти? Как?

— Счастливого Рождества! Как наши дела? — сказала мисс Бэйкер, войдя в комнату.

Я неотрывно смотрела на тело Коринн Бель.

— Она... — мой голос дрогнул, надломился.

— О, моя бедная девочка! — вздохнула мисс Бэйкер. — Мисс Бель! — она поспешила к моей бабушке, похлопала ее по руке, затем по щекам. Подняла свой встревоженный взгляд на меня. — Я мыла ее всего полтора часа назад, — сказала она плача. — Мисс Харпер, мне так жаль!

Слезы не шли из моих глаз.

Я не буду плакать над ней, над телом Коринн Бель.

Никто не знал тех вещей, которые знала я.

Так это и останется.

Навсегда.

— Мисс Бель, милая, вы в порядке? — спросила мисс Бэйкер обеспокоенным голосом.

Я видела монстра в кровати. Ее глаза были закрыты. И они не открывались. Руками я крепко схватилась за край кровати, так что костяшки пальцев побелели. Я успокоила дыхание настолько, насколько смогла, затем посмотрела на мисс Бэйкер.

— Я в полном порядке, возможно, впервые в своей жизни.

Монстр мертв.

Я была одна.

В комнату вихрем ворвался персонал, мисс Бэйкер, все еще немного всхлипывая, отсоединяла питательные трубки от тела Коринн Бель. Я села в кресло и спокойно за всем наблюдала, затем я вдруг подумала: а что делать мне?

— Мисс Бель, не беспокойтесь ни о чем, — сказала мисс Бэйкер, присаживаясь на стул рядом с моим креслом. — Ваша бабушка была замечательной женщиной, все последние распоряжения сделаны, — она

похлопала меня по руке. — Вам не нужно делать абсолютно ничего.

Эти слова звучали как шутка. Я не винила мисс Бэйкер за незнание. Хотя как же она не могла видеть чистую ненависть, стреляющую из этих ледяных голубых глаз, я не могла этого понять. Тем не менее, я продолжала пристально наблюдать за Коринн Бель, персонал хлопотал вокруг нее, поправляя подушку и укутывая ее в одеяло. Они не имели ни малейшего понятия о том, что они поправляют подушку монстру.

— Нужно ли кому-нибудь позвонить, милая? — спросила мисс Бэйкер.

Я не повернулась к ней, я все еще не сводила глаз со своей мертвой бабушки.

— Нет, — сказала я. — Больше никого нет, только я, я одна.

* * *

Рождественская ночь. Я лежала на полу на одеяле перед камином в доме Бель и думала о том, что будет дальше. Что мне нужно делать дальше? Я не знала, кто я, точнее, не знала, кем я должна была быть. Свободна ли я теперь? Или навсегда, до конца своих дней, буду заперта в тюрьме, которую приготовила для меня Коринн Бель. Стану ли я когда-нибудь нормальной? Я хотела позвонить Мерфи. Я, конечно, совершенно не подпускала ее к себе, но сейчас мне хотелось рассказать ей, рассказать про свое прошлое и почему детектив Шэнкс приезжал в Уинстон. Было бы неплохо освободиться от демонов без опасения Коринн Бель. Неужели это так просто? Вот так взять и рассказать? Просто... просто отпустить?

Тогда мне пришла в голову идея.

Сначала я сделаю кое-что, а затем позвоню Мерфи.

Я села, взяла в руки телефон и позвонила в справочную.

— Справочная по городам и штатам, слушаю вас, — тут же отозвался оператор.

— Бостон, Массачусетс, — сказала я. — Я, к сожалению, не знаю названия города, но мне нужно медицинское учреждение Харбор Бриз.

— Оно находится в городе Ревир, подождите пару минут, я продиктую номер.

Так я и сделала.

После звонка мои мысли просто взорвались. Впервые в жизни, я знала, кем мы были с Кейном. Даже несмотря на то, что это было недолго. Впервые в жизни я почувствовала, по-настоящему почувствовала свою жизнь. Теперь его нет, а я совершенно одна и не знаю, что мне делать. Я хотела его вернуть, очень-очень сильно.

Наконец, я заснула. Лицо Коринн Бель тут же встало перед глазами, прямо как привидение из романа Чарльза Диккенса. Ее глаза сверкали гневом, ледяные голубые глаза, брови сведены вместе, она приближалась ко мне и смотрела прямоком в душу. Она угрожала запрятать меня в психушку. Я думаю, в действительности она просто хотела гоняться за мной, изо всех сил я старалась держать глаза закрытыми, вынуждая привидение Коринн пропасть, и я вновь погрузилась в сон.

Всю ночь я плыла в кошмарах, из прошлого, из детства, прятаясь под кроватью, забившись под раковину в кухонный шкафчик. Видения той самой ночи мелькали у меня перед глазами, как фильм на старом кинопроекторе, с бледными, злыми, кричащими лицами, и кровь, повсюду была кровь.

— Нет! — закричала я во сне, губы онемели, сердце билось как бешеное и несмотря на холод гостиной, пот градом стекал по моему лбу. Слезы потекли из глаз, я рыдала и кричала:

— Нет! Пожалуйста! Не отправляй меня в психушку! Я не плохая! Я... я не псих! Пожалуйста, бабушка!

— Харпер, Харпер, — вдруг я услышала голос, знакомый, мягкий, хриплый. — Открой глаза.

Я почувствовала руку на своем плече. Почувствовала тепло тела рядом со мной. Распахнув глаза, я почувствовала, что мое горло больно сжалось, легкие обдало огнем, я не могла дышать. Я пыталась схватить воздуха, еще и еще, затем попыталась встать, мне нужен был воздух. Я не могла дышать.

Это был Кейн, и он был рядом, каким-то немыслимым образом он нашел меня, крепко обнял и прижал к груди. Это что, очередное видение? У меня галлюцинации? Кейн придерживал меня за голову и крепко обнимал, он казался настоящим. Он должен быть настоящим.

— Почувствуй, как поднимается и опускается моя грудь, — нежно сказал он. — Почувствуй мое дыхание. Вдох. Выдох. Слушай, как бьется мое сердце, Харпер. Делай как я.

Я слушала, затем постаралась сосредоточиться.

— Дыши, детка, — прошептал он. — Дыши, как я.

Я запуталась в мыслях. В голове был сплошной туман. Но я дышала. Вдох. Выдох. И снова вдох, выдох. До тех пор, пока не спало онемение с губ, до тех пор, пока не успокоилось сердце. Сосновый аромат Кейна окутал меня, я отодвинулась. Реальность происходящего как будто удар лопатой по голове.

— Как ты здесь оказался? — прошептала я.

— Я нашел тебя, — сказал он, смотря мне в глаза.

Да, нашел. Старые страхи нахлынули на меня. Я ничего не могла с собой поделать.

— Никто... никто не знает.

Он взял меня за подбородок и нежно поднял голову.

— Расскажи мне, Расскажи, Харпер, что тебе снилось.

— Прости меня, Кейн, — сказала я и уткнулась ему в грудь, обняла за талию. Он был здесь. Он правда был здесь, и я не хотела его отпускать. — Я хотела рассказать тебе про пари, что оно закончено, что его больше нет, но я... я просто не рассказала, — я посмотрела на него. — Я никогда не хотела причинить тебе боль.

В его глазах струилась нежность.

— Я знаю, прости меня за то, что я не дал тебе шанса рассказать мне все. Прости, что сбежал.

Я поглощала его, поглощала глазами. Его темные взъерошенные волосы, алебастровая кожа, на которой уже практически не было видно синяков и эти глубокие, выразительные глаза, которые говорили столько вещей одновременно.

— Я все еще не могу перестать смотреть на тебя, — сказала я.

Он притянул меня к себе.

— Тогда не переставай.

Некоторое время мы так и стояли, обнявшись. Из моих глаз побежали слезы, я хотела обнять его, прижать к себе крепко-крепко, но не решалась из-за ребер.

— Ты не сделаешь мне больно, Харпер, — прошептал он мне на ухо, как будто прочитав мои мысли.

Тогда я обняла его крепко-крепко.

— Этот дом, — сказал он. — Детка, что происходит? — он поднял мой подбородок, заставив посмотреть ему в глаза. — Что они с тобой сделали?

Я выдохнула, этот выдох, казалось, освобождал меня от любых запретов не рассказывать никому, ни единой душе о моем прошлом,

поэтому я рассказала Кейну все, все что помнила.

Я рассказала ему даже то, что скрывала сама от себя.

22. Кейн

Я слушал. Это было нелегко. Ужасно нелегко. Ее рассказ длился и длился, до утра.

Похоже, жизнь поимела нас обоих.

То, как Харпер вспоминает про свое мучительное детство, напоминает наказание маленького ребенка за то, что разлил виноградный сок на белый ковер. Что бы она не вспомнила, в каждом своем поступке она видела только свою вину. Ее родители оба были наркоманами и нюхали кокаин — ее вина. Бедность и нищета — снова Харпер виновата. Она не только смотрела, как ее родителей убивает лакей недовольного наркобарона, но и сидела потом в заброшенной квартире с мертвыми родителями несколько дней, пока копы не нашли ее — и снова виновата сама. Почему, черт возьми? Харпер впустила лакея. Открыла ему дверь. В свои восемь лет она взяла всю вину на себя и с тех пор жила с этим.

А ее бабушка позволила девочке винить себя. Забрала ее к себе в дом, заставив при этом забыть прошлое, забыть родителей. А потом стала мучить. Запугивала сумасшедшим домом. Приставила к ней шпионов, которые следили за каждым ее шагом в школе, затем в университете, и докладывали Коринн Бель обо всех проступках Харпер. Господи Боже, да что за монстр такой мог поступить так с ребенком? Когда Харпер уснула, я некоторое время держал ее на руках, затем решил побродить по дому, немного осмотреться. Наверху, на третьем этаже, я нашел темную комнату. В этой комнате Коринн запирала Харпер за проступки. Харпер разнесла всю дверь в клочья топором. Правильно.

Харпер никогда не били. Физически. Но все равно ее как будто избивали. Все время. Ведь она вынуждена была притворяться, что у нее не было другого прошлого. Вынуждена притворяться той, кем она не была. Все во имя сохранения фамильного имени Бель в чистоте. Коринн Бель пугала Харпер до чертиков, даже когда она выросла и переехала в Уинстон, даже когда у Коринн случился инсульт, и она уже чисто физически не могла ничего сделать. Она все еще боролась с этим. Коринн Бель ничем не лучше моего придурка отца. Эта сумасшедшая старуха убедила Харпер, что внутри нее живет чудовище, что отношения с парнем — грех. То, что Харпер позволила мне прикоснуться к себе, уже было чудом. Пройдет еще очень много времени, прежде чем я смогу переварить то, что она сказала.

Я хотел стать тем, на кого бы она могла опереться. Кому бы она могла

верить.

Любить.

— Твоя спина, — сказала она мягко. — За что?

Ужасные воспоминания нахлынули на меня, но я уже поборол своих демонов много лет назад, когда чуть не убил своего отца.

— Это был садистский способ моего отца контролировать меня, — ответил я. — Он называл меня глупцом/придурком каждый день. Он знал, что я все возьму на себя, лишь бы он не навредил Кэти, — я рассмеялся, — это было чертовски больно, каждая буква, но оно того стоило. Кэти была такой хрупкой. Я всегда знал, что она не переживет ни один из садистских порывов нашего отца, — я посмотрел на Харпер, в ее глазах была нежность, она взяла меня за руку. — Я ошибался, — сказал я. Маленькое тело Кэти стояло у меня перед глазами — то, как оно лежало в ту ночь много лет назад. — Она все еще здесь, моя сестра. Меня не волнует, что говорят доктора или медперсонал. Она знает, что я здесь, — я кивнул и взял руку Харпер. — Я всегда буду здесь.

— Она знает, что ты любишь ее, — сказала Харпер, положив голову мне на плечо. — Она это знает.

Некоторое время мы оба молчали, но затем Харпер нарушила тишину.

— Как ты думаешь, я стану когда-нибудь нормальной, Кейн? Или кошмары навсегда останутся со мной?

— Мы вместе научимся быть нормальными, — сказал я.

Она ничего не ответила, но крепко обняла меня, и я почувствовал ее вздох. Вздох облегчения? Лишь время покажет. Я знал, что это будет нелегко и что впереди ждет долгий путь. Нас обоих ждет. Но главным образом ее.

Харпер уснула, но когда снова проснулась, начала плакать. В ужасе. Кричала о том, чтобы ее не запирали в психушке. Я погладил ее по волосам, обнял, и когда кошмар закончился, она все еще продолжала всхлипывать и тяжело дышать, а затем рассказала мне еще одну вещь, от которой у меня просто крышу снесло.

— Вчера я нашла Коринн Бель мертвой в постели, когда приехала к ней.

Я посмотрел на нее. Я не знал, что сказать, потому что просто взял ее за руку.

Харпер резко рассмеялась.

— Даже после смерти она не могла не сделать мне гадость.

— О чем ты? — спросил я.

— Она давным-давно отняла у меня Рождество, Кейн. А вчера, вчера

она просто растоптала его.

На ум пришла мысль.

— Нет, — сказал я нежно, и когда брови Харпер вопросительно изогнулись, я улыбнулся и сказал:

— Мы вернем его обратно. Сегодня.

Она подняла голову.

— Что?

Я встал и протянул ей руку.

— Идем со мной.

Нерешительно улыбнувшись, она взяла меня за руку, и я потянул ее, заставляя встать, ее легкое, как перышко, тело поднялось. Это еще одна вещь, над которой мне надо будет поработать.

Каким-то образом Коринн Бель удалось убедить Харпер в том, что она совершенно бесполезна и что ей надо относиться к своему телу с осторожностью — в первую очередь, это касается еды. Лишь только мысль об этой старой карге вызывала ярость. Я был рад, что она мертва и что Харпер нашла ее мертвой. Однажды у всего этого будет логическое завершение. И я сделаю все возможное и невозможное, чтобы ускорить этот процесс.

У дверей я взял пуховик Харпер, помог его надеть, взял топор, валяющийся на полу, и мы вышли на улицу, морозный декабрьский воздух ударил в лицо. Новая кожаная куртка, которую я получил в подарок от Бракса на Рождество, защищала меня от холода. Я притянул Харпер к себе и направился к поленнице. Огляделся по сторонам.

— Что ты ищешь?

Я поцеловал ее в висок.

— Увидишь.

Наконец, я нашел то, что искал, и пошел напрямик в лес, это была приличная по продолжительности прогулка с учетом морозного рождественского утра и кусающего нас обоих морозного ветра. Она прижалась ко мне, и я понял, что люблю ее. Люблю чувствовать ее тело рядом с моим, люблю запах ее волос, люблю мягкость кожи, то, как она смотрит на меня. Мы с ней похожи. Мы делили демонов, делили страхи.

Мы делимся исцелением друг с другом.

Войдя в лес, среди сосен мы нашли что-то, более или менее подходящее на роль рождественской ели. Маленькое деревце, но это все было не важно.

Это будет наше первое Рождество. Первое из многих.

— Отойди, женщина, — поддразнил я и отодвинул Харпер в сторону.

Я стал рубить елку, срубив, посмотрел на нее.

— Ты сумасшедший.

— Ты любишь сумасшедших.

— Только если этот сумасшедший — ты.

Я взял елку за ствол, и мы пошли обратно к дому Бель.

Подставки под елку не было, огоньков и шариков, чтобы ее украсить тоже, я поставил деревце у каменной стены возле камина, и она уже начала пускать смолу. Наша елка была небольшой — чуть больше метра.

В следующем году у нас будет правильное Рождество.

В этом году? В этом году была отправная точка, прошлое остается позади.

Мы прогоняем прошлое сильнейшим пинком под зад.

Я обнял Харпер за плечи и усадил под елкой.

— Не двигайся, закрой глаза и не открывай, пока я не скажу.

Она закрыла свои прекрасные глаза.

— Хорошо-хорошо.

Я выбежал на улицу, к своему пикапу, вытащил коробку, которую мне помогла завернуть Оливия. В два прыжка преодолел крыльцо, быстро вбежал внутрь и присел рядом с Харпер, и просто не мог отвести от нее глаз.

— Уже можно смотреть? — спросила она.

Я продолжал пялиться, любуясь каждой черточкой ее лица.

— Пока нет.

Она улыбнулась, и я поцеловал ее, затем положил коробку ей на колени.

— Теперь можно.

Она открыла глаза.

Посмотрела на коробку, аккуратно прикоснулась к красному банту и стала потихоньку его развязывать. Она делала это так медленно, что я чуть не выхватил у нее коробку и не распаковал подарок за нее. Затем Харпер посмотрела на меня и мое сердце сжалось в груди — ее глаза были полны слез.

— Так красиво, — сказала она и ее голос дрогнул.

Я напомнил себе, что нужно дышать.

— Открывай его, глупышка.

В этот момент я вдруг понял, что несмотря на слово, вырезанное у меня на спине пьяницей отцом, которому вообще нужно было запретить иметь детей, я вовсе не был глупцом, совершенно не был. Я точно не глупый парень.

Я смотрел, как Харпер медленно развязывает бант, замечая, что у нее дрожат руки, и это огорчило меня на мгновение, ведь у нее было все и в то же время ничего. Такие простые вещи, как красный бант на коробке, делают ее счастливой.

Она никогда не получала подарков от любимых людей.

С этого момента все будет по-другому.

Она открыла коробку, несколько секунд смотрела на то, что было внутри, затем посмотрела на меня и бросилась мне на шею. Коробка упала между нами.

— Новый фотоаппарат! — сказала она возбужденно. — Кейн! — она осыпала все мое лицо поцелуями, а затем поцеловала в губы, так нежно, медленно и эротично. Завершив поцелуй, она посмотрела на меня, ее глаза сияли, такое редко можно увидеть в современном мире. Я знаю людей, встречал многих, но такого в глазах не видел никогда.

Благодарность. Чистая, неприкрытая благодарность.

И еще кое-что было в ее глазах, то, на что я очень надеялся.

Любовь.

— Мне нравится, — сказала Харпер, погладив меня по подбородку, затем снова поцеловала, отстранилась и посмотрела мне в глаза, наши лица были на расстоянии дыхания.

— Я... я люблю тебя, Кейн МакКартти, — нежно, так нежно это было сказано.

Мое сердце вновь сжалось. Для меня это было новое ощущение. Оно было... всепоглощающим. Я поцеловал ее в ответ, медленно, нежно, а затем на выдохе сказал.

— Я так люблю тебя, Харпер Бель, ты и представить себе не можешь.

Ее глаза расширились от удивления.

— Ты любишь меня?

Я не мог не рассмеяться. Я люблю. Это казалось невероятным, но я знал, что люблю ее точно так же, как и то, что я дышу.

— Да, я люблю тебя, и у меня есть кое-что еще для тебя, закрой глаза.

Она закрыла глаза, а я полез в карман и вытащил маленький круглый предмет, который пару дней назад нашел в антикварном магазине. Я взял Харпер за руку и положил его на ладонь.

— Отлично. Открывай глаза.

Реснички Харпер затрепетали, она открыла глаза, посмотрела на меня, затем на свою ладошку. Она вздохнула и аккуратно провела пальцем по латунному покрытию компаса. Харпер ничего не говорила, просто рассматривала компас.

Когда она посмотрела на меня, ее глаза вновь были наполнены слезами и благодарностью.

— Кейн, — сказала она, и ее голос дрогнул. — Я буду хранить его вечно.

— Это чтобы ты всегда находила свой путь, — сказал я, не сводя с нее глаз. — Свой путь ко мне.

Она снова обвила меня руками, и наши губы вновь слились в поцелуе.

— Я так счастлива сейчас, я никогда не была так счастлива за всю свою жизнь.

Я крепче прижал ее к себе.

— Я тоже.

Затем она подскочила, брови нахмурились.

— А я тебе ничего не подготовила в подарок.

Я посмотрел на нее. Посмотрел прямо в глаза. Мне казалось, мы можем читать мысли друг друга. Но на всякий случай я все же сказал это вслух.

— Ты подготовила и даже уже подарила, за это я тебе буду благодарен всю жизнь, Харпер.

Она даже не попыталась отговариваться.

— Как ты догадался, что это я?

Я улыбнулся.

— Потому что кроме тебя больше никто не знает, что у меня есть сестра, и что она находится в Харбор Бризе.

Она позвонила в Харбор Бриз на Рождество и оплатила счета Кэти на десять лет вперед. В тот момент, когда мне позвонили сообщить эту новость, мое сердце чуть не лопнуло, и я сразу же понял, что это сделала Харпер. Я никогда не смогу отдать ей эти деньги, но я сделаю все для нее и для начала выйду из игорного бизнеса. Сдам экзамены за среднюю школу, может, возьму парочку курсов в университете. Все это я скажу ей попозже. Сейчас я просто хочу быть с ней. Рядом, деля этот момент.

Наше настоящее.

— Ох, — сказала она, обняв меня за шею. — Скажи эти слова еще раз.

Я прижался губами к ее уху, поцеловал в ушко и прошептал:

— Я люблю тебя, Харпер Бель.

Она довольно вздохнула, обычные люди так не делают.

В этот момент я снова пропал. Потерялся в ней. Опять.

Навсегда.

notes

Примечания

1

классическое индийское блюдо, комбинация алу (картошка для индусов) и цветной капусты, блюдо подается с зеленым соусом